

**КОНЫЧЕВ
ИГОРЬ**

ЧЕРНЫЕ СТРЕЛЫ

КНИГА 1

2016

Игорь Конычев
Черные стрелы

Пролог

Война между двумя народами окончена.

Восстановлен столь желанный мир.

Настороженность, постепенно сменяется безмятежностью. Когда на горизонте нет видимой опасности, а с неба льется мягкий солнечный свет — люди часто становятся беспечны.

Но пролитая однажды кровь не исчезает бесследно. Как все тайное, рано или поздно становится явным, так и расплата за содеянное приходит неминуемо.

Так или иначе.

В прошлом нет будущего, но в будущем всегда найдется место для прошлого. Черной тенью оно скользит в тумане, безошибочно находя дорогу во тьме по звуку бьющегося сердца.

От прошлого нельзя убежать.

Нельзя изменить то, что уже случилось.

И только будущее подвластно человеку, если в нем найдется достаточно мужества, чтобы лицом к лицу встретиться с тенями, призраками минувшего.

Но что станет, если призраки найдут воплощение в реальном мире и окажутся сильнее человека?

Черные стрелы

Нагретая солнцем и теплом человеческого тела, сухая солома источала приятный, даже уютный запах. Пусть и слабо, но она покалывала открытые участки кожи, причиняя нежеланное неудобство, но даже так, явно выигрывала у твердого днища телеги.

Мужчина лежал в глубокой скрипучей повозке. Закинув руки за голову, он разглядывал голубое осеннее небо, немного шурясь от теплых лучей заходящего солнца. Ему нравилось следить за пушистыми облачками, неспешно и безмятежно проплывающими наверху. Это всегда успокаивало.

Телега ощутимо тряслась, но и зачастую резкие рывки, словно убаюкивая лежащего на соломе человека. Он лежал, слушая негромкий разговор двух мужчин, сидящих в изголовье, что переливался с журчанием пробегающей мимо узенькой речушки.

Мужчина с хрустом потянулся и закрыл глаза. День, проведенный на городском рынке, порядком утомил его, а покупатели, сразу же облепившие телегу успели порядком надоест. Теперь же, когда все выделанные шкуры были проданы, и пришла пора возвращаться домой, мужчина тихо радовался долгожданному спокойствию.

Мысли о доме всегда согревали его душу, где бы он не находился: будь то шумные города или темные леса Приграничья, в которых пришлось провести двенадцать долгих лет. Мужчина не считал, что ему не повезло, и он оказался одним из трех юношей, выбранных для военной службы на благо королевства.

Отец всегда служил своему сыну примером во всем, и пойти по его стопам казалось в те дни счастьем. Лежащий в телеге мужчина искренне недоумевал, почему его старик так грустно смотрел сыну вслед, когда тот покидал родную деревню, чтобы вступить в один из пограничных отрядов.

Пришедшее позже осознание не принесло ни радости, ни удовлетворения. Его старик знал, что ждет сына и, видит бог, не желал ему такой судьбы.

Когда четырнадцатилетний мальчик, покидающий отчий дом, оглянулся назад, то увидел мать горько плачущую на плече у мужа. Такой он ее и запомнил. Она не дожила до того дня, когда ее сын, спустя двенадцать лет, вернулся домой целым и невредимым.

Год тогда еще юноша, провел в тренировочном лагере армии Арсетрда, затем еще один год в пограничном отряде и еще восемь лет в густых лесах Наэры, воюя с народом этих земель — детьми Леса. Восемь долгих лет бесконечных вылазок, разведки окрестностей, засады, облав, кровавых стычек и отражения неожиданных атак противников.

Однако, это было еще не все.

Неприятные воспоминания десяти лет войны, меркли в сравнении с теми, что пришлось пережить после того, как между королевством людей и лесным народом был объявлен мир. Десятки лет войны за земли остались в прошлом, и недавние враги вынуждены были объединиться перед лицом новой опасности.

Пролитая в Великих Лесах кровь впиталась в священную для наэр землю, лишив духов этих мест рассудка. Они вырывались наружу из своих убежищ, ведомые неудержимой жаждой крови, оказавшейся столь сладостной для призраков прошлого.

Все, кто попадал под влияние духов Застывшего леса, изменялись навсегда, становясь его безликими тенями, с которыми объединенная армия наэр и людей вела войну уже несколько лет.

И эта война, в отличие от минувшей, оказалась сущим кошмаром, каждый год в круговерти которого, тянулся бесконечно долго.

Теперь же, когда бывший солдат, спустя дюжину лет вернулся домой, отслужив положенный ему срок, прошлое продолжало преследовать его. Оно не отступало ни на шаг, днем — маяча размытой тенью за спиной, а ночью — заключая в свои объятия и шепча на ухо бесчисленные воспоминания о пережитом кошмаре.

Вот и сейчас, прошлое обдало мужчину неприятной волной холода, когда ему вспомнились кровопролитные бои, погибшие товарищи и колючий страх перед неизвестностью, затаившейся среди мертвого леса и слившейся с пляшущими тенями и непроглядным туманом.

— Сынок, может, дождешься ночи, прежде чем спать? — сухой и немного дребезжащий голос принадлежал немолодому мужчине, правящему двумя запряженными в телегу лошадьми.

Его волосы, как и длинную бороду уже окрасила серебром седина, но в глазах все еще искрился юношеский задор. Поводья он держал одной правой рукой, так как лишился левой очень давно, когда нес службу на границе.

— Да пусть поспит, — второй голос, звучал намного мягче и доброжелательнее, а его обладатель, грузный мужчина средних лет, носил серые свободные одежды пилигрима. У него было добродушное, открытое лицо с крупным носом и толстыми губами, с которых не сходила приятная улыбка.

— Я не сплю, — лежащий в телеге сверкнул зелеными глазами, но не спешил вставать. Пошарив рукой, он взял изогнутую соломинку и принялся задумчиво жевать ее кончик.

— Ну, тогда смени меня, а то старые кости уже ноют! — потребовал правящий лошадьми старик, заерзав на твердой скамье и закряхтев.

— Хорошо, — мужчина легко сел и еще раз потянулся. Перебравшись вперед, он принял поводья из руки отца, заняв место на козлах.

— Вот спасибо, Тенро! — теперь пришла очередь старика растянуться на ароматной соломе. — Я подремлю чуток, разбуди, как устанешь. — Эй, а ты-то куда! — Возмутился он, когда в телегу запрыгнул большой лесной волк и, радостно вывалив язык, устался на старика своими желтыми глазами.

— Нагулялся, Ар? — оглянувшись через плечо, Тенро подмигнул волку и тот вильнул хвостом, видимо в знак согласия. — Ложись, поспи.

— Лучше бы ты так об отце заботился, а не об этой животине! — сокрушенно проворчал однорукий мужчина, неохотно двигаясь, когда мохнатый волк, свернувшись калачиком, улегся рядом с ним. — Приволок это мохнатое чудовище, на наши головы!

— Ты же знаешь, отец, — Потянувшись назад, Тенро потрепал питомца за ухом и тот, извернувшись, лизнул руку человека. — Мы с ним многое пережили!

— Может мне ему еще и спасибо сказать за то, что приглядывал за моим непутевым сынком в лесах приграничья?

— Скажи, ему будет приятно, — Тенро улыбнулся, услышав недовольно ворчание родственника.

Вскоре отец прекратил выражать недовольство, смирившись с мохнатым соседом, уже мирно посапывавшим и согревавшим своим теплом бок человека.

Долгий день, проведенный в непривычной роли торговца, измотал старика. Сам Тар и его сын Тенро были охотниками, они жили тем, что продавали шкуры животных. Правда,

раньше общением с покупателями занималась покойная жена Тара, теперь же старику самому пришлось взять на себя эту, как оказалась, нелегкую обязанность.

Военная служба в разведывательном пехотном полку сделала Тара необщительным, а ремесло охотника, подолгу бродившего в лесах, лишь укрепило эту его черту. Теперь же, глядя на своего сына, он видел в нем собственное отражение — такой же угрюмый, замкнутый, необщительный.

Разве что внешне Тенро больше напоминал мать — те же зеленые глаза и длинные темно-каштановые волосы.

Вспомнив свою жену, Тар загрустил. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь и он не жалел ни об одном прошедшем дне. Неустанно он воздавал хвалу небесам за то, что подарили ему такую чуткую и понимающую женщину, родившую ему замечательного сына.

Тар жалел лишь об одном — Халина не дождалась возвращения Тенро, не увидела, каким он стал, как вырос и возмужал. Но с этим ничего нельзя было поделать. То, что дает Альтос, он же и забирает. Оставалось только надеяться, что жизнь после смерти, о которой неустанно говорят жрецы, все же существует и Халина сейчас улыбается с высоких небес, глядя на своих мужчин.

— Ты бы им гордилась, милая, — шепнул старик, вспомнив лицо жены. Закрыв глаза, он предался воспоминаниям о прошлом, не заметив, как заснул.

Чуткий слух Тенро позволил ему разобрать слова отца, и мужчина грустно улыбнулся. Это не укрылось от внимания пилигрима, и тот произнес:

— Твоя мать сейчас в лучшем из миров, Тенро. Там нет войны и горя, болезней и зла, лишь покой и гармония.

— Складно рассказывайте, Ульн, — молодой охотник немного хриплым голосом и взглянул на сидящего рядом мужчину. — Как и все жрецы.

— Наша миссия перед всевидящим Альтосом — направлять каждого из детей его на путь истинный, — важно, с чувством собственной значимости, заметил пилигрим.

— Знаю — знаю, — кивнул Тенро. — Я много слышал об этом от нашего полкового жреца. Он постоянно твердил нам о боге и о том, что деяния наши угодны ему.

— Ваш жрец был совершенно прав, — беседа о религии доставляла Ульну подлинное удовольствие, и он всеми силами старался удержать ее направление именно в этом ключе. — Воины королевства защищают его жителей от мрака, спасают их, жертвуя собой, а что это, если не великое богоугодное деяние?

— Война, — пожал плечами Тенро, отбросив с плеча тугую косу, в которую часто собирал свои длинные волосы, чтобы те не мешались.

Он давно хотел обрезать густые пряди, но отец всегда отговаривал, говорил, что так он больше похож на Халину. Иногда Тенро чувствовал себя виноватым за то, что не смог приехать раньше и увидеть мать живой. Мужчина понимал, что в этом нет его вины, но осознание не всегда помогало сбросить давящий на плечи груз, который годы войны лишь приумножили.

Опять вспомнив прошлое, Тенро повторил:

— Война. Убиваем или мы или нас, третьего не дано.

— Как только ваш жрец допустил, чтобы его паства так относилась к жизни? — осуждающе покачал головой пилигрим.

— У него не было выбора — его убили, а нового жреца нам так и не прислали. — Тенро выплюнул соломинку под колеса поскрипывающей телеги, покосившись на блестящие воды

широкой реки, красиво переливающиеся в закатных лучах.

Так кстати налетевший порыв свежего ветра потрепал выбившиеся из косы волосы охотника, обдав его вечерней прохладой.

Разговор с пилигримом угас. Ульн, кажется, задумался о чем-то своем, а Тенро не хотел ему мешать, к тому же молчать он любил гораздо больше, чем говорить. Служба в разведке, где каждый шорох может стоить жизни, сильно меняет людей.

До деревни было порядка восьми — десяти дней пути, и располагалась она в глухих лесах на юге-востоке королевства. Подобных поселений там было немного; виной тому служило большое расстояние до городов — почти все они располагались севернее, словно стремились отползти от границы Застывшего леса.

Поблизости от Зеленых полян, родной деревни Тенро, стоял небольшой городок Кирлинг, но его отец предпочитал продавать шкуры в Сафрасе, городе более крупном и близком к столице. Собственно говоря, других поселений поблизости от Зеленых полян не было. Такая глушь далеко не каждому по душе, но Тенро она нравилась, и он поскорее хотел оказаться в родных краях. Будь его воля, он бы гнал лошадей непрерывно, но животным требовался отдых и охотник хорошо это понимал.

Как только стемнело, мужчина остановил повозку, разбудил отца, и они начали обустривать место стоянки. Они намеренно не стали двигаться по тракту, так как это выходило значительно дольше, да и лишних денег на трактиры у деревенских жителей не было. То, что им удалось выручить за шкуры пойдет на нужды деревни.

Каждый житель глубинки всегда просил что-то привезти из города: дети ждали ярких игрушек и сладостей, девушки украшений, а старики целебных настоев, да отваров из трав, что не росли в южных краях. Только мужчины в деревне были неприхотливы: все, что им требовалось — луки, стрелы, копья, да охотничьи ножи. Одежду они делали из шкур, а питались мясом убитых животных, да тем, что смогли вырастить их жены на небольших огородах.

Однако даже суровые охотники, подолгу пропадавшие в лесах, просили тех, кто отправляется в город привести что-нибудь для своих женщин и детей. Что-нибудь, чего сами они не могут достать и Тар вместе с сыном, всегда охотно соглашались, ведь что может быть лучше, чем подарить радость тем, кого знаешь уже очень давно и считаешь семьей.

Пилигрим Ульн познакомился с охотниками на выезде из города. Он дал обет посвятить свою жизнь путешествиям и просвещению тех, кто не желал обрести веру в Создателя или же утратил ее по каким-то причинам.

Поначалу Ульн попросил лишь подвести его, но когда узнал, что новые попутчики возвращаются в родную деревню, где нет ни жрецов, ни храмов, сразу же решил отправиться с ними.

Первоначально он собирался посетить в женский монастырь — Скелосову пустынь или, в простонародье просто Скелос, что значительно восточнее Зеленых полян. Пилигрим хотел преклониться перед местными святынями, но решил, что сам Альтос желает ему иной судьбы. Ульн узрел свое предназначение в просветлении тех, кто не видит истинного света веры и буквально напросился в попутчики к двум неразговорчивым мужчинам.

Тар, который занимал пост старосты деревни не имел ничего против, чем изрядно приободрил странствующего проповедника. Старик считал, что присутствие истово верующего человека пойдет на благо деревне, поэтому согласился на компанию Ульна.

Тенро, во всем прислушивающийся к отцу, также не имел ничего против присутствия

жреца. Сам он не интересовался религией, но не являлся ее противником. Он считал, что каждый имеет право жить, как хочет и верить в то, во что считает нужным, если это, разумеется, не мешает жить остальным.

Пока Тар с сыном разбивали лагерь и занимались костром, Ульн распряг лошадей и теперь негромко читал молитву Альтосу, вознося хвалу милосердному богу за то, что тот направляет стопы отрока своего.

Когда Ульн закончил, пламя костра уже весело потрескивало, отгоняя сгущающийся сумрак. Подобравшись поближе к костру, грузный мужчина протянул руки к огню, но тут к нему подсел Тар и попросил жреца помолиться за его умершую жену.

Вопреки тому, что сам он замерз и сильно проголодался, Ульн не мог отказать старику. Вновь опустившись на колени, пилигрим сложил пухлые руки на груди и снова воззвал к своему богу, моля всевышнего даровать покой душе Халины.

Сам Тар опустил на колени рядом с пилигримом, приняв такую же позу. Он был неграмотен и не знал слов молитвы, поэтому сосредоточенно молчал, с надеждой взирая на звездное небо и слушая монотонное бормотание Ульна.

Тенро наблюдал за ними, выкладывая из сумки небогатые запасы провизии: сыр, вяленое мясо, лук, воду да хлеб. Растянувшийся рядом с мужчиной волк, так жалобно смотрел на все эти приготовления, что был вознагражден за старания солидным куском мяса и ломтем хлеба.

Никого, не дожидаясь, Ар первым принялся за еду, умыкнув у охотника еще и луковицу, за что был в шутку ударен по хитрому носу.

— Мохнатый пронира, — осуждающе покачал головой Тенро, потрепав питомца за ухом.

С животными он ладил куда лучше людей и чувствовал себя свободнее. С тех пор, как он вернулся с войны, Тенро всегда сдерживал себя, подавляя прошлые привычки, неуместные в нынешней мирной жизни. Это не позволяло ему чувствовать себя свободно, в компании незнакомых людей.

— Снова балуешь его? — Ульн закончил молиться и Тар, поднявшись с колен, грозно зыркнул на волка. — Прожорливая зараза, он и нас, как-нибудь, слопают! Или, вон, лошадок!

— Будет тебе, отец, — примирительно улыбнулся Тенро, протягивая Тару мех с водой.

Недовольно засопев, старик напился и, отерев седую бороду, принялся за еду, ловко орудуя охотничьим ножом.

Первым закончил с трапезой, разумеется, Ар, после чего сразу же заснул. Тенро, доедая хлеб, улегся на теплый бок зверя, слушая бесконечную речь пилигрима о величии и милости Альтоса.

Ульн, казалось, вообще может говорить лишь о своем боге, однако эти его речи несколько не надоедали охотнику. По голосу и выражению лица пилигрима, Тенро понимал, что тот верит всей своей душой, бескорыстно и искренне и он уважал жреца за это.

Однако слова Ульна не находили отклика в душе бывшего разведчика, привыкшего рассчитывать лишь на самого себя, да на боевых товарищей. Он видел усеянные трупами поля боя, разорванные на куски тела друзей, залитую кровью землю, измененных духами тварей и понимал, что в таких местах бога точно нет.

Ульн говорил, что Альтос живет в сердцах и душах людей. Но как тогда быть с теми, чьи души пожрали твари пограничных лесов, а сердца вырвали чудовища, словно вышедшие из ночных кошмаров?

В тоже время многие из солдат не теряли веры, даже когда гибли от когтей и клыков. Были ли он правы?

Тенро не знал ответа на этот вопрос. Возможно, если бы он рос в городе, где есть храмы, как многие из тех, с кем он служил, то угрюмый охотник видел бы жизнь иной. И все же судьба распорядилась иначе.

Мужчина не любил думать о том, чего не случилось и не случится. Он такой, какой есть и его это вполне устраивало. По крайней мере, пока. Оставив ночные беседы отцу и пилигриму, Тенро уснул.

* * *

Бывшему солдату снова снилась война с наэрами.

Он с отрядом медленно пробирался сквозь зеленые заросли Вечных лесов, двигаясь вдоль Серебристой мглы — одной из рек этих земель.

Разведчики должны были объединиться с пехотинцами и вторым отрядом разведки, чтобы вместе отправиться вглубь лесов. Таков был план.

Командир разведчиков, мужчина средних лет, с умными глазами и суровым, немного угловатым лицом, не разглашал подробностей, но каждый воин понимал, что дело предстоит серьезное.

Тенро хорошо помнил этот день и от этого тягостное чувство, сжимающее его сердце стальными тисками, лишь усилилось. Теперь он знал, что произойдет, но был пленником в собственном сне и мог лишь наблюдать за происходящим, глядя со стороны на самого себя, бесшумно скользящего следом за командиром.

Вылазка и то, чем она завершилась, происходило незадолго до заключения мира между людьми и лесным народом.

Отряд разведчиков, следуя к месту сбора, наткнулся на странные следы. Командир принял решение проверить и, пройдя немного вперед, отряд обнаружил тела мертвых наэров. Их было больше двух десятков, и никто из них не дышал, однако тела были все еще теплыми.

Поначалу воины решили, что противники наткнулись на другой отряд разведки, но, осмотрев тела, отказались от подобных мыслей. Похожие на людей, но более хрупкие и стройные наэры были разорваны на части. Легкий сплав их листовидной брони и кольчуги не защитили своих обладателей. Но смертельные раны нанесли не стрелы и не клинки — рваных следов от клыков и когтей было столько, что не сосчитать.

Пока разведчики, крадучись, ходили среди изувеченных тел, они не раз обменивались непонимающими взглядами — лесной народ всегда ладил с животными и люди никак не могли взять в толк, что же случилось на этой поляне. К тому же в кровавой грязи не было следов зверья. Но что самое странное — никто из людей не слышал шума схватки.

Внезапно раздавшийся крик, заставил разведчиков насторожиться. Потом закричали еще раз и ветер, что дул с юго-востока, донес обрывки фразы, на певучем и слегка растянутом наречии наэров. Голосу сына Леса вторил человеческий, призывающий, кажется, отступить.

Вдалеке тонко запел горн лесного народа.

Все как один, разведчики взглянули на командира и тот, недолго думая, жестом

приказал двигаться вперед. По мере приближения, голоса людей и наэров становились отчетливее, но в них явно что-то изменилось.

Теперь никто не отдавал приказы.

И лесной народ, и люди кричали от страха и боли. Это подстегнуло разведчиков, и они поспешили на помощь товарищам, явно вступившим в битву с наэрами.

Тенро почувствовал, как напряглось его тело, вспомнил свое прошлое стремление помочь попавшим в беду сослуживцам. Он ощущал былую надежду и понимал, насколько она слепа.

Далее все случилось так, как и помнил следопыт. Память и сон услужливо продемонстрировали мужчине один из худших его кошмаров, заставив заново пережить ужасы прошлого.

Когда отряд подобрался ближе, командир дал знак замедлиться и приготовиться к бою. Сгустившийся туман начал струиться по земле, скрывая ноги людей почти до колен и медленно поднимаясь выше. Идти бесшумно стало труднее и десяток разведчиков, почти не скрываясь, вытянулись в линию и, натянув тугие луки, двинулись к цели.

Впереди, за вековыми стволами высоких деревьев металась неясная тень. Оттуда доносился гвалт боя, истошные крики и призывы о помощи.

Разведчики одновременно выглянули из-за своего укрытия, готовые послать стрелы в тела наэров, напавших на людей, но то, что они увидели, заставило их сердца сначала замереть, а потом забиться в десятки раз чаще.

Люди и представители лесного народа, спина к спине стояли на невысоком холме, заваленном трупами.

Их осталось всего пятеро. Окровавленные и уставшие воины защищались из последних сил. Тенро вспомнил, как вновь натянул ослабленную было тетиву и, вскинув лук, прицелился в затылок одного из нападавших. В том, что заставило непримиримых врагов объединить усилия, можно было разобраться и потом, главное — спасти уцелевших.

Стрела уже готова была ринуться вперед, шелестя оперением и неся смерть на кончике своего стального жала, но Тенро не разжал пальцев.

Он, как и все разведчики, замер в нерешительности, разобрав, что на защищавшихся людей и наэров, нападают их собственные же товарищи. Совершенно бесшумно и беззвучно они карабкались на холм, в попытке дотянуться до собравшихся на вершине, вставая прямо из густого тумана, словно вырастая из него.

Мужчина в рваном плаще пехотинца, чьи плечи еще не успели до конца освободиться от бледных ключев походящего на саван тумана, по-звериному прыгнул вперед. Повалив на спину одного из людей, он, даже не притронувшись к висевшим на поясе ножам, впился зубами прямо в горло своего же сослуживца.

Оказавшийся рядом наэр ударил неестественно прыткого человека наотмашь своим кривым клинком, развалив его голову надвое. Глубокий капюшон упал с головы воина леса и Тенро увидел узкое бледное лицо, обрамленное слипшимися медовыми волосами. Губы наэрца были плотно сжаты, большие золотистые глаза прищурены, а на благородном, почти человеческом лице застыло смешанное выражение благоговейного страха и отвращения.

Ударом ноги сын Леса отправил безжизненное тело вниз и быстро склонился над раненым, пытаясь поднять его. Однако человек был уже мертв — его пальцы конвульсивно сжались, после чего расслабились и ранее удерживаемый ими меч заскользил по окровавленной траве.

Тенро не понимал что происходит, но он своими глазами видел, как наэр пытался помочь человеку. Поэтому разведчик вскинул лук и отправил стрелу в висок одному из восставших из тумана лесных жителей, навалившемуся на вооруженного клинком наэрца со спины.

С влажным шлепком наконечник вошел в плоть и пробил кость, выйдя из глаза пошатнувшегося нападавшего. Резко сбросив с себя обмякшее тело, житель леса двумя ударами отогнал нападающих противников и в грациозном выпаде поразил в грудь еще одного, угрожавшего ему длинными когтями.

— Сюда! — истошно завопил один из двух выживших людей, что вместе с наэрами заняли оборону на холме.

Он увидел выступивших из леса сослуживцев и замахал руками. Двое лесных жителей, проследив взгляд человека, коротко кивнули опешившим разведчикам и продолжили методично работать клинками.

— Что здесь происходит?.. — Тенро со стороны услышал свой собственный голос, который, спустя пару мгновений, произнес скверное ругательство, когда несколько пытавшихся забраться на холм мужчин обернулись назад.

Их неестественно яркие глаза, серые, изменившиеся лица и оскаленные клыкастые пасти, заставили разведчика инстинктивно отступить на шаг. Трое изменившихся людей, в одежде легкой пехоты и еще четверо похожих на них наэрцев, но с пепельно-серыми лицами и горящими злобой глазами, опустили на четвереньки и длинными скачками бросились прямо на разведчиков.

Командир молчал, отчего-то не спеша с приказами. Быстро обернувшись, Тенро увидел, что тот лежит лицом вниз, а над ним склонились две скрюченные фигуры в поношенной легкой броне лесных жителей. Их тела были исполосованы рваными ранами и разведчик, похолодев от ужаса.

Тенро узнал в нападавших тех самых наэрцев, чьи трупы недавно видели на поляне.

Восставшие из мертвых рвали тело командира разведчиков когтями, засовывая в оскаленные пасти куски теплой плоти. Пальцы Тенро разжались сами и стрела, рассерженной пчелой, устремила вперёд, пролетев над головой одного из нападавших.

— Убивайте их, это не люди! — кричал все тот же воин на холме, вместе с парой наэрцев, яростно отбиваясь от нападающих противников.

Рука Тенро быстро скользнула за спину, доставая из тугого колчана новую стрелу. Запел лук и подобравшийся к нему ближе всех мужчина получил стрелу прямо в широко разинутую пасть, откуда показался длинный склизкий язык черного цвета.

Не успело первое тело упасть на траву, как вторая стрела лучника настигла вытянувшегося в длинном прыжке наэрца, пробив горло и опрокинув на землю.

Сбросившие оцепенение разведчики начали отбиваться, но изменившиеся люди и наэрцы выростали из тумана прямо перед ними, терзая тела острыми, словно лезвия когтями и впиваясь в человеческую плоть длинными клыками.

— Выходите из тумана, прорывайтесь к нам! Быстрее! — на людском наречии крикнул тот самый наэрц, что ранее пытался спасти человек с изувеченным горлом.

Теперь, наблюдая за происходящим, словно со стороны, Тенро понял, что сын Леса слегка растягивает слова, но тогда ему было не до этого.

Тенро не знал, сколько разведчиков выжило, их скрывал туман и странные существа, встающие прямо из него. Не видя иного выхода, мужчина последовал совету наэрца,

бросившись к спасительному холму.

Он выпустил стрелу практически в упор, и та легко вошла в глазницу заступившему дорогу противнику. Огибая заваливающееся на спину тело, Тенро ткнул луком в серое, когда-то человеческой лицо. Он ловко поднырнул под когтистой лапой и, споткнувшись обо что-то, упал.

На мгновение разведчику показалось, что он оказался глубоко под водой. Когда туман накрыл его — все звуки стихли, дыхание перехватило, а тело сдавило, будто невидимыми тисками.

В голове одновременно забились множество чуждых человеку мыслей, ледящих кровь своей жестокостью и злобой. Царапая руки об острые сучья, разведчик забился, пытаясь вырваться из удушающих объятий, и ему это удалось.

Не успев подняться на ноги, Тенро выхватил меч и кинжал, сразу же поразив в грудь оказавшегося перед ним противника. Потемневшие звенья кольчуги не выдержали и лезвие клинка, тускло сверкнув, пробило тело насквозь.

Вывав оружие, Тенро бросился к холму.

Кто-то схватил его за плащ, но не смог удержать разошедшуюся под острыми когтями ткань. Плечо обожгло болью, кажется, кольчуга выдержала. Затем настала очередь щеки и левого бока. Одежда сразу же пропиталась теплой кровью, но Тенро не остановился — первобытный страх придал ему сил.

Короткий меч разведчика взлетел вверх, сразу же обрушившись на нового врага и с хрустом перерубая тому ключицу, а кинжал по рукоять вошел в чью-то шею. Руку Тенро словно окунули в лед, и он поспешно отдернул ее, сбрасывая с перчатки капли холодной черной крови.

Разведчик попытался бежать дальше, но его рука, все еще сжимавшая рукоять меча, резко дернулась — оружие застряло между костей все еще живого наэрца с перерубленной ключицей.

Разжав пальцы, Тенро выхватил из колчана стрелу и вогнал ее существу прямо в глаз, отмечая, что тот вовсе не золотистый, как у всех жителей леса, а поразительно яркий, обжигающий, оранжевого цвета.

Не помня себя, разведчик отпихнул не проронившего ни звука противника в сторону и побежал вперед.

Сперва, Тенро почувствовал, как его пальцы врезались в податливую землю и только потом увидел, что, наконец, добрался до холма.

Оступившись, разведчик врезался носом в землю, услышав, как хрустнула переносица — из глаз брызнули слезы, а на губах появился металлический привкус крови. Рядом в туман рухнул обезглавленный мертвец и чья-то рука, вцепившись в рукав разведчика, потянула его наверх.

Подняв заслезившиеся глаза, Тенро увидел сосредоточенное лицо наэрца, чья белоснежная кожа была заляпана черной кровью. Представитель лесного народа неожиданно сильным рывком вытянул человека на вершину холма.

Наконец смахнув с глаз слезы, Тенро увидел, что до островка земли, возвышавшегося над бледным морем колышущегося тумана, добрались еще трое из его отряда, остальные сгинули где-то внизу.

Между тем, отвлекшиеся было на новых противников существа с серой кожей, вновь потянулись к холму.

— Тенро, держи! — кто-то, кажется Джерд, вложил в дрожащую руку разведчика лук. — Ты лучший стрелок из нас, тебе это пригодится больше.

Рассеянно кивнув, Тенро и сам не понял, как взял слегка непривычное, чужое оружие наизготовку. Отработанным за годы войны движением, он вытащил из колчана стрелу и почти мгновенно послал ее в цель.

Серая голова с облезлыми волосами дернулась, когда в нее вошла стрела, и скрылась под туманом. Рука стрелка быстро метнулась за плечо, запела тетива и еще один враг пал. Тенро поддержали еще один сослуживец, не лишившийся своего лука — довольно молодой паренек, по имени Свен. Стрелком он был вполне сносным и вдвоем разведчики принялись быстро опустошать содержимое своих колчанов.

Собравшиеся на холме мужчины, тем временем, подготовились к бою. Двое мрачных и собранных наэрецов встали плечом к плечу с людьми. Один из них вонзил свой слегка загнутый клинок в землю и, приложив к губам витой рог, дунул в него.

Тревожный звук взметнулся к высоким кронам деревьев и почти сразу ему ответил точно такой же. Совсем близко.

— Нужно продержаться. Помощь близка. — Отбросив в сторону рог, наэрец взялся за меч и дважды рассек им воздух. Выставив клинок перед собой, он слегка подогнув ноги в коленях, приняв боевую стойку.

— Нам бы сюда полк пехоты, — только один человек из тех, кто не пришел с разведчиками, а был на холме с самого начала, остался жив. Это был уже немолодой воин, с сединой в волосах и морщинистым лицом. Он носил нашивки сержанта пехоты на плечах, а в руках сжимал крепкий щит и короткий меч для тесной рубки.

— Поверь мне, человек, наши воины справятся здесь куда лучше...

— То-то их там внизу едва ли не больше чем наших, — презрительно сплюнул ветеран, покрепче стиснув рукоять меча. — Как по мне, так пусть хоть сам Альтос спустится с небес на огненном змее и выжжет этих тварей, мне плевать. Главное — чтобы все они подошли! Все до единого!

Тенро слушал слова в пол уха, не придавая им никакого значения. Сейчас для него в мире существовало лишь две вещи — он и его противник. Темп стрельбы разведчика требовал от него предельной концентрации и всех сил, что только были.

Тугая тетива пела безостановочно, и длинный лук тревожно вздрагивал в руке каждый раз, когда выплевывал смерть в обезображенные лица приближающихся существ.

— Я все, отстрелялся, — стоявший слева Свен отбросил бесполезное оружие, выхватив меч и заняв низкую стойку. — Половину стрел растерял, пока бежал сюда.

Тенро не прореагировал на слова, привычно заведя руку за спину, но его пальцы сомкнулись на пустоте. Он, в отличие от сослуживца, был уверен, что сохранил почти весь боезапас, но разница в скорости стрельбы уравнила его с менее сноровистым воином.

Досадливо скрипнувший лук отправился в подступающий туман и врезался в ближайшего к холму изменившегося наэнца. Тетива рассекла серую кожу существа, брызнула черная кровь, но на бледном лице не дрогнул ни один мускул.

— Твари, — ранее лишившийся меча Тенро собирался перехватить кинжал в правую руку, но стоявший рядом житель леса потянул ему меч павшего ранее пехотинца. Оружие было более тяжелым, нежели клинок разведчика, но воин все равно принял его.

— Начинается, — едва успев договорить, наэрец широко шагнул вперед, развернувшись на самом краю обрыва, которым заканчивался холм и начисто снес голову твари, первой

выскочившей из тумана.

Крутанув оружие, воин отсек метнувшуюся к его ногам лапу и распорол горло еще одному противнику. Как и все дети Леса, он фехтовал в присущей лишь им манере — то замирая на миг, то двигаясь пугающе быстро.

— Понеслась! — Старый ветеран-пехотинец обрушил свой меч на показавшуюся над обрывом голову. Ткнув приземлившегося рядом с ним противника в лицо щитом, он раздробил тому колено и вогнал острие меча в основание шеи.

Четверо разведчиков вступили в рукопашный бой молча. Странные существа, некогда бывшие людьми и наэрцами, один за другим карабкались на холм, отталкиваясь от пропитавшейся кровью земли когтистыми лапами. Они высоко прыгали, сокращая дистанцию, и постоянно пытались теснить защищавшихся людей.

Широким взмахом, Тенро отсек с тянущейся к нему лапы несколько когтистых пальцев, перехватил нож обратным хватом и, продолжая круговое движение, распорол противнику горло.

Быстро отскочив назад, разведчик сразу же метнулся в сторону и снова вперед, поддавливая противника на противоходе и поражая его сначала в пах, а затем в грудь.

Кинжал соскользнул с выдержавшей укол кольчуги, но меч завершил дело. Кто-то попытался вырвать у разведчика оружие. Когти соскользнули с лезвия и рванули гарду, полоснув мужчину по руке.

Сорвав защищающий руку щиток, когти распорол прочную куртку, легкую кольчугу и вонзились в кожу. Зашипев от боли, Тенро отдернул руку, кинжалом ударив прямо в лицо наседавшему на него врагу.

Глухо вскрикнул сражавшийся с ним рядом Джерд — он оступился и кто-то, ухватив его за щиколотку, одним мощным рывком стянул тело мужчины с обрыва. Из тумана, в котором скрылся мужчина, донесся его резко оборвавшийся крик, а потом оттуда выскочил командир разведчиков с серым лицом, яркими глазами и оскаленными клыками.

Тенро опешил, а вот сражавшийся рядом с ним сын Леса — нет. Наэрец полоснул командира людей поперек груди и обратным движением отсек тому голову, столкнув тело с холма.

Тревожный и раскатистый звук рога прозвучал совсем рядом.

В воздухе вдруг резко запахло дождем и листья на деревьях, ни с того ни сего беспокойно зашелестели.

Тенро мгновенно определил, что поблизости наэрцы творят свою магию. Выработанные за годы войны инстинкты сработали безошибочно, и следопыт низко пригнулся к земле. Затравленно оглядевшись, он едва не став жертвой серокожего существа с яркими глазами, воспользовавшегося замешательством человека. То, что когда-то было пехотинцем, лязгнуло клыками совсем рядом с лицом Тенро, но оказавшийся рядом наэрец успел раньше, вогнав лезвие в пасть твари.

— Спасибо, — пробормотал Тенро, так и не поняв, сказал ли он это вслух или просто подумал.

Выругав себя за неосторожность, разведчик вскочил на ноги. Он уже замахнулся мечом на нового врага, чье сутулое тело выскочило из тумана, как вдруг грудь существа пронзили сразу три стрелы и оно, резко дернув когтистыми конечностями, рухнуло куда-то в туман.

В воздухе зашелестели стрелы и осадившие холм существа начали один за другим падать в туман.

Серебряными росчерками ударила магия наэрцев.

Попадая на серую кожу тварей, волшебство лесного народа прожигало их насквозь, вьедаясь в дергающиеся тела и выжигая их изнутри. Странные существа выли, корчились в судорогах и стремились укрыться в тумане, но, внезапно налетевший ветер начал подхватывать его клочья, разбрасывая их в стороны.

Несколько капель магического дождя упали на Тенро, но, словно обычная вода стекли с обрывков плаща. Из-за деревьев, один за другим выбегали воины лесного народа в своих зеленых, похожих на листву доспехах. Под прикрытием магов и лучников, они вступали с обступившими холм тварями в бой, уничтожая их одну за другой.

Через несколько ударов сердца все закончилось.

Устало выпрямившись, Тенро огляделся — из тех, кто держал оборону на холме — выжило лишь четверо. Еще один из разведчиков лежал в неестественной позе в трех шагах от Тенро и его застывшие глаза, не мигая, смотрели вверх.

Грудь мужчины, вместе с легкой кольчугой была разворочена и среди кровавого месива белели обломки ребер, а лицо, ниже глаз, оказалось изувеченным настолько, что узнать мужчину не представлялось возможным.

Не повезло, также, второму наэрцу — ему вырвали кадык и распороли живот, смяв броню, словно старый пергамент.

Единственный выживший из лесного народа, склонился над павшим собратом и, проведя рукой по безжизненному лицу, закрыл потускневшие глаза, золотистые искорки в которых уже померкли.

Затем сын Леса встал и двумя резкими ударами обезглавил мертвецов.

— Отбились, — тишину нарушил голос старого пехотинца. Он сел прямо на землю, отбросив в сторону обломок щита и вонзив залитый черной кровью меч в землю. — Чего будем делать теперь, а, остроухий? — Он выжидающе взглянул на вновь склонившегося над павшим родичем наэрца, чьи украшенные серьгами уши, и впрямь, были длиннее человеческих и слегка заострены на концах.

— Можете уходить, люди, — тихо произнес тот, не отрывая глаз от мертвеца. — Сегодня пролилось достаточно крови.

— А вот твои дружки, похоже, так не считают, — пехотинец с кряхтением поднялся и, поплевав на грубые ладони, снова взялся за меч.

Неприветливо глядя на приближающихся со всех сторон к холму наэрцев, ветеран нахмурился.

— Что? — оторвав взгляд золотистых глаз от мертвого сородича, сын Леса грациозно выпрямился и, выйдя вперед, обратился к соотечественникам.

Он говорил на родном наречии, но Тенро, как и второй выживший разведчик, понимали каждое слово.

— Тихого вам Леса, братья, — знакомый людям наэрц остановился, подняв правую руку в приветствии.

— Светлых тебе небес, брат, — кивнул в ответ высокий и широкоплечий наэрц, выйдя вперед.

Его длинные светлые волосы были собраны в высокий хвост, а две пряди, свисающие вдоль узкого, рассеченного шрамом лица, украшали вплетенные в них нити с камнями янтаря. Мужчина держался уверенно и, видимо, командовал прибывшими на помощь воинами.

— Вы в порядке, криан Шиллэ?

Тенро заметил, как брови стоявшего рядом Свена удивленно поползли вверх: «криан»

— обращение к члену высшего сословия, принятое среди народа лесов.

— Небеса сегодня алые Лаэrrэ. Духи пробудили мертвых. — Тот, кого называли Шиллэ, взглянул на почти сокрытый за кронами деревьев небосвод.

— Наши провидцы говорили об этом, — медленно кивнул прибывший с отрядом подмоги наэрц и его лицо, перечеркнуто длинным зарубцевавшимся шрамом, приняло скорбное выражение. — Но давай не станем говорить о наших тайнствах в присутствии недостойных. Они могут понимать наш язык.

— Теперь это и их война, — попробовал не согласиться защищавшийся вместе с людьми лесной житель, но его собеседник покачал головой:

— Это решать не нам. Мы должны доставить их к старейшинам.

— Мы отпустим их. — Неожиданно жестко произнес криан Шиллэ, с вызовом взглянув на сородича и сверкнув золотистыми глазами. — Сегодня мы выжили лишь благодаря друг другу и, я думаю, дальше сможем жить только так.

— Это речь не для меня, а для совета.

— Тогда я произнесу ее пред лицами старших, но людей мы отпустим. — Продолжал стоять на своем криан.

— Если Вы так желаете, то я не смею противиться, — покорно склонил голову Лаэrrэ. — Они могут... — он начал выпрямляться, скользя недобрый взглядом по людям, и вдруг запнулся на полу слове.

— В чем дело? — проследив взгляд подчиненного, криан Шиллэ стиснул зубы. — Стириат леар! — то ли с сожалением, то ли со злостью прошептал он и Тенро понял, что их дни сочтены.

«Стириат леар» — два слова, которыми наэрцы называли «Черную стрелу» — отряд разведчиков, прозванный лесным народом Ночными убийцами.

Запоздало посмотрев на свою правую руку, Тенро увидел, что разорванная ткань больше не скрывает татуировку на внутренней стороне его предплечья — черную стрелу, пробившую узкий лист по форме напоминавший сердце. Этот знак с гордостью носил каждый разведчик, которого направляли в особый отряд, в чьи задачи входили глубокие вылазки в гущи лесов и убийства знати наэрцев.

Черная стрела — единственный отличительный знак, служил великолепной рекомендацией в армии людей и смертельным приговором среди жителей лесов. Разведчикам наносили на кожу этот символ лишь с одной целью — чтобы всегда помнить, что для них есть только два пути — победа или смерть. Поэтому «черные стрелы» никогда не отступали, всегда сражаясь до последнего.

— Падаль! — взревел Лаэrrэ, переходя на человеческое наречие. Он выхватил свой меч и метнулся к Тенро, но криан удержал его за плечо.

— Нет, — твердо произнес Шиллэ на языке людей. — Они спасли меня.

— Но сгубили множество наших соплеменников! — Золотистые глаза наэрца метали молнии. — Все, кто носит знак черной стрелы, должны умереть!

Окружившие людей лесные жители сомкнули ряды, взяв троих воинов в плотное кольцо.

— Вот уж не думал, что придется помирать с живыми легендами, — неожиданно усмехнулся в усы седой ветеран. На него воины лесов больше не обращали внимания, но

пехотинец, грубо растолкав наэрцев, встал рядом с людьми. — Пехота своих не бросает. Никогда. — Жестко произнес немолодой воин. — Про вас, ребята, страшные вещи рассказывают и, готов поспорить, живыми нас теперь точно не отпустят.

Тенро, как и второму выжившему разведчику, нечего было ответить. Они прекрасно осознавали, что для наэрцев «черные стрелы» убийцы и кровные враги — их ни за что не отпустят живыми, и пехотинца, скорее всего, тоже.

— Вы, — Шиллэ и Лаэrrэ прошли через расступившийся перед ними строй воинов, встав перед пленниками. — Покажите руки, — потребовал криан, и людям не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться.

— Вот, гляди, — закатав рукав, старый ветеран с нескрываемой гордостью продемонстрировал наэрцам татуировку меча и щита — символ пехоты.

— Ваш черед, — представитель знати лесного народа, выжидающе взглянул на разведчиков, но те не шевельнулись, лишь сильнее сжали рукояти оружия.

— Ты сам все видел, — тихо произнес Тенро, чувствуя неприятный ком в горле. Он не раз и не два был на грани гибели, но это чувство никогда не доставляло ему удовольствия.

Криан Шиллэ тяжело вздохнул:

— Ты, — он указал на приготовившегося подороже отдать свою жизнь пехотинца. — Мы доставим тебя к границе, и ты вернешься домой невредимым, передашь своим командирам, что вскоре мы захотим поговорить с ними. Запомни — поговорить. А вас, — взора золотистых глаз удостоились и разведчики. — Мы возьмем с собой. Вы спасли меня, но судьбу «стириат леар» решит совет.

— Ты думаешь, нас так просто взять, да? Плевал я на твои приказы, ушастая... — пехотинец попытался поднять меч, но вдруг понял, что не может этого сделать — все тело отказывалось подчиняться своему хозяину. — Да что здесь!.. — ноги ветерана подкосились, и он рухнул на землю.

Прежде чем он успел пустить в ход оружие, в голове у Тенро помутилось и ему вдруг жутко захотелось спать. С трудом подняв глаза, с высоты холма, он увидел нескольких волшебниц лесного народа, которых называли флэриэ, и почувствовал исходящую от них магию.

В глазах у Тенро потемнело, но он не сдавался.

«Сражаться до конца»! — Ухватившись за эту мысль, Тенро удалось на время отогнать от себя чужие чары.

Все «Черные стрелы» проходили специальную тренировку, помогающую им сопротивляться магии наэрцев, а врожденная решимость Тенро лишь усилила его сопротивление.

Встряхнув головой, разведчик увидел, как рядом с ним на землю опустился его сослуживец. Свен безвольно вытянулся на влажной траве — давление волшебниц оказалось почти непреодолимым.

— Даже стират леар не в силах сопротивляться пятерым флэриэ, — насмешливо произнес Лаэrrэ.

Это были последние слова, услышанные Тенро от жителя лесов. Разведчик замахнулся мечом, но тот вдруг оказался на удивление тяжелым, неприподъемным.

Сквозь угасающий рассудок Тенро слышал, как воины наэрцев поддержали слова своего командира одобрительным гулом, а сам Лаэrrэ рассмеялся.

— Никогда не сдаваться, — прохрипел Тенро, и сознание покинуло его.

Резко открыв глаза, охотник увидел поднимающееся над землей солнце. Его робкие лучи уже начали подкрадываться к глазам только что проснувшегося человека.

— Уже встал? — у затухающего костра сидел Ульн, с неизменно добродушной улыбкой взирающий на взмокшего охотника. — Кошмары мучают?

— Иногда, — кивнув, Тенро перебрался поближе к костру, дрожа от непонятно откуда взявшегося озноба. Тепло костра грело тело, а не душу, так что близость огня не принесла желаемого результата.

— Может, расскажешь? — В глазах пилигрима читалось сочувствие и желание помочь, но охотник покачал головой:

— Как-нибудь в другой раз...

Дорога домой

— Значит ты, действительно, из «Черных стрел»? — на шестой день пути, Ульн все же сумел разговорить молчаливого Тенро и тот, закатав рукав, продемонстрировал татуировку стрелы.

— Я закончил службу почти два года назад, — охотник снова спрятал рисунок под рукавом куртки.

— С тех пор, как ты сбежал от наэрцев, ты еще два года служил? Воевал против измененных? — голос пилигрима пропитывало сочувствие, от которого его собеседник поморщился. — Пути Альтоса неисповедимы, он неспроста ниспослал на тебя столько тяжелых испытаний.

— Не больше, чем на других солдат, которым посчастливилось вернуться домой, — отмахнулся охотник.

— Но мало кто может похвастаться тем, что вырвался из плена лесного народа, — не согласился Ульн. — На то явно было провидение Альтоса.

— Не Альтоса, а криана Шиллэ, — усмехнулся Тенро, с хрустом разминая шею. День близился к закату, и молодой человек устал сидеть на одном месте, правя неторопливыми лошадьми. — Если бы не он, думаю, я бы не вернулся.

— Поясни, пожалуйста, — попросил Ульн.

В пути по безмолвным полям и редким лесам, кроме разговора и молитв, пилигрим ничем не занимался, а если учесть, что спутники ему досталось немногословные, то за молитвами мужчина проводил большую часть времени.

Отчасти Тенро понимал желание Ульна поговорить, да и Альтос, если он существует, наверное, уже устал слушать монотонное бормотание одного из своих верных служителей.

— На вторую ночь нашего плена, меня и Свена спасла флэриэ, — медленно, тщательно выговаривая каждое слово, произнес Тенро, вновь пережив минувшие события.

— Ведьма лесов? — недоверчиво прищурился пилигрим. — Одна из тех, что завлекала наших солдат в ловушки своим прекрасным пением, помогла вам бежать?

— Именно, — согласно кивнул охотник. Он прекрасно понимал недоверие собеседника, ведь и сам прошел через это, когда поздней ночью дверь в их клетку открыла девушка-наэрка, в одеждах флэриэ. — Она выпустила нас, дала оружие, еду и указала направление, в котором нам следует двигаться.

— И вы ей поверили?

— А что нам оставалось? — усмехнулся Тенро. — Даже если это была ловушка или очередная уловка — лучше пусть даже призрачный шанс, чем вообще никакого. Все или ничего.

— А она что-нибудь вам сказала?

— Сказала, что криан благодарит нас за спасение и желает тихого Леса.

— Раньше я и подумать не мог, что эти безбожники способны на добрые и благородные поступки, — слушая молодого охотника, Ульн в очередной раз покачал головой. — Но четыре года мира показали и нам и им, что мы гораздо лучше, чем думали друг о друге. Альтос учит нас прощать, и, если судить по поступку этих наэрцев, духи, которым они поклоняются, учат тому же.

— Духи, как же, куда бы там, — недовольно проворчал проснувшийся Тар,

заворочавшись на сваявшемся сене. — Для их князька, наверняка, было просто немислимо оставаться в долгу у людей. Кстати, Тенро, ты так и не сказал мне, девочка-то, красивая была?

Старик никогда не спрашивал сына о том, что тот пережил на войне. Он прекрасно понимал, что это не самые приятные воспоминания и считал, что чем они глубже запрятаны, тем лучше. Вот и сейчас он решил немного отвлечь Тенро, напомнив ему, что в прошлом была не только кровь и смерть.

— Я уж этих наэрок за время службы повидал и, скажу тебе, не встречал ни одной безобразной.

— Она была... прекрасна, — на мгновение Тенро прикрыл глаза, пытаясь вспомнить лицо той, что подарила ему свободу, пусть и по приказу криана.

В ту ночь он не разглядел ничего кроме сверкающих в темноте золотых глаз, острого подбородка и пухлых, влекущих губ — все остальное скрывал капюшон девушки. Но ее чувственный прекрасный голос до сих пор звучал в голове охотника, когда он спал. То были хорошие сны, ради которых он мог стерпеть любые кошмары.

— Это все ее чары! — поспешно вставил Ульн.

— И я все твержу ему — выбрось эту девку из головы! У нас вон, в деревне, Мила вся п тебе извелась! Обрати внимание-то на девчонку, а то сам — молодой, здоровый, не урод, а ходишь, словно старый бобыль! Смотреть больно!

— Отец... — Тенро страдальчески закатил глаза — его родственник оседлал любимого «конька» и теперь снова будет пытаться навязать сыну мысль о женитьбе.

— Я знаю, что я твой отец! — Старый Тар полностью оправдал предчувствия охотника. — Мила — красивая девушка. Да и с тещей тебе повезло — сама Линна-то, тоже, добрейшей души человек. Дочка вся в мать пошла.

— Я...

— Не перебивай отца! — не зло, но строго рявкнул Тар. — Я сам не вечный, а тебе родственная душа нужна! Каждому она нужна! Встретить старость в одиночестве... не дело это, понимаешь?

— Вот когда я встречу по-настоящему родственную душу, тогда и подумаю над твоими словами. — С вымученной улыбкой успокоил отца Тенро.

— Ну, ты хоть присмотришь к Миле. Жалко же девку-то, — теперь в голосе старика звучала просьба, и охотник не смог ему отказать.

— Ладно, отец. Присмотрюсь. — Покладисто кивнул он.

В конце концов, Мила, действительно, была хороша собой и обладала покладистым, кротким нравом. Наверное, каждый в деревне знал о чувствах местной красавицы к вернувшемуся с войны охотнику. Это служило поводом для множества осуждающих взглядов — местные не понимали, чего Тенро отказывается от подобного счастья, да и он сам, признаться, не мог этого понять.

Возможно, боялся, а может еще не свыкся с мыслью, что сам станет мужем и отцом. Тар, еще по дороге в город, все уши сыну прожужжал о дальнейшей жизни и заставил Тенро хорошенько об этом задуматься.

Как ни посмотри, старик был во всем прав.

Словно прочитав мысли сына о собственной правоте, Тар облегченно вздохнул. Впрочем, морщинистое лицо недолго хранило спокойное и удовлетворенное выражение. Тар резко нахмурился, будто что-то вспомнил.

— Сынок, — обратился он к Тенро, — а ты подарок-то Миле прикупил?

Тяжело вздохнув, охотник вытащил из-за пазухи узкую нитку небесно синих бус и продемонстрировал ее отцу. Оценив предполагаемый подарок, Тар удовлетворено кивнул и улыбнулся своим мыслям:

— Лучше уж наша девка, чем какая-то лесная ведьма. Пусть та и, наверняка, хороша, но ведь не человек она, а дрянь бессердечная!

— Она спасла меня, — заступился за флэриэ Тенро.

— Но мы не говорим, что она враг или, спасая тебя, поступила плохо. — Молчавший до этого Ульн решил присоединиться к разговору и поддержать Тара. — Но представь, скольких она могла очаровать и привести к гибели! Теперь, хвала Альтосу, между нашими народами мир, но только подумай, скольких наших соотечественников убили наэрцы.

— А скольких из них убили мы? — Тенро убрал нитку бус обратно за пазуху и тяжело посмотрел в глаза пилигрима.

Ульн отвел взгляд.

Охотник покачал головой и продолжил:

— Я уже давно сбился со счета, скольких жителей лесов я отправил к их духам. Но потом, когда мы вместе воевали против измененных, за последние два года, я хорошо усвоили один урок — если не прикрывать спины друг друга — не выжить.

— Думаешь, они верили бы тебе, если бы знали о твоём прошлом?

— Они знали, — с горькой усмешкой ответил Тенро. — Я не горжусь тем, что делал. Я был солдатом и выполнял приказы, так же, как и они.

— Но твоя татуировка...

— Большинство из тех, с кем я сражался плечом к плечу — знали о ней. Я не смог бы повернуться спиной к тому, кому не доверяю, а как можно доверять кому-то и рассчитывать на его доверие, если сам хранишь секреты?

— Мудрые слова, — согласно кивнул Ульн, сложив пухлые руки на животе. — Пусть и наивные, но в них есть смысл. Скажи, а как наэрцы реагировали на то, что с ними рядом кто-то из «Черных стрел»? Они доверяли тебе?

— У них, как и у нас, не было выбора, — охотник пожал плечами. — Разумеется, они не плясали от восторга при знакомстве со мной, но и не выказывали признаков злобы. Вы же сами видели их, по лицу жителя леса не сразу угадаешь, о чем тот думает. Но могу сказать одно — никто из них не ударил меня в спину. Иногда, когда я вижу, как некоторые люди смотрят на теперь живущих среди нас наэрцев, мне кажется, что лесной народ лучше умеет прощать.

— Поэтому ты и живешь со мной в нашей глуши, вместо того, чтобы посмотреть мир, — сердито буркнул Тар.

— Как же я оставлю тебя одного? — охотник взглянул на отца. — Я и так, слишком много упустил, пока меня не было дома, — вспомнив о матери, Тенро загрустил. — Странная штука — жизнь. Вот знаешь человека, говоришь с ним и как-то не понимаешь, что можешь видеть его в последний раз и все то, что ты так и не сказал ему, навсегда останется несказанным.

Скрип телеги и мерный топот лошадей надолго остались единственными звуками, разносящимися по округе. Кажется, даже ветер притих, не желая мешать тяжелым мыслям людей.

— Ты — поразительный человек, Тенро, — добродушно улыбнулся Ульн, нарушая

молчание. — Пусть от меня, как от служителя Альтоса, это прозвучит несколько странно, но постарайся меньше верить людям и наэрцам. Не всегда на твоём пути будут встречаться те, кто заслуживает подобного отношения. Я не призываю тебя к полному неверию, нет. Но будь настороже.

— Это было излишнее замечание, жрец, — хитро усмехнувшись, Тар откинул в сторону сено, демонстрируя пилигриму длинный лук, лежащий в углу телеги, колчан стрел и два клинка. Мечи были явно наэрской работы — искусно выкованные, средней длины, слегка изогнутые, в ножнах украшенных гравировкой листвы.

— Те самые мечи, что дала тебе ведьма? — По виду Ульна было заметно, что жрец не любит оружие.

— Один из них, — перегнувшись через спинку жесткого сиденья, Тенро погладил удобную рукоять. — Второй принадлежал Свену.

— Тому парню, что бежал с тобой из плена? — вспомнил Ульн. — Что с ним стало?

— Умер, — коротко ответил Тенро. — Почти на выходе из Великого Леса мы наткнулись на измененных и Свен навсегда остался где-то среди проклятого тумана. Я не смог помочь.

Вновь тягостное молчание разлилось по округе, однако в этот раз оно прекратилось быстрее.

— Отец, смени меня, скоро то самое место, — передав поводья Тару, молодой охотник перелез в телегу и привычными движениями начал натягивать на лук тетиву.

Охотник набросил петлю на нижнее плечо лука, уперев смертоносное оружие в левую ногу, и переступив через него так, чтобы держать верхнее плечо правой рукой. При этом средняя часть лука упиралась мужчине в заднюю поверхность бедра правой ноги. Напрягая руки и плечи, чтобы не перекручивать лук, охотник закинул верхнюю петлю, почуввав легкое удовлетворение от того, что справился с новым, купленным в городе оружием, полностью подчинив его себе.

— Что за место? — забеспокоился Ульн, с опаской глядя, на вооружающегося Тенро. Та сноровка, с которой охотник обходился с луком, показывала, что для него подобное в порядке вещей.

— Да, поговаривают, что тут недалеко, у одного моста, иногда промышляют разбойники, — просто пояснил Тар. — Ты же сам говорил, Ульн, что не всем людям следует доверять, вот мы и это, настороже. — Старик усмехнулся в седые усы. — Сынок, ты ж лук-то не пристрелял.

— Пристрелял немного, — оттянув тетиву, Тенро отпустил ее, чувствуя, как грозное оружие дрогнуло в руке.

— Сколько денег на него спустил-то? Надо было тебе такую махину покупать.

— Ты же сам меня учил, отец, не скупиться на оружие. — Отложив лук, Тенро пристегнул за спину колчан и парные клинки лесного народа, заодно поправив ножны с длинным охотничьим ножом на поясе. Нагнувшись, он достал точно такой же нож из-за голенища сапога, подбросил его в воздух, ловко поймав за рукоять и сунув обратно.

— Сохрани нас Альтос, — пробормотал Ульн, осенив себя знаменем божества. — Ты, никак, снова на войну собрался?

— Ваш Альтос может отдохнуть сегодня, — подняв лук, Тенро положил на тетиву стрелу и выпрямился в повозке, внимательно оглядывая окрестности. — Сегодня за нашими жизнями присмотрю я.

Вместо ответа Ульн лишь снисходительно улыбнулся. Пусть пилигрим и старался казаться спокойным, но от взгляда охотника не ускользнуло, как жрец начал опасливо озираться по сторонам.

Тар, который тоже заметил беспокойство спутника, вручил ему поводья, а сам, вытащив из поясных ножен прямой клинок, положил его себе на колени, любовно погладив выдавшую виды сталь.

Путь от Зеленых полян до Сафраса не близкий, а за время прошлой войны появилось множество бандитов из числа дезертиров или просто недовольных жизнью лихих людей. Сейчас же, когда и наэрцы и люди сражались против общего врага в лице измененных духами, то число воров, разбойников и мародеров неуклонно росло.

Разумеется, в основном бандиты грабили и убивали торговцев, поджидая своих жертв на трактах, но, те, что еще не набрались достаточно сил для крупного промысла не брезговали и дорогами помельче, включая и ту, по которой сейчас двигалась одинокая телега.

* * *

Только начало смеркаться, когда впереди появился узкий старый мост, перекинутый через глубокий овраг, по самому дну которого струилась река, до этого несущая свои воды вдоль дороги.

В вечерние звуки вплелся нестройный лягушачий хор и назойливые зуд мошкеры, оголодавшей настолько, что напрочь позабыла об опасности и угрозе быть раздавленными, приземляясь на открытые участки кожи людей.

Ульн сразу же натянул на голову капюшон, спрятав лицо едва ли не по самый мясистый нос, а Тар, ругаясь сквозь зубы, начал отгонять настырных кровопийц единственной рукой.

Только Тенро продолжал стоять неподвижно, пристально вглядываясь в сгущающийся мрак. Какое-то едва заметное движение на другой стороне оврага привлекло внимание охотника. Что-то похожее на неясную тень высунулось из-за дерева и сразу же скрылось.

До этого спящий в телеге Ар недовольно зарычал, оскалив длинные клыки.

— Увидел чего? — Тар заметил, как насторожился его сын.

— Да, — уверенно ответил охотник.

— Так чего ж не стрелял тогда? — вскинул кустистые брови старик.

— Мало ли, — охотник передернул плечами, опуская лук, но продолжая всматриваться во мрак. — Вдруг путники какие.

— Вряд ли, — нахмурился Тар, покачав головой. — Если бы ехал кто, так мы бы увидели. А коли, кто встал на ночлег, так огонь бы развели. Добрые люди, на ночь глядя в лесах не прячутся. Может зверье?

— Зверье? — Ульн занервничал сильнее и, сжав под одеждой оберегающий медальон, зашептал молитву Альтосу.

— Ага, зверье, — в последних лучах заходящего солнца что-то тускло сверкнуло и, прежде чем спутники успели заметить, Тенро вскинул тяжелый лук. На разрыв натянув оружие, он, почти не целясь, выпустил стрелу.

— Зверье не сверкает сталью, — охотник проследил за скрывшейся из виду стрелой.

— И что мы теперь будем делать? — забеспокоился Ульн, нервно заерзав на жесткой скамье.

— Дальше ехать. Не поворачивать же, — легко ответил Тар. — Лучше ляг в телегу, за борта, глядишь, может и не зацепит, коли нападут.

— Я могу помочь...

— Бандитов не отпугнут праведные речи, — положив на тетиву новую стрелу, Тенро подался немного вперед, оперевшись высоким сапогом в борт телеги. Взгляд охотника рыскал по темным силуэтам деревьев, но тени больше не появлялись.

Телега, мерно покачиваясь в такт поступи лошадей, достигла начала моста. Спрыгнув на землю, Тар взял животных под уздцы и легко повел по старым, но прочным доскам, насвистывая какую-то незатейливую мелодию.

Убрав меч в ножны, старик теперь любовно поглаживал прилаженный к седлу одной из лошадей арбалет. Оружие было взведено и все, что следовало сделать Тару в случае опасности — выхватить его и нажать на спусковой крючок.

Несмотря на отсутствие руки, старый охотник справлялся с легким арбалетом вполне сносно и не боялся пустить его в ход. Но этого делать не пришлось — путники без происшествий миновали мост, так никого и не заметив.

Спустя несколько десятков шагов, Тенро попросил отца остановиться, а сам легко спрыгнул на землю.

— Ар — охраняй, а я осмотрюсь, — шепнул охотник и бесшумно заскользил к кромке близлежащего леса, чьи темные пышные кроны почти нависали над дорогой.

— Куда это он? — Ульн проводил растерянным взглядом растворившегося во мраке мужчину.

— Осмотреться, сказал же, — пожал плечами Тар. Он потрепал по холке одну из лошадей и повел их за собой немного в сторону от дороги, под возвышавшийся в десяти шагах старый дуб.

— А мы?

— А что мы? — не понял старик. — Остановимся на ночлег. Поздно уже, скоро ничего не видно станет. Да и место здесь хорошее, вон, сколько на дереве листьев, дождем не замочит.

— Каким дождем? — Ульну было неуютно сидеть в телеге одному и он, неловко спрыгнув и едва не упав, зашагал рядом со спутником.

— Который ночью польет, — терпеливо пояснил Тар, продемонстрировав пилигриму свою изувеченную руку. — Всегда ноет перед дождем, вот и сейчас...

Дойдя до раскидистого дерева, мужчины остановились, и Тар принялся распрягать лошадей. Несмотря на отсутствие левой кисти, управлялся он споро и умело.

Ульн собирался помочь, но старик лишь усмехнулся:

— Сам справлюсь, а ты лучше костром займись или вещи из телеги достань. Я пока лошадей привяжу. — Взглянув на темное небо, на котором уже начали зажигаться далекие огоньки звезд, Тар добавил:

— Скоро польет уже.

Только сейчас, проследив за взглядом старика, Ульн увидел, как из-за кромки леса на них ползет темная туча. Похожая на расплывающуюся жабу, она медленно и неотвратимо растекалась по небосводу, одну за другой поглощая звезд-светлячков и растворяя их огоньки в своем непроглядно-темном теле.

Выглядело это довольно зловеще, и жрец сам не заметил, как начал в полголоса читать молитву Альтосу. Сняв с телеги связку заранее собранного по дороге хвороста, пилигрим

сбросил ее на землю. Сев рядом, он принялся складывать сухие ветки для костра и почувствовал, как его руки коснулась первая капля дождя.

— Говорил же, — быстро закончив с лошадьми, Тар перегнулся через борт телеги, потянув оттуда сумку со съестными припасами. — Да отойди ж ты, псина, — он собрался оттолкнуть сунувшегося к нему Ара, но волк, увернувшись, лизнул старика в нос и, выпрыгнув из телеги, начал скакать вокруг.

Тар, вытерев лицо грязным рукавом, с укоризной взглянул на питомца своего сына и погрозил зверю пальцем. Впрочем, хищника это нисколько не смутило и он, ухватив зубами край сумки принялся тянуть ее на себя.

— Ну-ка не хулигань! — Строго прикрикнул седой охотник, силясь вырвать у мохнатого озорника сумку, но тот держал крепко и, виляя хвостом, продолжал тянуть новую игрушку на себя.

— Помочь? — по правде говоря, Ульн побаивался подходить к разыгравшемуся зверю но, в то же время, как служитель Альтоса, не мог не предложить своей помощи.

— Не надо, — покачал головой Тар. — Он тебя еще плохо знает, может и цапнуть. — Старику все-таки удалось отнять сумку у волка. Отталкивая левой культей жаждущего продолжения игры Ара, охотник передал съестные припасы жрецу.

Стоило Ульну отступить на шаг, как старик, вдруг свалив зверя на землю, принялся трепать его за загривок, приговаривая:

— Лишь бы озоровать тебе, скамейка ты блохастая! Вон, какой вымахал, а все дурачок! Чего пасть разинул, да язык свой вывалил — а?!

По поведению и доброй улыбке Тара, пилигрим понял, что, несмотря на постоянные упреки и недовольство, старик привязался к волку не меньше, чем его сын и животное отзывается человеку взаимностью.

Ар вырвался, встал и доверительно ткнулся мордой в плечо мужчины.

— Ладно, будет тебе, — старик снисходительно потрепал зверя по холке. — Дам я тебе еды, но только когда все сядем, так что жди!

Ар несколько мгновений смотрел человеку в глаза, словно проверяя, не врет ли он. Затем, видимо удовлетворившись обещанием, волк забрался под телегу, скрываясь от усилившегося дождя и, свернувшись там калачиком, закрыл глаза.

Когда Тар, вытирая руку о штаны, сел рядом с аккуратно сложенным хворостом, Ульн уже щелкал огнем, высекая искры. Через несколько ударов сердца разгорающееся пламя аппетитно захрустело предложенным угощением, сначала облизывая, а затем и жадно пожирая сухие ветки. Сгущающийся мрак неохотно отступил перед светом огня — вокруг костра стало ощутимо светлее.

— Что-то Тенро долго нет, — рассеянно шевеля хворост обуглившейся палкой, Ульн в очередной раз осмотрелся. — Как бы ни случилось чего...

— Мой сын, как-никак, из «Черных стрел» и не первый день в лесах. Обычным бродягам с ним не тягаться, — Тар говорил с гордостью и вовсе не выглядел взволнованным. Культей прижав к груди краюху хлеба, он отламывал от нее куски уцелевшей рукой. — Да и дотошный он — пока все не обойдет — не вернется. Служба на границе делает очень осторожным, по себе знаю.

— А вы, тоже, в «Черных стрелах» были?

— Куда там, — Тар усмехнулся. Он встал и, дойдя до телеги, достал оттуда взведенный арбале.

Вернувшись на прежнее место, старик положил оружие рядом с собой.

— Сынок-то, толковее меня будет. Я служил в пехотном полку... эх, были же времена!.. — Тар взглянул на обрубок руки и поморщился. Морщинистое лицо старика вдруг изменилось, и он потянулся к рукояти арбалета, но, помешкав, убрал ладонь:

— Сын возвращается.

— Уверены?

Как Ульн не напрягал слух и зрение, но так и не смог разобрать в усилившемся шуме дождя звуки шагов, а среди темноты не увидел ничего, кроме неясных теней — очертаний высоких деревьев.

Где-то вдалеке запела какая-то ночная птица, но, как показалось пилигриму, этот звук доносился с другой стороны моста, откуда они приехали.

— Я ничего не могу разобрать, — вздохнул Ульн.

— Просто ты — жрец, а не разведчик или охотник. Вы привыкли слушать молитвы и песнопения, а не лес. — Хмыкнул Тар, погладив арбалет. — Да и Тенро знает, как нужно ходить, чтобы остаться незамеченным.

— Но вы-то его слышите, — не унимался Ульн.

— Потому что он мне позволяет, — пояснил старый охотник. — Специально шумит, чтобы я понял, что это он и не выстрелил. Я, пусть и старый калека, но кое-что все еще помню. — Он опять провел сухой ладонью по прикладу арбалета, скользнув пальцами по холодному древку болта.

— Специально шумит, — с горькой иронией произнес Ульн, продолжая свои попытки услышать или увидеть молодого охотника, по словам его отца, приближающегося к костру.

В тщетности своих попыток пилигрим убедился еще раз, когда Тенро совершенно бесшумно выскользнул из мрака, ступая в освещенный костром круг.

— Были здесь, но ушли, — как ни в чем не бывало, молодой охотник сел рядом с отцом и вылезший из-под телеги Ар сразу же положил голову на плечо хозяину.

Тенро улыбнулся и ласково погладил зверя по голове.

— Как это ушли? — не понял Ульн. — То есть бандиты, действительно ждали нас?

— Не обязательно нас. Скорее любых путников, что по каким-то причинам пренебрегли трактом, — Тар разделил еду поровну, убрав остатки обратно в сумку, подальше от плотоядного взгляда волка. — Сынок, думаешь, они вернуться?

— Возможно, — подождав, пока его отец начнет есть первым, Тенро взял кусок хлеба и вяленого мяса, сразу же отдав Ару его порцию. — Я ранил одного. Видел кровь на кустах и земле.

— Значит, будем сторожить по очереди, — предложил Ульн, которому кусок не лез в горло.

Несмотря на то, что пилигрим много путешествовал, Альтос всегда хранил его и, как верил жрец, исключительно по его провидению, Ульн никогда не сталкивался с опасностью.

— Незачем, — Тенро покачал головой. — Я видел следы. Они не умеют ходить по лесу и если не я, то Ар почует их издалека. Да, дружище? — Он бросил волку кусок хлеба и тот ловко поймал его, клацнув зубастой пастью.

— Тогда я помолюсь, — Ульн поспешно отряхнул руки о свои серые одежды и, отойдя чуть в сторону, опустился на колени.

Сложив руки на груди, пилигрим закрыл глаза и зашептал слова молитвы.

Доедая, Тенро наблюдал, как его отец встал рядом со жрецом и, преклонив колени,

зашевелил губами. Пилигрим не отказал в помощи старику и начал обучать его молитвам Альтосу, чтобы тот сам мог попросить у бога покоя для души покойной супруги.

Покоя и той безмятежности, которой лишены бранные тела ныне живущих.

Позже, когда Тар и Ульн уснули, Тенро, тоже закрыл глаза, устроившись меж ветвей высокого дерева, чуть в стороне от костра. Он не знал точно, вернутся ли бандиты или нет, но что-то подсказывало ему, что разбойники просто так не простят пролитой крови товарища.

Решив лишний раз не рисковать, бывший разведчик «черных стрел» сделал то, что у него получалось лучше всего — затаился на раскидистом дереве и принялся ждать. Слабый дождь не причинял охотнику никакого беспокойства и тот прикрыл глаза, набросив на лук свой плащ.

Тенро успел немного подремать, слушая беспокойное уханье филина, видимо решившего поохотиться за мелкими грызунами, ночью покинувшими свои глубокие норы. Наступило время, когда хищная птица замолчала и вскоре, в хлопанье сильных крыльев проскользнул сдавленный писк — охота увенчалась успехом. Насытившийся филин затих.

Тенро хорошо знал привычки обитающей в лесах живности, знал он и что филин делает перерыв, примерно в полночь, чтобы позже снова выйти на охоту и продолжать ее до самого рассвета. Мужчина не ошибся и позже его чуткий слух распознал шелест перьев где-то совсем рядом, после чего хищник продолжил охоту в полной тишине, отдалившись от места стоянки людей.

* * *

Ближе к утру неподалеку взмыла в воздух стайка встревоженных птиц, и Тенро мгновенно открыл глаза.

Было еще темно и солнце пока не показалось над верхушками деревьев — как и предполагал охотник, к ним решили подкрасться в самое удобное для этого время, когда сон людей наиболее крепок.

Очень медленно Тенро встал среди густых ветвей, сокрытый зеленой листвой от посторонних взглядов. Разведчик все делал неспешно, чтобы ни одно неосторожное движение не выдало его позиции.

Закрыв глаза, Тенро прислушался. Он слушал, как прервавшийся ранее дождь снова застучал по листьям, скатываясь на буйные кустарники и омывая зеленую траву, тихо шуршащую от чьих-то аккуратных шагов. Три или четыре человека сейчас обходили стоянку путников по широкой дуге, заходя с подветренной стороны.

Охотник позволил себе сухую улыбку — как же все это было предсказуемо.

По-прежнему не спеша, Тенро поднял свой лук, положил на тетиву стрелу и замер. Слабо шевелящиеся ветки уже выдали троих крадущихся людей и еще один, с обмотанным грязными тряпками плечом, показался из-за дерева.

Охотник позволил бандитам приблизиться, чтобы убедиться, что их всего четверо. Так оно и оказалось. Четверо оборванных, грязных и заросших бородами проходимцев, вооружившись сучковатыми дубинами да ржавым мечом, сейчас радостно скалились, предчувствуя долгожданную добычу.

— Проголодалась, сестренка? — медленно натягивая лук, Тенро обратился к стреле, чье

оперение слабо коснулось его щеки, в скупом жесте молчаливой ласки. Он прицелился в самого дальнего разбойника. — Так поешь. Лети вперед, поищи свежей крови, а как найдешь — кричи, я пошлю сестер на твой голос.

Выдохнув, охотник выпустил стрелу и лук дернулся в его руке.

Назойливое шипение летящей стрелы оборвалось влажным шлепком, когда она по оперение вошла прямо под бороду скалящего гнилые зубы бандита. Мужчина издал странный, булькающий звук и, споткнувшись, начал заваливаться на спину.

Словно почуяв что-то неладное, один из разбойников обернулся. Увидев, как его сообщник падает со стрелой в горле, второй бандит раскрыл рот, чтобы завопить, но стрела, выпущенная Тенро, пробила ему затылок, выйдя точно между гнилых зубов и забрав себе жизнь человека.

Не прошло и удара сердца, как третий бандит уставился на оперение, вдруг оказавшееся прямо у него на груди и почти сразу же вторая стрела вошла ему в один из широко раскрытых глаз.

Три тела упали на мокрую траву почти одновременно и последний бандит, увидев, какая судьба настигла его товарищей, отбросил свою дубину и бросился наутек.

Усмехнувшись, Тенро немного опустил лук и прострелил убежавшему ногу. В большем он не видел смысла, так как заметил промелькнувший между деревьями пепельно-серый мех Ара, почуявшего кровь.

Волк — дикое животное и охота у него в крови. Тенро любил своего питомца и уважал его потребности, поэтому опустил лук, предоставив хищнику самому загнать свою добычу.

— В конце-концов, меньше съест на утро, — сняв с лука тетиву, Тенро устроился на широких ветвях поудобнее и снова закрыл глаза.

Он никогда не жалел тех, кто готов был убить его самого, без этого нельзя было выжить на войне. Перед тем, как уснуть, охотник услышал где-то далеко сдавленный крик, резко оборвавшийся и растворившийся в утренней тишине.

* * *

Тенро проснулся, услышав недовольное ворчание отца. Свернув разбитый на ночь лагерь, Тар теперь был занят тем, что обходил мертвых бандитов, обшаривая их карманы и возмущаясь отсутствию в них хотя бы чего-то полезного.

Потянувшись и спрыгнув на землю, Тенро присоединился к отцу, попутно вырезая из остывших тел свои стрелы.

Побледневший Ульн отказался учувствовать в подобном зверстве и даже смотреть на него не желал. Пилигрим скрылся за деревом и его, кажется, стошнило. Затем жрец Альтоса привычно забормотал молитвы, а потом вскрикнул и проворно забрался в телегу, когда из кустов показался Ар.

Окровавленная волчья морда дернулась в сторону человека, но хищник узнал пилигрима и затрусил дальше, к своему хозяину.

— Ловко ты их, — похоже, Тару надоело сетовать на судьбу, и он направился обратно к телеге.

— Все равно, что стрелять по мишеням, — равнодушно пожал плечами Тенро, мокрой травой стирая кровь с кончиков стрел.

— Бог милосердный, да как вы можете так спокойно говорить о произошедшем?! — Недоуменно возмутился пилигрим, чьи руки до сих пор тряслись. — Вы же отняли жизнь у других людей!

— Они бы вряд ли расстроились, поменяйся мы местами, — хмыкнул Тар, запрягая лошадей. — Да и вам-то что? Все равно все проспали, считайте, что просто кошмар привиделся.

— Кошмар это то, что здесь произошло! — Не унимался пилигрим. — Мы... мы должны похоронить этих людей и...

— Не мелите ерунды, жрец, — жестко оборвал Ульн старый охотник, рассекая воздух ребром единственной ладони. — Сейчас мы продолжим путь, а эта падаль пусть гниет в канавах, как ей и положено. — Он ловко запрыгнул в телегу. — Мой сын, между прочим, оказал большую услугу тем путникам, что будут использовать эту дорогу после нас!

— Но убийство — это грех...

— На войне я грешил столько, что вряд ли у вашего бога хватит запаса милосердия, чтобы простить меня, — Тенро даже не посмотрел на пилигрима. Он занимался тем, что пытался стереть с морды Ара кровь, но волк, расценив действия хозяина как игру, всячески сопротивлялся.

Ульн открыл было рот, чтобы возразить, но не нашел подходящих слов. Он не был на войне и осознавал, что не может полностью понять тех, кому Альтос предназначал подобную тяжелую судьбу.

В конце-концов сам пилигрим, пусть часто и был не согласен с действиями окружающих, никогда не осуждал их, веря в то, что у каждого в этой жизни свой путь. И чем дольше он смотрел на молодого охотника, тем больше понимал, что не все таинства подобных путей он сам может постичь.

— Забирайтесь в телегу и поехали, — хриплый голос Тара вывел пилигрима из состояния задумчивости. — Не хочу оставаться рядом с этими, — старик небрежно кивнул в сторону мертвецов и поморщился. Он снял с пояса флагу и бросил сыну. — Тенро, смой с рук кровь этих скотов и подай мне что-нибудь пожевать.

Ульн почувствовал, как его горлу вновь подкатывает тошнота и поспешно зажал рот руками.

— Тоже проголодались? — деловито осведомился у жреца Тар, но тот затряс головой и побледнел лицом. — Ну, как хотите, — охотник дернул поводья, и лошади с готовностью пошли вперед, потянув за собой скрипнувшую телегу.

* * *

Весь последующий день пилигрим молчал и отказывался от еды. Только на закате, когда путники остановились на ночлег, Ульн попросил воды. Сжимая в руках грубую жестяную кружку, он неподвижно сидел у костра, глядя на странный танец пламени и иногда провожая задумчивым взглядом поднимающиеся к небу искорки. Только когда к нему подошел Тар и нетерпеливо кашлянул, пилигрим посмотрел на охотника.

— Я бы хотел помолиться о жене, — спокойно произнес Тар. — И был бы благодарен, если бы и вы помолились со мной.

— Да, конечно же, — поставив кружку, из которой так и не выпил, на землю, пилигрим

отступил от костра и привычно опустил на колени. Однако прежде чем приступить к молитве, он обернулся на прислонившегося спиной к колесу телеги Тенро:

— А ты не хочешь помолиться?

— Нет, — охотник покачал головой. — Мне это не нужно.

— Ты можешь попросить у Альтоса покоя для ушедших близких и друзей, — не сдавался жрец, но Тенро вновь отказал ему:

— Все те, о чьей утрате я скорблю — были достойными людьми и Альтос, если он действительно таков, как вы рассказываете, позаботится об их душах и без моих просьб.

— Тогда, может, попросишь прощения за грех? — не отступал Ульн. — Убийство...

— Спасибо. Нет.

— А как на счет твоей собственной души, Тенро? Ты не хочешь попросить...

— Не хочу, — резче, чем рассчитывал, огрызнулся охотник. — Я не сделал ничего, за что, по моему мнению, мне следует просить прощения у кого бы то ни было.

— Оставьте его, — Тар положил жесткую ладонь на плечо жреца, предостерегая того от дальнейших уговоров. — Он всегда был упрям. Как и я, когда-то.

— Тогда, если ты не возражаешь, Тенро, я сам помолюсь за тебя, — мягко и спокойно произнес Ульн, на что молодой охотник лишь пожал плечами.

Этой ночью Тенро спал беспокойно. Прошное снова пришло к нему во снах, окутав разум плотным и влажным, словно пропитанным кровью, саваном.

В этот раз мужчине опять снилась война, но не против наэрцев. Этой ночью он снова пережил битвы, где сражался бок о бок с лесным народом в противостоянии измененным духами, чьи бесконечные вереницы выходили из Застывшего леса.

Измененные убивали всех без разбора или же забирали с собой, утаскивая израненных жертв в туман, по пятам следующий за призрачным воинством.

Люди считали измененных неприкаянными душами, что не нашли прибежища на том свете и чьими телами овладели их низменные желания. Наэрцы же утверждали, что всему виной кровопролитная и долгая война между двумя народами. Пролитая в лесах кровь осквернила духов и те, обезумевшие и ведомые жаждой столь полюбившейся им крови, теперь стремятся получить ее как можно больше.

Самого Тенро не интересовали причины, по которым странные твари нападали на все живое либо убивая, либо превращая в подобное себе. Он привык быть солдатом и выполнять приказы. Пока у него была цель, разведчик не забивал голову иными вещами и ни к чему не приводящими размышлениями.

Кем бы ни были измененные, договориться с ними было невозможно, а вот убить — вполне реально и это была его работа и его долг, как воина королевства Арстерд.

Но на деле все оказывалось гораздо сложнее.

Серые, обезображенные злобой лица, восстающие из тумана, часто являлись к Тенро во снах. То были незнакомцы или же павшие ранее друзья, с человеческими лицами или же измененными звериными мордами.

Все они приходили к нему снова и снова, но он неизменно встречал их стрелами и сталью клинка. Он убивал восставших, но лишь для того, чтобы их место заняли другие.

Если бы не окончание срока службы, Тенро мог бы сойти с ума, но этого не случилось. Десять лет войны с наэрцами и еще два года непрекращающихся битв с измененными для него закончились.

Разведчик сполна выполнил свой долг перед королевством, отслужив в его войсках

положенные двенадцать лет. Почти два года минуло с тех пор, как он вернулся домой, но и его прошлое, казалось, вернулось вместе с ним.

Оскаленные клыки вдруг появились прямо перед Тенро, вынырнув из тумана и метнувшись к его шее. Острые, словно клинки зубы, сомкнулись на его плоти и охотник, вскрикнув, проснулся.

Ар обеспокоенно посмотрел на резко севшего хозяина и, наклонив голову набок, приветливо махнул хвостом.

— Не слишком-то доброе утро, да, сынок? — Тар уже запрягал лошадей и ему помогал Ульн.

— Не слишком, — согласно кивнул Тенро, проведя пальцами правой руки по груди, где под одеждой затянувшимся рубцом белел старый шрам — одна из множества отметок, оставленных прошлым на его теле.

— Да уж, — неопределенно произнес старик. Он понял, что лучше опустить эту тему и решил отвлечь сына:

— Предлагаю сегодня отправиться в путь пораньше. Поедим в дороге и будем ехать даже ночью. Места здесь уже знакомые, так что доберемся до Зеленых полян еще до утра. Как идея?

— Хорошая, — Тенро снова согласился с отцом. Ему тоже не терпелось попасть домой, и охотник не скрывал этого.

* * *

Отдохнувшие за ночь лошади легко тянули за собой раскачивающуюся на неровной дороге телегу. Колеса мерно вращались, тихонько поскрипывая и под этот звук, не выспавшийся за ночь Тенро уснул.

Под полуденным солнцем кошмары не приходили к нему, отгоняемые толи окружающим спокойствием, то ли веселым пением птиц и незатейливой беседой Ульна и Тара. В этот раз мужчины говорили не о вере и Альтосе, а о вещах более приземленных, таких как жизнь в затерянных среди лесов Зеленых полянах.

— Вас послушать, так это замечательное место, — с мечтательным лицом произнес пилигрим. — Я всегда желал встретить свою старость в какой-нибудь тихой и уютной деревушке, где все друг друга знают, обучая детишек грамоте, а взрослых наставляя на путь просвещения.

— Тогда наши поляны — это то, что вы искали, жрец, — с неподдельной гордостью сказал Тар. Старик, как староста деревни, действительно испытывал гордость за свой дом и тех людей, что живут вместе с ним. — Мы все больше чем соседи, мы — друзья, семья можно сказать, все два с лишним десятка домов!

— Это просто замечательно! Мне прямо не терпится увидеть всю эту благодать своими глазами.

— Скоро увидите! — Тар подстегнул лошадок, и те ускорили свой бег, с каждым шагом приближаясь к Зеленым полянам.

Тенро проснулся, еще когда его старик в первый раз останавливал повозку, давая лошадям отдых. Но охотник не спешил открывать глаз. Он слушал беседу отца со жрецом и не хотел мешать.

Охотник давно не видел своего старика таким оживленным. Все, кто знал Тара, говорили, что он сильно сдал после смерти жены. Возвращение сына его, безусловно, обрадовало, но тягостные мысли крайне редко пропадают навсегда. Они таятся в самых сокровенных уголках сознания, пробираясь в душу и, то и дело, выглядывают оттуда, неприподъемной ношей взваливаясь на плечи.

Тенро часто замечал, как взгляд отца становится затуманенным, отсутствующим, а когда он говорил родственнику об этом, то Тар, грустно улыбаясь, отвечал: — «Ты бы сам посмотрел на себя, когда вспоминаешь минувшее, сынок. Пусть все и прошло, но пережитое навсегда остается с нами. В самом сердце».

Как правило, на этом их разговор всегда и заканчивался. Тенро знал, что отец прав. Сейчас же, когда Тар, впервые за долгое время, кажется, нашел отдушину для своей души, Тенро был по-настоящему рад. Если вера в Альтоса и молитвы ему хоть как-то облегчат жизнь старика, то его сын никогда не будет против.

Ульн и Тар говорили и говорили, они даже откупорили один из кувшинов с вином, что везли с собой, и их беседа стала проходить веселее и оживленнее. Потом они и вовсе бесцеремонно растолкали снова прикорнувшего Тенро и, всучив ему поводья, перебрались в телегу, чтобы продолжить разговор.

Выспавшийся охотник не возражал. Он занял свое место, заметив, что Ар, почуяв знакомые места, спрыгнул на землю и затрусил в растянувшийся по левую руку лес.

Тенро знал, что позже лес изогнется, поглотив дорогу и заползая на высокий холм справа, чтобы окружить острые шпиль горы Королевского кряжа, вздымающиеся к бескрайнему голубому небу своими белыми шапками. Где-то за этими горами раскинулся Застывший лес, земля, ныне принадлежащая обезумевшим духам — край тумана и смерти.

Выпившие кувшин превосходного наэрского вина, Тар и Ульн заснули. Они оставили молодого охотника наедине с самим собой.

Думать ни о чем не хотелось, так что Тенро просто смотрел на дорогу, слушая звуки приближающегося леса. Деревья уже подступили к дороге, зажав ее между своих массивных стволов, а низкие ветви почти касались головы охотника. Сквозь густую зеленую листву пробивались теплые лучики закатного солнца, а дующий в спину ветерок приносил легкую прохладу, знаменующую приближение сумерек.

Из-за густых крон, раскинувшихся над его головой, Тенро даже не заметил, как село солнце. Заметно похолодало, тени в лесу сгустились, а неумная мошкара, наконец-то, оставила людей в покое.

Стало гораздо тише, спокойнее, но Тенро нахмурился.

Обычно, на заре, когда солнце почти скрывалось за горизонтом, окрашивая небо в золотистые и красные тона, в лесах вокруг Зеленых полян начинали петь зарянки. Маленькие зеленые птички с желтыми грудками, неизменно затягивают свою звенящую песню в это время суток. Их пение уже должно было разноситься далеко по лесам, подхватываемое сородичами.

Охотнику всегда нравилось пение зарянок: вкупе с закатным небом, она успокаивала его, приводило в порядок мысли и отгоняло неприятные воспоминания.

Но сегодня Тенро не слышал знакомых звуков. Наоборот, лес, будто замер, стих, словно ожидая чего-то. Обычно такое случается перед грозой, но, насколько помнил Тенро, небо было чистым, а его отец не жаловался на постоянно ноющие перед непогодой шрамы.

Остановив лошадей, охотник встал на ноги, прислушиваясь — дыхание спящих мужчин

и лошадей, да скрип ветвей под завывания усилившегося ветра, вот и все, что он смог разобрать.

Но скверное предчувствие не отступало. Недолго думая, Тенро разбудил отца. Бывший пехотинец проснулся почти мгновенно, тогда как Ульн продолжал спать, лишь перевернувшись на другой бок.

— В чем дело? — Остатки сна стремительно покидали глаза Тара.

— Слишком тихо, — шепотом ответил Тенро. — Прислушайся.

Старый охотник последовал совету сына и замер, прикрыв глаза и почти не дыша. С каждым мгновением лицо Тара мрачнело пока, наконец, он не произнес:

— Странно как-то, тихо. Мы сейчас где? Далеко от дома?

— В Поющий лес въехали еще до заката, и Угрюмую гору оставили за спиной. Скоро ведьмин овраг.

— Коли скоро, то мы бы уже лягушек слушали, — нахмурился старый охотник, потирая обрубок руки. — Не ошибся?

— Едва ли, — покачал головой Тенро. — Места здесь узнаваемые. К тому же зарянок не слышно. И... — охотник вскинул руку, призывая к молчанию.

Бывший разведчик прислушался, явственно разобрав в гнетущей тишине резкие звуки. Кто-то бежал к ним сквозь сгущающийся сумрак и Тенро, быстро присев, принялся натягивать на лук тетиву. Несложные движения, пусть и требующие силы и сноровки, за годы службы быстро вошли у охотника в привычку, так что справился Тенро очень быстро.

Когда мужчина выпрямился и уже вытаскивал стрелу, то вдруг замер, разобрав знакомую поступь. Спустя несколько ударов сердца из-за ближайших деревьев показался Ар. Хищник быстро запрыгнул на телегу и оскалил клыки. Низко прижав к мохнатой голове острые уши, волк немного пригнулся, словно ожидая атаки. Его серый мех стоял дыбом и выглядел зверь очень взволнованным.

— Что за?!.. — Тар не успел договорить, так как лошади беспокойно заржали и принялись рыть мощными копытами землю, нервно пританцовывая на месте.

Схватившись за арбалет, старик выругался, после чего взглянул на сына:

— Не нравится мне это, сынок. Давай-ка я возьму поводья, а ты покарауль. Лошадки выдержат, и будем гнать, пока не доберемся до деревни. И подай мне арбалет, мало ли...

— Хорошо, — быстро передав отцу взведенное оружие, Тенро надел перевязь с клинками, закинул за спину колчан, закрепив его на поясе и ремнях, перекинутых через плечо.

Оглянувшись, охотник вздрогнул, ему показалось, будто между деревьев он заметил стелящийся по земле туман, из которого на него безмолвным призраком взглянула тень прошлого.

— Но! — Тар подстегнул лошадей, и те рванули вперед так сильно, что Тенро едва удержался на ногах.

Мужчина вцепился рукой в борт телеги, другой сжимая лук. Когда охотник снова посмотрел туда, где ему почудился туман, то не увидел ничего, кроме деревьев.

— Что происходит?! — от рывка, Ульн проснулся, испуганными глазами скользнув сначала по скалящемуся волку, а затем по лицу Тенро. — Куда мы так спешим? — когда телега подскочила на очередной кочке, пилигрим подслеповато огляделся и разобрал проносящиеся мимо темные силуэты деревьев.

— Тихо-тихо, — проигнорировав вопрос жреца, Тенро потрепал Ара по холке, ощутив,

как дрожит сильное тело хищника. За то время, что он провел в окрестных лесах, Тенро не встречал ни одно животного, что могло бы так напугать его любимца.

— За нами гонятся?! — Ульн попытался встать, но телегу снова тряхнуло, и пилигрим упал на свалывшуюся солому, сильно ударившись головой о борт. — Альтос милостивый, — прошептал мужчина, потирая ушибленный затылок.

— Если надумали молиться, то делайте это потише, — в грохоте несущейся по неровной дороге повозки, разумеется, нельзя было слышать посторонних звуков, но и бормотание жреца в данный момент, Тенро слушать не желал.

Положив на тетиву стрелу, охотник присел, скользя внимательным взглядом по темному лесу.

Все вокруг слилось в сплошное размытое пятно. Скорость повозки и ночная тьма играли со зрением злую шутку, искажая мечущиеся по бокам от дороги деревья. Но, если человеческий глаз можно обмануть, то с чутьем животного все не так просто. Ар, как вкопанный, замер и, не мигая, смотрел вправо. Волк продолжал скалиться, обнажая длинные клыки и топорща серую шерсть на загривке.

Тенро хорошо научился понимать своего питомца и больше ни на что не отвлекаясь, начал всматриваться туда же, куда смотрел и волк. Наметанный глаз охотника не сразу, но выхватил из мелькающих размытых силуэтов несколько теней, движущихся быстрее прочих. Они следовали вдоль дороги, перемещаясь неровными рывками, то исчезая, растворяясь во тьме, то появляясь вновь, выныривая из-за деревьев.

Попасть по такой цели из трясущейся телеги, под капризными порывами ветра — маловероятно. Тенро предпочел не тратить стрелы, отметив, что тени медленно, но все же приближаются к ним.

— Даже не вздумай! — строго приказал Ару хозяин, когда волк подался вперед. — Сиди здесь и охраняй.

Убедившись, что хищник послушался, Тенро опустился на одно колено, чтобы обеспечить себе лучшую устойчивость и частично скрыть тело за бортами телеги. Он не знал, кто гонится за ними, но предпочел хоть как-то обезопасить себя.

Повозку снова тряхнуло, да так, что молодой охотник на мгновение оторвался от досок, подлетев в воздух и едва не выпустив лук.

Витиевато выругался Тар, но его слова перекрыло беспокойное лошадиное ржание.

Только чудом не вывалившийся из телеги Ульн, мертвой хваткой вцепился в борт и поспешно забормотал молитву Альтосу. Пилигрим просил у бога защиты и снисхождения. С каждой проскальзывающей под колесом кочкой слова жреца становились все громче, но Тенро было не до этого.

Мечущиеся во мраке тени теперь скользили еще ближе, но охотник так и не смог как следует разглядеть их. Следуя примеру отца и ругнувшись сквозь стиснутые зубы, он вскинул лук, натягивая грозное оружие и ощущая, как то напрягается в его руках.

Задержав дыхание, Тенро повел лук в сторону, преследуя мечущуюся тень и, выбрав момент, выстрелил на упреждение, намеренно забрав правее и выше, делая поправку на ветер и расстояние.

Стрела умчалась в темноту и одна из теней, споткнувшись, рухнула на землю, закувыркавшись по ней и врезавшись в одно из множества деревьев.

— Попал, — сам себе сказал Тенро, вновь натягивая лук и чувствуя, как оперение стрелы щекочет его щеку.

Прицелившись, охотник спустил тетиву, но в этот момент повозку тряхнуло и стрела прошла значительно выше, с сухим звуком впившись в дерево.

Когда Тенро собирался выстрелить третий раз, над бортом телеги неожиданно появилась оскаленная звериная пасть и тускло сверкнули злобой слегка раскосые глаза. Отшатнувшись, охотник выпустил стрелу и та, войдя точно в глотку, отбросила хищного зверя назад.

— Какого?!.. — Тенро был уверен, что на них напал волк, но ему на миг показалось, что язык у хищника был какой-то темный и склизкий.

Возможно, это была игра теней, но, в любом случае, охотнику больше не хотелось разглядывать клыкастую пасть так близко.

— Вот перекресток к вырубкам и тракту! Еще немного! — Прокричал Тар, когда телега промчалась мимо уходящей вглубь леса дороги и тянущемуся в противоположном направлении пути, ведущем на общий тракт.

Прямо у перекрестка, почти у самой обочины из земли торчало давно разваленное молнией дерево. Оно стояло здесь до того, как Тенро отправился на войну, ничуть не изменившись с тех пор.

Сверкнула молния, выхватывая из мрака кривой высохший ствол, расщепленный на две части и, спустя несколько мгновений, раскат грома, казалось, сотряс не только небеса, но и землю.

Едва над телегой образовался просвет, как сверху сразу же упали капли дождя.

Когда вспышка молнии осветила уродливый ствол дерева, Тенро заметил что прямо под ним, темнеющей тушей лежит труп лошади и, вроде бы, истерзанное человеческое тело. Телега проскочила мимо перекрестка так быстро, что охотник не успел толком разглядеть мертвеца.

Не успел мужчина подумать о том, что ему это показалось, как уловил едва различимый и стремительно удаляющийся запах крови.

— Поспеш! — отбросив назад выбившиеся из косы пряди, Тенро вернулся на прежнее место, однако среди деревьев он не заметил ни одной тени. Что-то подсказывало охотнику, что отстать их преследователи не могли, а значит...

Тенро развернулся как раз в тот момент, когда растянувшийся в длинном прыжке силуэт вырвался из мрака и навис над телегой.

Тонко запела тетива, и стрела охотника сбила тварь в полете, отбросив обратно во тьму. Тяжело раненный зверь даже не взвизгнул, и это не понравилось охотнику еще больше.

Громыхание телеги и ночь, поглотили даже звук падающего тела, если оно вообще коснулось земли. Поднявшись во весь рост, Тенро натянул лук, чувствуя, как стрела уже рвется вперед, но он не спешил отпускать ее.

Охотник ждал и скоро получил то, что хотел — новая вспышка молний на миг выхватила из темноты две поджарые волчьи фигуры, бесшумно скользящие по бокам от повозки. Тенро выстрелил и еще одна тварь, с неестественно яркими глазами, споткнулась на ровном месте, врезавшись мордой в землю и обламывая торчавшую из глазницы стрелу.

Вскрикнул прервавший молитву Ульн. Пилигрим отскочил назад так быстро, что врезался затылком в противоположный борт, вжавшись в него спиной, и разбрасывая ногами солому.

Один из волков ловко запрыгнул в движущуюся повозку и его челюсти почти сомкнулись на шее жреца, но Ар, сорвавшись с места, сбил сородича с ног, вцепившись

зубами в мохнатый загривок. Два мощных тела закрутились на полу, превратившись в размытый шар из серого меха и крови.

— Ар, назад! — Тенро не рискнул стрелять, побоявшись задеть питомца.

Услышав приказ хозяина, волк разжал зубы и попробовал сместиться в сторону, но его противник оказался гораздо быстрее и проворнее. Сверкнули ярко-красные глаза и длинные клыки метнулись к цели.

Словно плеть щелкнула стрела, пробив голову напавшего хищника и пригвоздив ее к дну телеги.

— Альтос, спаси, Альтос!.. — безостановочно бормотал Ульн, не отрывая взгляд от тела волка.

Несмотря на то, что его голова была пробита насквозь, зверь пытался встать, упираясь лапами в пол и силясь поднять залитую темной кровью морду. С мерзким звуком древко стрелы заскользило по меху, скребя о кость черепа и, скользя по ней.

Тварь начала выпрямляться.

Скалящийся Ар, попятился, плотно прижав уши к голове и собираясь вновь броситься на противника, но Тенро опередил его. Сверкнула сталь и наэрский клинок, хищно сверкнув во вспышке молний, опустился вниз, легко перерезая плоть и кость зверя.

Все еще удерживаемая стрелой голова волка отделилась от тела, которое Тенро, мощным пинком, отправил за борт телеги.

— Да что у вас там?! — Бегло оглянувшись через плечо, Тар не смог ничего разглядеть.

— Долго еще ехать? — Тенро не ответил на вопрос отца, ему показалось, что он видит новые тени, скользящие вдоль дороги и следящие за людьми неестественно яркими глазами.

— Уже скоро будем! — снова сосредоточившись на дороге, крикнул старый охотник, перекивая громовые раскаты. Он рукавом вытер стекающую с седых волос на лицо дождевую воду и, прищурившись, произнес:

— Странно, обычно у нас столько факелов-то не горит... Случилось чего?!..

Проследив взгляд отца, Тенро почувствовал, как его успокоившееся было сердце, забило быстрее — по всей длине частокола, что велел по армейской привычке возвести вокруг деревни его отец, сейчас горели факелы, яркими пятнами выделяясь во мраке ночи.

На памяти следопыта такого еще никогда не случалось и его беспокойство лишь усилили слова отца:

— Видать, беда пришла...

Охота на прошлое

Заостренные бревна частокола рывками приближались и Тенро смог разглядеть чье-то лицо наверху. Дозорный, тоже заметив повозку, что-то встревожено прокричал.

Ветер подхватил слова человека и унес их ввысь, растворив в шуме дождя прежде, чем охотник смог разобрать, что тот кричал. Кто-то на сторожевой вышке поднес стрелу к горячей жаровне, поджег ее и пустил по высокой дуге, чтобы та вошла в землю за повозкой.

Обернувшись, Тенро увидел, как размытая тень шарахнулась в сторону, бесшумно скрывшись в придорожных зарослях.

Телега, едва не разваливаясь от тряски, вынырнула из ночного мрака. Едва она попала в полукруг света факелов закрепленных на частоколе, Тар, привстав, громко крикнул:

— Открывайте, быстрее!

Но бревенчатые ворота и так уже отворились наполовину. Отфыркиваясь и роняя с губ пену, взмыленные, серые в яблоках лошади проскочили между почти распахнувшимися створками и те, сразу же, начали закрываться.

Когда Тенро, встал в остановившейся повозке, двое крепких, заросших бородами мужчин поспешно опустили на ворота широкий засов.

— Что тут творится?! — сразу же спросил Тар, устремляясь к дозорным.

Вместо одного часового у ворот собралось трое. Еще по одному человеку заняли места на трех вышках, возвышавшихся над частоколом с южной, восточной и западной сторон.

— Вы и сами видели, нет?! Вон как гнали, — неопрятный крупный мужчина с топором лесоруба, сильно прихрамывая, подошел к телеге, тогда как дозорный на вышке и у ворот остались на месте, пристально вглядываясь в ночь.

Густые волосы и борода встретившего повозку мужчины намokли от дождя, а пламя факела, что лесоруб держал над головой, недовольно шипело от каждой капли, касающейся огня.

— Чего ворчишь, Гур? За нами твари какие-то увязались, — Тар нахмурился. — Волки что ли, я не разглядел, а ты, сынок?

— Волки, говорю ж, — не скрывая раздражения, буркнул лесоруб, закинув тяжелый топор на широкое плечо. — А все тут твердят, будто это твари из-за гор приперлись. Тьфу! Трусят, как щенки.

— Из-за гор? — староста Зеленых полян поднял голову, глядя на возвышавшиеся в далее темные силуэты гор Королевского кряжа.

— Да берхня! Мол, из леса они, из Застывшего! — кивнув, подтвердил Гур, поморщившись так, будто съел что-то мерзкое. — Бабы сплетни, да детские сказки.

— Что за чушь? Перепили что ли...

— Отец, — Тенро бесшумно прыгнул с телеги, прервав старого охотника.

Когда Тар недовольно обернулся к сыну, тот протянул ему волчью голову.

— Слухи, кажется, не лгут.

— И ты туда же? Дай-ка, — без всякой брезгливости старик ухватил голову, помогая себе культей. — А ты — посвети, — обратился он к лесорубу и мужчина, опустив факел пониже, приблизился.

Окровавленный мех мертвого зверя влажно заблестел на неровном свету огня и, когда Тар повернул отрубленную голову мордой к себе, то потрясенно протянул:

— Мааааать!..

— Что б меня! — На заросшем бородой лице Гура появилось отвращение. — Староста, кажись, правда, не волки это. Точнее волки, но другие! Вона, какие клычищи... может того, больные какие?

— Тенро, что скажешь? — Тар взглянул на сына.

— Ты и сам все видишь, отец, — молодой охотник не отрывал взгляда от потускневших красных глаз хищника, стараясь не смотреть на вывалившийся из пасти черный и склизкий язык, сейчас безвольно свисающий вниз.

— Альтос милосердный, помилуй нас, — дрожащим голосом произнес подошедший к жителям деревни Ульн. Полное лицо пилигрима было бледным словно первый снег, губы, как и руки, безостановочно дрожали, а в обычно добродушных глазах явственно читался суеверный страх.

— Это еще кто? — сердито спросил Гур, кивком указав на незнакомого мужчину.

— Пилигрим, жрец Альтоса, — бегло ответил Тар, продолжая разглядывать отрубленную голову.

Сплюнув на землю, староста сделал несколько шагов, коротко замахнулся и выбросил волчью голову за частокол, после чего снова повернулся к караульному:

— Что у вас-то стряслось? — он указал на караульных. — Рассказывай.

— Да уж, есть что рассказать, — Гур согласно кивнул, отчего его густая борода встопорчилась. — Только давай в дом зайдем, я уже весь вымок.

— Хорошо, пойдем к нам, — сделав знак остальным следовать за ним, староста деревни повел всех к своему дому, находящемуся неподалеку от ворот.

Тенро, взяв тяжело дышавших лошадей под уздцы, пошел последним, поглаживая уставших животных и успокаивая их.

Отчий дом охотника выделялся на фоне остальных. Это было единственное двухэтажное строение в деревне. Весь первый этаж занимал просторный зал для общих сборов, а жилые комнаты располагались выше.

Под самой крышей висел небольшой колокол, гул которого был слышен довольно далеко. Несмотря на то, что привязанная к языку колокола веревка просто свисала вдоль стены, и позвонить в него мог каждый, никто, кроме старосты, этого не делал.

Сам Тар редко пользовался колоколом, так как повод для этого в Зеленых полянах находился не часто, разве что у кого-то рождался ребенок или кто-то, наоборот, умирал. Так же колокольный звон отмечал редкие свадьбы и происходящие лишь немногим чаще приезды торговцев.

Проходя мимо, Тенро сразу же увидел, что закрепленная ранее веревка, тянувшаяся к колоколу, сейчас свободно болтается, слабо раскачиваемая ветром. Его отец, так же, заметил это и вопросительно поглядел на Гура.

— Тарин и Слар, — потупившись, ответил бородатый лесоруб, опустив голову.

— Они же должны были идти на охоту после того, как мы поехали в город, — приблизившись к веревке, Тар быстро закрепил ее, чтобы не болталась. Он обмотал свободный конец вокруг клина, вогнанного между бревен, и с досадой цокнул языком.

— Так и было, — тяжело вздохнув, Гур закрепил свой факел рядом с крыльцом дома старосты, под высоким навесом. — Но не вернулись они до сих пор, а ты сам говорил, коли кого...

— Нет вдвое больше срока, то нужно идти искать. — Закончил за лесоруба Тар. — Кого

послали?

— Салин пошел с женой, Ларой, — отжав намокшие волосы и бороду, Гур стянул мокрую куртку и встряхнул ее, разбрызгивая капли.

— Нашли? — с надеждой спросил староста.

— Уже второй день прошел, как Салин с женой вернуться должны были... — Гур помолчал, поджав губы, после чего попросил:

— Давай, что ли, в дом зайдем, надоело тут стоять, в темноте этой...

— Обожди, — покачал головой староста. — Ночью, все равно, никто никуда не пойдет, — по голосу Тара легко было понять, что решение дается ему нелегко.

Старик никогда не умел лгать и скрывать свои чувства. Все, о чем он думал, мгновенно отражалось на его морщинистом лице.

— Давайте сначала лошадок распряжем, устали они. А потом уж и ты все расскажешь, ночь длинная, а уснуть я сегодня едва ли смогу.

— Добро, — согласился Гур. — Вы тогда делайте дела, а я пока очаг в доме разожгу, остыл он без людей-то. — С этими словами мужчина скрылся в доме старосты, чья дверь едва слышно скрипнула, словно приветствуя гостя.

* * *

С лошадьми разобрались быстро. С помощью дрожащего, то ли от страха, то ли от холода Ульна охотники споро распрягли животных и, пока пилигрим и Тар вытирали взмыленные тела, Тенро принес лошадям свежей воды и еды.

Покончив с делами, мужчины покинули приземистый хлев и поднялись на высокое крыльцо дома старосты. Пропустив старших спутников вперед, Тенро потрепал по загривку неотступно следующего за ним волка.

Ар слабо вильнул хвостом и растянулся в углу под навесом, где специально для него была постелена теплая шкура. Тар не пускал волка в дом и тот, кажется, ни имел ничего против, прекрасно расположившись и за стенами человеческого жилища. Обычно он забирался под крыльцо, но сейчас было довольно тепло, так что зверь просто свернулся на шкуре, подложив лапы под голову.

— Отдыхай, — напоследок погладив питомца, Тенро положил перед ним еду, которую они так и не съели в дороге, вылив воду из своей фляги в глиняную миску.

Волк благодарно ткнулся влажным носом в ладонь человека и с аппетитом принялся за еду. Охотник невольно позавидовал зверю — вот уж кого действительно не слишком заботит прошлое и будущее — набил брюхо в сразу все хорошо.

Когда Тенро вошел в дом, сбросив намокшую верхнюю одежду то поежился — остывшее, долгое время простоявшее без людей помещение, пропиталось холодом. Подобравшись к разгорающемуся очагу, охотник набросил на широкие плечи выделанную шкуру.

— Все собрались? — как всегда недовольно буркнул Гур, который, сколько Тенро его знал, никогда не прибывал в добром расположении духа. Он всегда был чем-то или кем-то недоволен и никогда этого не скрывал.

— Говори, — Тар обвел присутствующих взглядом.

— Да что тут говорить-то... — рассказчик из лесоруба был неважный.

Он сам это хорошо понимал, отчего говорить и не любил. Запустив пятерню в косматую бороду, мужчина задумчиво почесал подбородок.

— Как вы уехали, все своим чередом шло. Ничего не происходило, разве что Кирана, сына Линны и Вира, привезли со службы, будь она неладна. Отец в свое время с войны не вернулся и сын едва до дома добрался.

— Так Киран лет на шесть позже моего сына служить пошел, чего так быстро вернулся?

— Дык без ног-то, сильно не повоюешь, — скорбно произнес Гур и замолчал.

Тенро лишь тяжело вздохнул, услышав подобную новость. Когда он сам уходил из дома, для того, чтобы стать воином королевства, Кирану исполнилось двенадцать зим. Охотник помнил его веснушчатым рыжим пареньком, который любил улыбаться и озорничать.

Мать Кирана, Линна, растила сына одна и слишком его баловала, Тенро даже представить не мог, как женщина, потерявшая на войне мужа, пережила весть о том, что и ее сыну надлежит оставить отчий дом.

— Давно его привезли? — нарушил молчание Тар.

— Давненько, — задумавшись, ответил лесоруб. — Вы уехали, да через пяток деньков и привезли его. Мила плакала, да и Линна, бедняжка, даже не знаю, каково ей сейчас...

— Для матери чадо, что здоровое, что больное — все едино, главное, что живым вернулся, не сгинул, как отец, — староста придвинулся ближе к очагу и сокрушенно покачал головой:

— Война, дурное занятие, никого она не щадит. Даже кто целым возвращается, все равно приносит с собой ее шрамы. — Он невольно взглянул на сына и уголки его рта опустились.

— Так я вот о чем толкую, — пришел черед Гура не дать тишине разлететься по залу. — Еще недельку все спокойно было. Жили — поживали, ждали, когда охотники наши вернуться с добычей, да все не было их. День после срока, два, три, пять, а их все нет. На шестой день, как ты и велел, Салин с Ларой по следу отправились, да вот и они уже должны вернуться были.

— Скверно, — нахмурился Тар. — А куда охотиться-то пошли?

— А я почему знаю, — пожал широкими плечами Гур, — куда вы, охотники, за дичью бродите? Вроде к кряжу пошли, а дальше — не ведаю. Да ведь и не это странно-то, — мужчина вдруг понизил голос, почти перейдя на шепот, так что присутствующим пришлось податься вперед, чтобы разобрать слова лесоруба.

— Не томи, — скривился староста. — Чего странного-то еще?

— Пастушок наш, Лирошка! Недалече, когда коз пас, потопал на поляну ту, на юге которая, где мы раньше лес валили. Ну, как у него это водится, отпустил скотину, да и дрыхнуть завалился, места-то вокруг деревни спокойные. Проснулся, говорит, от того что замерз очень, хотя и день был, да солнце светило. Вижу, говорит, козы к нему скачут, блеют, будто испугались чего-то, да и сам Лирошка струхнул не на шутку. Словно сердце его, говорит, кто-то когтями сдавил.

После этих слов, Тенро сжал кулаки — это чувство было знакомо бывшему разведчику, поэтому он сказал, не дожидаясь, когда Гур произнесет эти слова:

— Он видел туман?

— А ты почему знаешь?! — удивился лесоруб, расширив карие глаза. Задумчивый охотник не ответил, поэтому Гур, тряхнув косматой головой, продолжил сам:

— В общем, как пастушок потом рассказал, он собирался уже в деревню бежать, а глядь,

одной козы-то и нету. Ну, он, не робкий парнишка-то, пусть и напугался, но искать ее пошел. Углубился в лес и услышал, как блеет животное-то. Побрел на звук, да и сам не заметил, как далеко от поляны ушел. — Гур перевел дух, шумно вдохнув. — Глядит потом — туман по земле пополз, белый такой и густой. Он когда ног коснулся, то, Лирошка говорит, что даже сквозь сапоги холод почувствовал. Но назад не свернул, как же, говорит, я без козы вернусь-то, меня ж дядька Гур заругает, да уши докрасна надерет. Вот, значит, пошел он дальше и вдруг коза эта, что потерялась, совсем рядом заблеяла. Пастушок к ней... выглядывает из-за дерева, а там черный медведь, как раз жрать животинку принялся...

— Что? — Тар даже привстал от удивления. — Черный? Дык мы ж их год, как извели всех! Последнюю самку только долго выслеживали, да и ее Тенро три месяца, как загнал, да застрелил у меня на глазах!

Тенро кивнул, подтверждая слова отца. Он отлично помнил, как опустошил едва ли не пол колчана, пока не свалил, наконец, огромную черную медведицу, задрвшую перед этим насмерть трех охотников из деревни.

— Да не в медведе дело-то, точнее и в нем, но и не в нем, — махнул рукой, больше похожей на звериную лапу, Гур. — Лирошка говорит, что за медведем тем туман, будто стеной поднялся и оттуда кто-то вышел, тени какие-то! Вот тут-то он и струхнул окончательно, прочь побежал, а тени за ним. Парнишка ноги в кровь сбил, руки расцарапал, да лицо ветками рассек, насилу вырвался, пока его преследователи коз рвали. Сердце чуть из груди не вываливалось, когда он прибежал, так и молотилось...

— А не врет? — с сомнением спросил Тар, недоверчиво прищурившись. Он знал, что пронырливый мальчишка скорее выдумает какую-нибудь небылицу, чем признается в том, что проспал и потерял пару другую вверенных ему коз.

— Я, поначалу, подумал, что брехня это. Но теперь, даже не знаю. Может и не врет, — покачал головой Гур, и его заросшая волосами рука стиснула древко топора, который лесоруб всюду таскал с собой. — Я сам ходил туда. Тварей мы не нашли, а вот коз задранных — видали. На клочки просто разорвали их, но, как показалось мне, мяса не тронули. Ну, мужики сразу заладили, дескать, не звери это, а твари из Застывшего леса до нас добрались! Видать отыскиали лазейку в кряже, да пришли! Но в голове-то не укладывается такое. Сказки всякие...

— Альтос милосердный, — пробормотал потрясенный Ульн, на которого рассказ лесоруба произвел неизгладимое впечатление. Пилигрим придвинулся вплотную к очагу, поджав под себя ноги и уперевшись спиной в стену.

— Так вы, поэтому караульных больше нужды выставили?

— Не только поэтому Тар, — так же тихо произнес лесоруб. — Я недавно на вырубке ходил, своих предупредить. На полдороги работников встретил. Сигда и Дигор не разбирая тропы бежали, глаза у обоих больше чем королевские монеты. Насилу их успокоил. Дигору даже врезать пришлось, чтобы не брыкался. Сигда, вообще... испугалась баба, постоянно бормотала чего-то, а Дигор, как встал, только и делал, что кивал ей, да мне кричал, чтобы убежал, за собой тянул в деревню. Не бросать же их, я и привел сюда.

Гур вздохнул, словно заново переживая описываемый случай.

— Дигор в себя пришел быстро, рассказал все. Они под утро все вышли из домика вместе с Гриком и Рутон, он за старшего после меня был. Собрались уже работать, как вдруг видят, по самой кромке вырубок туман стелется. Пригляделись, а из-за дерева Слар выглядывает. Они, поначалу, обрадовались, нашелся охотник-то. Позвали, а тот стоит. Грик

подумал, мало ли что, может раненый или обессилел Слар-то, поспешил к нему...

Гур осекся и в его глаза отразился страх. Устыдившись своих чувств, лесоруб несколько раз моргнул и встряхнул косматой головой, словно медведь.

— Дигор говорит, что Грик, на полпути, замер, а Слар в один прыжок к нему подлетел, повалил на землю да в горло впился. Рут бросился на выручку, да только поздно уже было. Дигор как увидел, что туман как-то быстро к ним заскользил, схватил Сигду, и они бегом побежали. Рут хотел повозку взять, да, видно, не взял. Только этих двоих я встретил.

— А до вырубки-то, не дошел?

— Я, чай, из ума-то пока не выжил, Тар, — Гур посмотрел на старосту, как на обезумевшего и выразительно похлопал себя по косматой голове. — Я пока их вразумить-то на дороге пытался, сам этот туман увидел. Хотел проверить, да они оба вцепились в меня, что твоя псина, да не пускали. Потом здесь всем ужасы всякие разболтали и с тех пор мы из деревни ни ногой. Сплетни сплетням, но мало ли...

— И сколько сидите? — угрюмо спросил Тар.

— Вторую ночь, — лесоруб покосился на мутное окно, за которым размытыми пятнами горели факела на вышке у ворот. — Вчера днем Хиграна отправили по тракту, к первой пограничной крепости за подмогой.

— Правильно, — Тар кивнул, одобряя поступок Гура. В отсутствие старосты, лесоруб заменял его в вопросах деревни. — Солдаты тут быстрее разберутся, да, сынок... Тенро?..

Переведя взгляд на сына, Тар даже испугался.

— Не доехал Хигран, — помрачневший охотник, чей взгляд стал холодным и злым, скрипнул зубами. — Он ведь на своей Ночке поскакал?

— Ну да, — рассеяно кивнул Гур, пытаюсь скрыть удивление за недоверчивой гримасой. — Все-то ты знаешь, вот только откуда?

— Задрали его Ночку и его самого, — охотник резко встал, подойдя к окну и выглянув на улицу. — Я, поначалу, думал, что почудилось мне, в темноте да во вспышке молний. Но теперь, когда ты сказал, думаю, все так и случилось. Кобыла черная и мертвец. Прямо под старым деревом у перекрестка лежат.

— А я думал, что камни какие-то понатаскали, — Тар поджал потрескавшиеся губы. — Уверен, сынок?

— Да показалось ему, с перепугу-то, — фыркнул Гур. — Ночку ни одна тварь не догонит, уж я-то знаю. А чудища эти ваши, с тумана, не такие и страшные, я уверен! Небылицы детские, да сплетни бабские! Мы бы и сами могли их прогнать, да... эй!..

Топор выпал из крепкой руки лесоруба, когда подскочивший к нему Тенро ухватил мужчину за грудки и, невзирая на приличную разницу в весе, рывком поставил того на ноги.

— В чем ты уверен?! Что знаешь?!.. — угрожающе тихо прорычал охотник, глядя в испуганные глаза Гура. — Думаешь, всю жизнь в деревне провел, смерти в глаза не заглядывал и теперь все знаешь?!

— Эй, парень, ты чего? Не дури...

— Заткнись! — Тенро встряхнул лесоруба, да так, что у того позвонки едва не хрустнули. — Эти твари уничтожали целые отряды воинов, а ты хочешь с ними силой помериться? Топором своим зарубишь, как дерево?! Не мели ерунды, раз не понимаешь о чем речь! Если не знаешь о смерти, это не значит, что она за тобой не придет! — Оттолкнув от себя Гура, Тенро, снова прошел к окну, посмотрев на запертые ворота.

— Тар, сынок-то твой это... головой не ударился? — Подняв свой топор, лесоруб

обиженно посмотрел на старосту, но взгляд старика был прикован к молодому охотнику, и в нем читалась тревога.

— Сынок... — мягко начал Тар.

— Я в порядке, отец, — Тенро глубоко вдохнул, медленно выпустив воздух через ноздри. — Уходить надо из деревни. Как только рассветет — всем уходить и быстро.

— Ерунда! Мы все тут не дети, да и стены крепкие, тварям отпор дадим, коли сунутся! — Присевший было Гур снова вскочил на ноги, воинственно взмахнув топором. — Да мы все родились тут...

— И подохнуть тут хочешь? — оскалился Тенро.

— Тихо! — Властным голосом гаркнул Тар. — Уймитесь, оба! — Это подействовало и мужчины умили свой пыл. Хмуро поглядев на сына и Гура, староста произнес:

— Завтра поутру соберем совет, на нем и решим — уходить или остаться. Все. Я сказал!

— Завтра, так завтра, — насупившись, словно старый филин, Гур хмуро глянул на сына старосты и поспешно вышел из дома, задержавшись в дверях.

Помедлив, он произнес:

— Собаки у нас пропали. Две вместе с охотниками, пес Салина с хозяином сгинул, и еще две оставшиеся псины вчера с цепей сорвались, да за ворота ушли. Не вернулись.

Хлопнув дверью, Гур вышел и снаружи сразу же донесся приглушенный рык — Ар не любил, когда кто-то вел себя грубо по отношению к его хозяину и дал лесорубу это понять. Рык заглушила ругань, после чего торопливые шаги, отчетливо хлюпающие по лужам — Гур ушел.

— Дела-а-а, — протянул староста. — А ты куда, сынок? — уставший Тар посмотрел на охотника, так же, направившегося к двери.

— Осмотрюсь, стены проверю, — Тенро набросил на плечи мокрый плащ. — Непокойно мне.

— Ладно, — поняв, что сына не переубедить, староста тяжело вздохнул. — Только ты выпись, неизвестно, что завтрашний день принесет.

— Ничего хорошего, я уверен, — с этими словами, Тенро прикрыл за собою дверь, услышав на прощание слова Ульна:

— Да сохранит нас всех Альтос.

* * *

Стоило Тенро спуститься с крыльца, как за ним сразу же увязался Ар. Вывалив розовый язык, сытый волк затрусил рядом с хозяином, то и дело касаясь мордой ладонь человека.

Запоздало заметив это, Тенро потрепал питомца по холке. Мех зверя быстро намокал под усилившимся дождем и Тенро, смахнув с руки влагу, накиннул на голову капюшон.

В первую очередь охотник направился к воротам. Гура здесь уже не было. Оглянувшись, Тенро заметил массивную фигуру лесоруба, ковлявшую к своему дому.

— Он с середины дня караулил, — приблизившийся к Тенро мужчина шмыгнул покрасневшим носом и в лицо охотнику ударил запах браги.

— Нашел время пить, Пагрид, — недовольно поморщился охотник, отступая на шаг и оглядывая слегка пошатывающегося караульного.

— Ну так это... холодно, да и дождь пошел, мы ж немного, — слегка заплетающимся

языком начал оправдываться второй мужчина, старший брат Пагрида — Варощ, подошедший откуда-то со дворов, видимо на смену брату.

На слова мужчины Тенро лишь махнул рукой — от Пагрида и Вароща всегда было мало толку, если дело не касалось сна или выпивки.

— Все тихо тут? — спросил сын старосты, поднимаясь на сторожевую вышку, где пританцовывая от холода, стоял молодой парень, по имени Атар.

Юноше едва исполнилось пятнадцать зим. Если в этом году не приедет вербовщик, то в следующем парень должен будет тянуть жребий, определяющий, кто из деревни отправиться в армию.

В глубине души Тенро жалел его — Атар был весьма толковым и старательным юношей, добрым и открытым. Если ему не повезет и Атар отправится на границу с Застывшим лесом, то может не вернуться оттуда, навсегда оставшись под саваном непроглядного тумана.

— Тишина, — зорко вглядываясь во мрак, вздрагивающий на границе освещенной земли, произнес молодой человек. Его голос звучал звонко и ясно в гнетущей тишине. — Видел, как вы гнали. Измененные привязались?

— Да, — скупо кивнул охотник. Взяв из рук караульного лук, он недовольно осмотрел оружие и вернул владельцу:

— Снова тетиву не снимал, да в сырости держал? — говоря с караульным, Тенро вглядывался в ночной сумрак, но, вопреки своим опасениям, не увидел тумана. Почувствовав легкое облегчение, охотник немного расслабился.

— Вечно ты ворчишь... — молодой парень поджал губы. — Да все дела были, матери помогал с огородом. А вот как все началось, я только тогда про оружие-то и вспомнил, вот...

— Лучше слушать мое ворчание и не перечить, следуя советам, чем умереть от того, что тебя подведет твой же лук, Атар. — Назидательно сказал Тенро. — Снова за Ликой подглядывал, да обо всем на свете забыл? Будь внимателен, — не дожидаясь ответа, охотник спустился на землю и пошел вдоль частокола, про себя договорив:

«Будь внимателен, а то не увидите вы больше ни с Ликой, ни с матерью».

Охотник и волк бесшумно скользили в освещенной неровным светом факелов ночи. Они иногда замирали, прислушиваясь к неестественной ночной тиши, но потом продолжали свой обход — все вокруг было спокойно.

Однако охотника не покидало усиливающиеся ощущение тревоги. Он обошел деревню три раза, прежде чем хоть как-то успокоился.

Когда далекие звезды начали по одной угасать, и темное небо стало немного светлее, охотник вернулся домой. Он выспался в дороге, так что решил, что времени до рассвета ему вполне должно хватить для отдыха.

Оказавшись дома, Тенро лишь разулся, сбросил мокрый плащ, да позаботился об оружии, после чего улегся на расстеленную прямо на полу шкуру. Тенро не стал снимать одежды, понимая, что может проснуться от звуков битвы и тогда у него не будет времени на сборы.

Слушая стук дождя по деревянному подоконнику, охотник уснул.

Мужчину разбудили голоса. Быстро вскочив, Тенро схватился за лук, но, прислушавшись, понял, что ничего не произошло, по крайней мере, пока. Выглянув в окно, он увидел, как влага на стекле блестит под ранними солнечными лучами, и все пережитое вчера показалось сейчас неприятным сном.

Но, к сожалению, это было не так.

Собравшись и спустившись вниз, Тенро оказался в зале для сборов, где сейчас стало довольно тесно и попросту не протолкнуться. Разумеется, дом старосты с трудом смог вместить всех желающих, поэтому отец Тенро сейчас чуть ли не силком выталкивал соседей за дверь, в очередной раз, повторяя им:

— Давайте все на улицу! Говорить буду там! — на этот раз слова прозвучали довольно резко и грубо, выдавая серьезный настрой Тара, так что его, пусть и неохотно, но послушали.

— Быстрее шевелитесь! — Гур возвышался в дверях, призывно махая рукой и торопя столпившихся в проходе жителей Зеленых полян.

Народ выходил медленно, поначалу пропуская стариков, подолгу копошившихся на пороге. Собравшиеся терпеливо ожидали, пока дед Микран, самый старший житель деревни, наконец, справится со своими сапогами. Склочный старик не позволял помогать себе, не скупясь на крепкие слова и безрезультатно пытаясь всунуть дрожащую ногу в растоптанную обувь.

Не выдержавший Гур, едва не оторвав своему отцу ногу, впихнул ее в сапог, за что удостоился витиеватого ругательства и удара по спине скрюченной, как и сам его родственник, клюкой.

— Ишь, вырастил дуболома на свою голову! — Сокрушался Микран, ковыляя к выходу. — Силы есть — ума-то не надо. Где уважение к старшим-то потерял, недоумок? Я насколько тебя старше?!

— Давай шевелись, — беззлобно пробасил Гур. — Уважать его, ха! Ты в молодости-то олухом был, да с годами им же и остался, только состарился да одряхлел. Дурака и старость мудрецом не делает!

— У! Неблагодарный!.. — Микран погрозил сыну клюкой, но, все-таки, едва не споткнувшись о высокий порог, вышел на улицу.

Старик продолжал ворчать и ругаться на всех и вся, буйно выражая свое недовольство и стуча клюкой то по крыльцу, то по перилам, то по кому-то из жителей деревни, о чем свидетельствовал глухой звук удара, сопровождаемый гневным криком и бранью.

— Интересные у вас тут люди, — Ульн старался держаться бодро, хотя мешки под его глазами и усталый вид выдавали чувства пилигрима. Жрец, наверняка, не спал всю ночь, терзаемый страхом и волнением.

— Не без этого, — согласно кивнул Тенро, провожая взглядом покидающий зал люд.

Он смотрел на жителей Зеленых полян и с каждым мгновением понимал, что, скорее всего, все они решат остаться здесь. Те, кто родился и вырос в глубинке, всегда славилась своим упрямством и Тенро понимал, что никак не сможет повлиять на их решение.

— Заходила Линна, добрая и приятная женщина, принесла еды, вот, — пилигрим указал Тенро на стоящий в углу грубо вытесанный накрытый стол. — Перекуси.

Охотник не видел причин отказываться, так что взял со стола краюху еще теплого хлеба да крынку свежего молока, пахнувшего травой. Придвинув к себе накрытую полотенцем миску густой похлебки, охотник втянул носом приятный запах.

После вяленого мяса, незатейливая домашняя еда показалась Тенро поразительно

вкусной.

— Она говорила, что ее дочери нездоровиться. Думаю, Мила обрадовалась бы, если бы ты зашел в гости. Сейчас она слаба, но обязательно поправится. Ее мать говорит, что девушка очень ждала твоего возвращения.

— Зайду к ней, как вернусь, — пообещал Тенро, запивая хлеб теплым молоком. Навестить Милу, и правда, следовало.

Да и подарок нужно отдать, — мужчина представил, как обрадуется девушка. Пусть он купил всего лишь безделушку, но Мила точно будет счастлива. Мысль о ее улыбке, обдала сердце охотника неожиданной теплотой, быстро растворившейся в сомнениях. Не даст ли он девушке ложную надежду?

— Еще Линна просила меня сходить к ее сыну, Кирану, — медленно произнес Ульн, отвлекая Тенро от собственных мыслей.

Глядя в стену перед собой, пилигрим принялся размышлять вслух:

— Она говорит, что парня мучают боль и кошмары, а он не хочет никого видеть. Мальчик озлобился, видимо считает себя увечным, обузой для всех. Бедная страдающая мать надеется, что я смогу хоть как-то помочь ее ребенку, может со мной он поговорит...

— А вы сомневаетесь, что сможете помочь? — от взгляда охотника не укрылась нерешительность собеседника и его сомнения. Отчасти Тенро понимал чувства жреца, так же как и то, что довелось пережить Кирану.

— Если кошмары бедного мальчика сравнимы с теми, что мучают тебя то, боюсь, что я никак не смогу помочь ему, — Ульн говорил и искренним сожалением. — Но, я считаю, что мой долг — навестить его. Задано посмотрю, что с Милой. Я кое-что смыслю в деле лекаря.

— Это правильно, — согласился Тенро, быстро покончив с едой. — Передайте Миле, что я приду к ней сразу, как только покончу с делами.

Поднявшись из-за стола, Тенро поначалу хотел прихватить что-то и для Ара, но сообразил, что добрая по своей натуре Линна, не позабыла бы и про волка. Мохнатый проныра, быстро завоевал расположение жителей деревни и всегда получал от них что-то вкусное.

Когда Тенро собрался покинуть дом, его снова окликнул Ульн:

— Они ведь не уйдут, не оставят свои дома?

— Думаю — нет, — честно, с толикой грусти и раздражения ответил охотник.

Когда Тенро вышел на улицу, то сразу же поежился от утренней прохлады и свежести, что легкий ветер доносил с высоких гор Королевского кряжа. Он сразу же увидел отца, взобравшегося на сторожевую вышку, перед которой столпились едва ли не все жители Зеленых полян — почти семь десятков человек. Все они, задрав головы, внимательно слушали старейшину, который уже заканчивал свою, по обыкновению простую и короткую речь:

— Такие дела, — Тар оглядел всех собравшихся, задержав взгляд на стоящем позади земляков сыне. — Беда пришла к нам с туманом и может статься, что это измененные пожаловали. Про них вы и сами знаете, а кто нет, так можете спросить у моего сына или у Кирана. Они сами этих тварей видели и сражались с ними.

— Да коли они смогли, то и мы управимся! — гаркнул высокий и крепкий мужчина в кожаном фартуке и закопченным сажей лицом. Тугр был деревенским кузнецом и, в свое время, отслужил в армии положенный срок, благополучно вернувшись домой.

Собравшиеся жители деревни поддержали кузнеца согласным гулом, кто-то даже

воинственно потряс кулаком, заявив, что он, мол, никому не позволит в своей деревне бесчинства творить. Потом все, как это водится, загомонили разом и Тенро горько усмехнулся — все выходило именно так, как он и ожидал.

— Стало быть, — подняв руку, Тар призвал собравшихся к тишине. — Кто за то, чтобы остаться, поднимите руку, — едва договорив, староста вздохнул, глядя, как почти все без исключения подняли руки к рассветному небу. Даже сбежавшие с вырубок Сигда и Дигор не желали покидать родные дома.

Общее решение и так было понятно, но Тар все же спросил:

— Есть те, кто против?

— Есть! — Тенро сложил руки на широкой груди, с осуждением глядя на соседей.

— Ты чего это?! — удивленно посмотрел на охотника высокий и мощный Тугр. — Испугался что ли?

— Да, — честно признался Тенро, проходя между собравшимися и поднимаясь к отцу на вышку. — Мне довелось воевать с измененными, и я скажу вам — то, что произошло в Зеленых полянах — только начало. Эти твари...

— Да будет тебе, парень, — прервал охотника Гур. — Не страшай нас. Отобьемся, верно говорю?!

Снова толпа согласно загудела, выражая свое согласие с лесорубом.

— Сынок... — тихо произнес Тар, с грустью заглянув в зеленые глаза Тенро. — Я верю тебе, но, может, все обойдется?

— Может, — не стал спорить охотник, по морщинистому лицу старика понимая, что и тот, в глубине души, не желает оставлять дом, где прожил всю жизнь с женщиной, которую любил всем сердцем и по сей день.

«Может, они и правы — все это мои личные страхи», — подумал Тенро.

— Что делать-то будем, Тар? — ворчливо спросил Микран, поворачивая голову боком, чтобы слуховая труба, узкий конец которой он приставил к уху, была направлена в сторону старосты.

— Перво-наперво — стены усилим, — недолго думая, решил Тар. — Заодно вырубим деревца у частокола, расширим место до леса, чтобы больше открыто было, да столбы с факелами вкопаем. Дозоры на вышках оставим. Коли понадобится — костры жечь начнем, чего еще-то? — он посмотрел на сына, ища поддержки или совета.

— Нужно окрестные леса проверить, — слова Тенро заставили собравшуюся толпу обеспокоенно загудеть, словно потревоженный пчелиный улей.

— Дык нету у нас лишних людей, чтобы на смерть посылать, итак уже Салин и Лара сгнули... — похоже участь охотников, отправившихся на поиски товарищей, казалась Гуру уже предрешенной.

В этот раз Тенро был согласен с лесорубом, который, уперев руки в широкие бока, продолжил:

— Так что думается мне, что ни к чему людьми рисковать-то. Коли твари в лесах, так они и так сами к нам придут или уберутся куда...

— Знаешь, с какой стороны они придут или же куда денутся? Или, возможно, назовешь их число, или какие они?! — несмотря на резкий тон, охотник не желал высмеять нахмурившегося соседа. Наоборот, он хотел чтобы все собравшиеся поняли, что все сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Нам нужно знать, когда они придут, откуда и сколько их будет.

— Так-то ты прав... — нехотя согласился Гур и отец Тенро вынужден был, так же, кивнуть. — Но кто пойдет?

— Я. — Сразу же твердо сказал Тенро.

— Сынок, мы...

— Нет, отец. — Жестко отрезал молодой человек. — В деревне есть хорошие охотники, но никто из них не представляет, с чем придется столкнуться. Измененные это не люди и не звери, они гораздо хуже.

— Тогда соберем отряд, и ты поведешь его. — Предложил Тар.

— Сейчас все нужны здесь. Работы много, а я пойду один, отец. — Тенро был непреклонен. — Выйду сейчас, к закату вернусь, а вы все — готовьтесь, да держите ухо востро. Если дозорные или кто-то еще заметит туман — сразу бегите за частокол и запирайте ворота.

С этими словами Тенро начал спускаться по лестнице, но Тар придержал его.

Староста Зеленых полян не сказал ничего, просто с какой-то тоской посмотрел в глаза сыну, словно извинялся за что-то.

— Не переживай, отец, — успокоил старика Тенро. — Я вернулся с войны, а из родных лесов и подавно выйду.

— Осторожнее там, — напоследок попросил сына Тар. — Если что заметишь — не рискуй, сразу возвращайся.

— Конечно, — и глазом не моргнув, солгал Тенро. Охотник понимал, что туман и измененные опасны, но просто увидеть их — мало, нужно понять, откуда они пришли и зачем.

Ни слова больше не говоря, Тенро спустился вниз и непривычно угрюмые Пагрид и Варош открыли перед ним ворота.

— Это... — старший из братьев замялся, шмыгнув покрасневшим носом. — Удачи тебе.

— Да, удачи. Возвращайся, — Пагрид старался не смотреть охотнику в глаза, но Тенро и не искал его взгляда.

Спиной ощущая, как на него смотрят остальные жители деревни, охотник проверил, легко ли выходят из ножен клинки, кончиками пальцев коснулся оперения торчащих в заплочном колчане стрел и, поправив плащ, выскользнул за ворота.

Его проводили траурным молчанием и зловещей тишиной. Единственными звуками был скрип закрывающихся ворот, да легкая поступь Ара, через несколько ударов сердца привычно ткнувшегося носом в руку хозяина.

— Пойдем, поглядим, что творится в наших лесах, — погладив зверя, Тенро легко побежал вперед, стремясь быстро преодолеть относительно безопасный и открытый участок между частоколом и замершим в зловещем ожидании лесом.

* * *

Когда частокол остался позади, охотник стал чувствовать себя спокойнее. Сейчас, когда он скрылся в лесу, то ощущал себя в большей безопасности, чем на открытом участке перед воротами. Там он был превосходной добычей, хорошо заметной и предсказуемой.

Теперь же, находясь в своей стихии, Тенро из добычи превращался в охотника. Всю свою жизнь он провел в лесах и научился понимать их, чувствовать дыхание ветра и трепет

листвы, различая каждый шорох, который мог сказать ему о многом.

«Черные стрелы» — главный козырь королевства Арстерд, в минувшей войне против Наэры, ориентировались в лесах не хуже родившихся под их сенью представителей лесного народа, не раз доказывая это во множестве удачных вылазок в стан бывшего врага.

Сейчас, когда он оказался в лесу не ради охоты на дичь или прогулки, Тенро будто окунулся в омут прошлого. Как и раньше, он ощущал поблизости присутствие чего-то чуждого людям, чего-то смертельно опасного.

Где-то из глубины души Тенро начало высвобождаться тщательно скрываемое взаперти чувство — чувство охотничьего азарта. Но, если другие охотники на дичь испытывали удовольствие от выслеживания зверя, то для Тенро этого было мало. Разведчик «черных стрел», он привык охотиться на тех, кто гораздо опаснее диких хищников и сейчас, когда вновь осознал это, сердце Тенро забилось быстрее, а губ коснулась странная улыбка.

— От судьбы не уйдешь, — едва слышно прошептал охотник, подставляя лицо прохладному ветру и слушая, как шелестит побеспокоенная им листва.

Тенро, подобно беспокойному лесному призраку, неясным силуэтом скользил среди деревьев, ни одним своим движением не беспокоя свисавшие почти до самой земли ветви или густую траву.

Почти не глядя под ноги, он легко перешагивал сухие ветки, в изобилии разбросанные повсюду иногда лютующими в это время года ветрами. Скоро закончится теплая пора и лес потеряет свою зеленую одежду, сменив ее на золотой наряд, но и он окажется бессилён перед неудержимым течением времени, облетев с ветвей и обратившись серым ковром.

Усиливающийся ветер все чаще начнет приносить низкие дождливые облака и лес наполнится приятным запахом свежести. Так будет продолжаться до тех пор, пока дождь не сменится снегом. Он глубокими сугробами устелет все вокруг, заключив Зеленые поляны в свои уютные, пусть и немного колючие, объятия.

Слева что-то промелькнуло и Тенро, миготом отбросив размышления, замер. Донесшееся до его слуха хлопанье крыльев немного успокоило охотника, а затем он увидел и саму нарушительницу спокойствия — мелкая птичка цвета дубовой коры с ярким красным пятном на груди и такими же полосками на крыльях.

Самец дубовой красноперки отправился на охоту, чтобы добыть еды для своих птенцов и самки, оставшейся сторожить новорожденное потомство.

Охотник убрал стрелу в колчан. Это было хорошим знаком — пусть лес и молчалив больше обычного, но, все же, не все обитатели покинули его. Это давало Тенро надежду, что не все так плохо, как он решил. Если живность не бежит прочь, значит и беда не так близко.

Но все это как-то не вязалось с тем, что рассказывали деревенские жители. Продолжая продвигаться вперед, Тенро вспомнил гробовое безмолвие Заставшего леса, в котором ему довелось побывать далеко не один раз. Несколько десятков вылазок совершили в мертвый лес «Черные стрелы», каждый раз возвращаясь все меньшим и меньшим числом, оставляя в непроглядном тумане павших товарищей и, как казалось Тенро, частичку самих себя.

В сравнении с Лесом духов, лес вокруг Зеленых полян казался совсем не страшным и даже не зловещим. Но так могло показаться лишь обычному человеку, выросшему в городе.

Исходивший эти места вдоль и поперек, Тенро кожей ощущал разлившееся вокруг напряжение. Резко остановившись, охотник достал стрелу, лишь недавно покинувшую тетиву его лука. Обычно, когда самец красноперки улетал на охоту, его самка начинала петь тихую, похожую на соловьиную трель песню.

Многие считали, что так она подсказывает кормильцу дорогу домой или же успокаивает взволнованное отсутствием одного из родителей потомство. Но сейчас красноперка не пела.

Прислушавшись, Тенро не услышал ни одного звука, а ведь самец, недавно взлетевший с земли, никогда не охотится далеко от гнезда.

Ар, все это время следовавший за хозяином и никак не обозначавший своего присутствия, тихонько зарычал и легко коснулся влажным носом ноги охотника, словно призывая его вернуться назад.

Взглянув в немного раскосые волчьи глаза, Тенро покачал головой, и его питомец понял все без слов. Вильнув хвостом, Ар затрусил следом за ускорившим шаг хозяином.

Через несколько десятков шагов, охотник обнаружил маленький смазанный след в одной из неглубоких канав. Кто-то по неосторожности скатился вниз, задев пару обломанных теперь веток и, быстро встав на ноги, поспешил в сторону деревни. Кивнув своим мыслям, Тенро побрел по следу, уже зная, откуда тот берет свое начало.

Добравшись до опушки, охотник взглянул на окруженный со всех сторон ветвями клочок неба. Пробегающие наверху облака двигались быстрее, чем когда он покинул деревню, да и цвет свой сменили с белых, словно снега на Королевском кряже, на грязно-серый.

Туч стало много больше и между ними лишь изредка показывалось недосягаемое солнце. Светило поднялось довольно высоко — скоро полдень.

Пройдя по округлой полянке, Тенро отметил, что редкая трава здесь все еще примята копытами — это место несколько недель служило пастбищем, где деревенский пастух пас вверенный ему скот. Обойдя поляну, Тенро уверился в своих размышлениях — как и рассказывал Гур, со слов мальчишки, тот повел скотину ближе к горам, на новое место со свежей травой, в близости от ручья и старых вырубок.

Забрав правее, охотник углубился в обступивший опушку лес, сразу же уловив неприятный запах разложения. Как Тенро и рассчитывал, спустя некоторое время, он вышел на то место, где нашел свое пристанище скот, что пас Лирошка.

Разорванные туши валялись повсюду, даже свисали с ветвей, заполняя все вокруг жуткой вонью. Стволы деревьев, ставших немymi свидетелями жестокой расправы, все еще хранили на своей коре следы крови, не полностью смытой дождями.

Несколько мгновений Тенро стоял неподвижно, жадно ловя каждый звук, но их оказалось не так уж и много — протяжный стон скрипящих на ветру деревьев да шелест листьев. Где-то неподалеку, по левую руку журчал ручей.

Осторожно ступая между смердящих кусков плоти, охотник отметил, что лесные звери даже и не подумали подойти сюда, на дармовое угощение. Побрезговали мясом и сбежавшие из деревни псы. А ведь кроме них, в этих лесах промышляла не одна стая волков, никогда не гнушавшихся падали.

Обычно хищники не забредали сюда, стараясь держаться подальше от деревни, но не могли бы пройти мимо подобного пира. Голод для волков всегда стоял на первом месте. Но здесь не было даже следов стаи.

Искоса взглянув на Ара, мужчина отметил, что хищник чувствует себя неудобно, постоянно озираясь. Тщательно осмотрев все вокруг, Тенро нашел почти неразличимые следы небольших ног, скорее всего здесь пробежал Лирошка.

Кроме детских отпечатков, охотник различил следы когтей на одном из стволов. Глубокие борозды очень не понравились мужчине — черных медведей истребили жители

Зеленых полян, но след, принадлежащий явно одному из этих хищников, был довольно свежим.

К тому же, среди растерзанных туш, Тенро отыскал и один единственный отпечаток сапога, принадлежащий взрослому человеку. Больше ничего найти не удалось — метавшийся в ужасе скот, да дожди перемешали здесь все и, даже если бы Тенро нюхал здешнюю вонь до заката, вряд ли бы нашел что-то стоящее.

Выпрямившись, охотник поспешил в ту сторону, с которой, как он думал, пришли те, кто напал на стадо и пастуха. Бежать пришлось довольно долго, и Тенро уже подумал, что выбрал неправильное направление, когда его внимание привлекли царапины на высохшей коре одного из обломанных когда-то давно деревьев.

Старый ствол повалил ветер, вырвав из земли со временем потерявшие былую хватку корни, сейчас уродливо торчащие во все стороны. Приблизившись к застывшему на земле стволу, Тенро провел по нему кончиками пальцев, ощущая каждую царапину, оставленную острыми когтями. Если у Тенро и оставались какие-то сомнения, то теперь они полностью отпали — в лесах появился черный медведь и хорошо, если один.

Ар предостерегающе зарычал, слегка пригнувшись и вздыбив густую шерсть на загривке. Следовало как можно быстрее вернуться в деревню и предупредить жителей, чтобы не выходили за частокол, но какое-то странное чувство беспокойства не давало Тенро покоя. Оно манило его вперед, в то же время, отталкивая назад.

Отгнав смятение, охотник сделал нерешительный шаг в сторону Королевского кряжа и вдруг услышал, как в тишине отчетливо хрустнула ветка. Виною этому послужил вовсе не сапог Тенро.

Ар еще не успел полностью оскалить длинные клыки, как его хозяин, натянув тугой лук «на разрыв», почти не целясь, выпустил стрелу прямо в показавшуюся вдалеке огромную черную морду.

Прошелестев в прохладном воздухе, стрела чиркнула по уху поднимающегося из своего логова медведя, и тот взревел так громко, что у Тенро заложило уши.

Встряхнув головой, охотник выстрелил еще раз, целясь в разинутую пасть огромной, в два человеческих роста твари.

В последний миг, черный медведь дернул косматой башкой с горящими на ней бусинками глаз, и стрела лишь скользнула по его толстой шкуре. Поднявшись на задние лапы и став еще больше, ужасный хищник взревел вновь, одним ударом когтистой лапы опрокинув молоденькое деревце и расщепив его ствол, с глухим треском сломавшийся пополам.

Еще две стрелы, одна за другой, сорвались с поющей тетивы и устремились к своей цели. Одна с влажным шлепком ударила черного медведя в мощную грудь, крепко засев в ней, другая же впиалась в толстенную, словно ствол дуба шею.

Пришедший в ярость хищник тяжело опустился на все четыре лапы, явственно сотрясая застонавшую под его весом землю. Он наклонил голову и с места резко рванулся на человека, хладнокровно продолжающего выпускать в него одну стрелу за другой.

Убегать от взбешенного зверя было бесполезно, так что Тенро оставалось лишь сражаться. Возможно, опытный охотник уже справился бы с обычным зверем, но решимость сына старосты заметно поколебал выступивший на верхушках холмов туман, сейчас неторопливо скользящий следом за медведем, чей вываленный язык оказался черным и склизким, а глаза с каждым мгновением горели злобой все сильнее и сильнее.

Когда человека и зверя разделяло два десятка шагов, Ар бросился вперед. Почти не замедляясь, волк цапнул медведя за переднюю лапу, проворно отскакивая в сторону и увлекая его за собой. Стоило черному гиганту отвлечься на казавшегося крошечным по сравнению с ним волка, как в его шею впились еще пара стрел.

— Ар, назад, — оперение стрелы защекотало Тенро щеку и резко чиркнуло по коже, когда он выпустил тетиву.

Лук гневно дернулся в руке охотника — еще одна стрела глубоко вошла в глаз медведя и тот, запорокинув голову, грозно взревел.

Увлеченный боем и не послушавшийся хозяина волк прыгнул вперед, впившись клыками в горло противнику, но вынужден был разжать челюсти, чтобы избежать страшного удара когтистой лапы.

Не достав надоедливого волка когтями, медведь попытался добраться до него клыками, но в его пасть вошла стрела Тенро, выстрелившего сразу, как только тело питомца прекратило загороживать ему обзор.

Прыгнув вперед, Ар ухватил противника прямо за окровавленную морду, изо всех сил дернув на себя и выводя из равновесия. Однако медведь оказался слишком тяжел, чтобы Ар смог сдвинуть его с места.

Косматая тварь мотнула головой, и матерый волк отлетел в сторону, словно слепой щенок. Зарычав на пытающегося подняться волка, черный медведь отвлекся и подоспевший Тенро отбросил лук и пустил в ход клинки.

Тускло сверкнув, наэрская сталь подобно росчерку молнии обрушилась на переднюю лапу твари, начисто отделив ее от содрогнувшегося тела. Ловко поднырнув под когтями зверя, охотник полоснул его по груди, сразу же отскочив в сторону и слыша, как прямо за его затылком с жутким лязгом сомкнулись челюсти медведя.

Резко развернувшись на пятках, Тенро атаковал вновь, стремясь поразить шею противника, но тот, несмотря на раны, оказался достаточно проворен. Извернувшись всем своим гигантским телом, черный медведь принял клинки охотника плечом.

Обрубок лапы, казалось, едва коснулся груди Тенро, как тот ощутил, будто из него разом выбили дух. Не устояв на ногах, мужчина пролетел добрых пять шагов, врезавшись спиной в хрустнувший от удара древесный ствол.

По крайней мере, Тенро искренне надеялся, что хрустнул именно ствол, а не его кости.

В глазах охотника потемнело, но он рывком заставил себя откатиться в сторону и, как выяснилось, как раз вовремя.

Что-то с неистовой силой ударило о землю в том месте, где только что лежал мужчина. Один меч Тенро выронил, так что, извернувшись, почти вслепую ударил клинком, что все еще сжимал в правой руке. Лезвие вошло в плоть и впилося в кость, намертво засев там. Черный медведь рванулся так, что охотник выпустил рукоять оружия.

Тенро, чувствуя, как боль раскаленной иглой пронзила его спину, сделал кувырок назад, вскочив на ноги в тот момент, когда вставший на задние лапы черный медведь как раз готовился раздавить его.

Серое пятно взмыло в воздух — рычащий Ар повис на загривке медведя и тот, пошатнувшись, снес когтями не голову Тенро, а стоявшее с ним рядом дерево. Запоздало упав на колени, охотник вцепился в рукоять меча, все еще торчавшего в лапе хищника и со всей силы рванул оружие на себя. Клинок поддался, и мужчина едва не потерял равновесие.

— Ар, назад! — рывкнул Тенро так, что вцепившийся в противника волк разжал зубы и

поспешно отпрыгнул от обезумевшего медведя.

Вскочив и всем телом подавшись вперед, охотник вонзил меч в горло снова вставшего на задние лапы медведя, под самой пастью. Расслабив ноги, Тенро всем своим весом навалился на рукоять, и меч послушно заскользил вниз, рассекая плоть.

В глаза охотнику брызнула ледяная и темная кровь твари. Невольно содрогнувшись от отвращения, он вновь пережив то, что переживал сотни раз за два года, что провел на войне против измененных.

Прошлое обожгло его леденящим душу холодом и Тенро, провернув в ране меч, вырвал оружие, погрузив клинок прямо в грудь чудовища.

Острые, легко прошло меж ребер медведя, пронзив его черное, небыющее и поработанное духами сердце. Занесенная для удара лапа твари бессильно упала на плечо человека, и тот проворно отскочил в сторону, чтобы не быть раздавленным огромной, рухнувшей к его ногам тушей.

Бессильно опустившись на землю, Тенро с отсутствующим видом наблюдал, как туман нехотя пополз обратно за холмы.

Мужчина рассеянно стер со лба выступивший пот, запоздало сообразив, что его руки и лицо все еще в черной крови сраженного монстра. Но времени приводить себя в порядок не было — сейчас туман по какой-то причине отступил, но мог вернуться в любой момент. Тенро знал это, потому что видел подобное много раз: туман отступает, почти растворяясь в воздухе, чтобы со стремительностью лесной гадюки сомкнуть свои ядовитые объятья вокруг тех, кто попал в его ловушку.

Тенро не спешил отправляться на тот свет или, того хуже, не горел желанием лишившись воли бродить в тумане, грезя лишь о свежей крови и плоти. Поэтому охотник, превозмогая боль в спине, встал и потрепал за ухом довольного собой Ара.

Поискав взглядом второй меч, мужчина обнаружил его в нескольких шагах от себя. Наспех отерев клинки о шерсть сраженного медведя, Тенро вернул их в заплечные ножны, после чего подобрал брошенный ранее лук и наспех вырезал из тела медведя несколько не обломанных тварью стрел. Больше медлить было нельзя, и охотник уже собрался уходить, как вдруг едва не наступил на отрубленную лапу медведя. Не долго думая, Тенро прихватил мрачный трофей с собой — будет, что показать недоверчивому Гуру, если тот снова вздумает продемонстрировать свой дурной характер.

Наскоро омывшись водой из фляги и еще раз оглядевшись, Тенро поспешил к деревне, делая небольшой крюк, чтобы запутать следы, на случай, если какая-нибудь тварь из тумана вздумает увязаться за ним.

Он бежал и бежал, изредка поглядывая на сереющее между ветвей небо и пытаясь определить, сколько он уже ходит по лесу. Капризная погода портилась и солнца не было видно, но чувство голода сказало охотнику, что уже далеко за полдень. Темнело в этих местах рано, так что следовало бы поторопиться домой, чтобы рассказать об увиденном, успеть хоть немного отдохнуть и выйти в ночной караул. Внутреннее чутье подсказывало Тенро, что сегодня непременно случится что-то еще и осознание этого не нравилось охотнику. Если твари спустились с кряжа, значит и до Зеленых полян доберутся довольно скоро. Скорее всего, ночью и скорее всего — сегодня.

Бегущий по правую руку от хозяина Ар вдруг остановился, направив острую, хищную морду куда-то направо. Уши зверя дернулись, словно уловили что-то не достигшее слуха человека, и волк насторожился еще больше.

— Что там? — припав рядом с питомцем на одно колено, спросил Тенро. Он знал, что Ар не обратил бы внимания на какую-то мелочь, но если волк остановился, значит, учуял что-то странное.

Ар продолжал стоять, как вкопанный, не шевелясь и почти не дыша, жадно ловя каждый звук. Как Тенро не напрягал свой острый слух, но так и не смог разобрать того, что слышал сейчас его питомец.

Спустя три удара сердца, Ар расслабился, виновато взглянув на хозяина, и вильнул хвостом.

— Показалось? — собственно говоря, перед охотником сейчас стоял простой выбор — продолжить двигаться к деревне или же узнать, что привлекло внимание волка.

Разумеется, самым разумным было бы вернуться в Зеленые поляны, благо до них оставалось не так далеко. Но именно это и заставляло Тенро задуматься — что-то странное было совсем близко к его дому и если он сейчас оставит это за спиной, потом может пожалеть.

Отбросив раздумья, охотник кончиками пальцев коснулся головы волка и шепнул ему: — Веди.

Ар с готовностью потрусил вперед, то и дело, останавливаясь и, задирая голову, принюхиваясь. Хищник двигался навстречу ветру, доносящему до его носа волнующие запахи, безошибочно ориентируясь на которые, волк уверенно вел своего хозяина по следу. В диком звере разгоралась радость охоты, и Тенро приходилось то и дело одергивать питомца, чтобы тот, забывшись, не бросился за своей целью.

Человек и зверь довольно долго пробирались по лесу, но так ничего и не находили. Однако теперь и Тенро почувствовал что-то. Но это были не запахи или звуки, которые ощущал Ар, нет.

Чутье охотника подсказывало Тенро, что цель уже близка и ускользает от него в последнее мгновение.

Оскалившись не хуже волка, охотник ускорил шаг и одним прыжком забрался на высокий камень, чья поверхность уже начала терять накопленное за день тепло. Выпрямившись, Тенро всмотрелся в зеленые заросли, раскинувшиеся впереди. Сейчас он находился где-то между избой лесорубов и тем местом, где потерял скот пастух Лирошка.

По левую руку охотника должны была располагаться деревня, а справа, за густым лесом неизменно раскинулся Королевский кряж. Если двигаться по направлению к нему, то можно выйти на излюбленные местными охотниками места.

Возможно, именно туда и направлялись пропавшие первыми Тарин и Слар.

Что-то едва заметно шевельнулось где-то впереди, и Тенро змеей юркнул вниз, укрывшись между камнем, на котором только что стоял и раскидистым деревом.

Несколько ударов сердца ничего не происходило, а затем из зарослей высокого кустарника появилась фигура в легких, листовидных доспехах наэрцев и у Тенро перехватило дыхание.

— Эти-то здесь откуда? — одними губами спросил сам у себя охотник, продолжая наблюдать за незнакомцем.

Высокий наэрц, в свою очередь, смотрел на камень, за которым укрылся Тенро. Видеть

охотника он не мог, но, видимо что-то насторожило сына Леса — воин не спешил отводить свой взор в сторону.

Тенро не мог разглядеть лица наэрца, сокрытого глубоким капюшоном, но это ему и не требовалось — у «Черных стрел» нет друзей среди этой расы, но и врагов теперь, тоже, нет. Однако охотник не спешил покидать своего укрытия. Вместо этого, он вновь коснулся шеи притаившегося рядом волка. Зверь, поняв замысел хозяина, легко запрыгнул на камень, с вызовом поглядев на наэрца.

Сын Леса и волк, не мигая, смотрели друг другу в глаза, но неожиданно, одновременно повернулись в другую сторону. Из-за дерева и камня, за которыми прятался Тенро, он не мог видеть того, что происходит справа, зато явственно услышал, как Ар хрипло зарычал.

Охотник попытался незаметно выглянуть из-за дерева, и это ему удалось, однако увиденное вовсе не обрадовало бывшего разведчика — прямо между деревьями, с невысокого холма напрямик в его сторону неспешно ползли извивающиеся змейки тумана.

— Проклятье, — вернувшись в свое укрытие, Тенро снова взглянул на наэрца и выругался повторно — сын Леса пропал, бесшумно растворившись прямо на том месте, где только что стоял.

Продолжая сидеть неподвижно, Тенро прошептал:

— Теряю хватку.

Наэрец мог уйти далеко, а мог и затаиться, если почуял что-то неладное. Тенро вполне сумел бы потягаться с сыном Леса в усидчивости и умении маскироваться, но вот подкрадывающийся к нему туман такой возможности предоставлять не желал.

Ар спрыгну с камня и взглянул на хозяина, словно удивлялся, почему тот все еще на месте, но Тенро не спешил. Выждав еще дюжину ударов сердца и, понимая, что медлить больше нельзя, он все же решил покинуть свое укрытие.

Стоило охотнику встать, как он почти сразу же пригнулся, одновременно вскидывая лук и натягивая тетиву с уже наложенной на нее стрелой.

Узкий метательный нож, с тихим шелестом преодолевший весьма нешуточное расстояние, вонзился в дерево прямо над головой охотника. Тенро выпустил стрелу немногим раньше, чем услышал звук, с которым отточенное оружие вонзилось в дерево, едва не чиркнув его по макушке.

Охотник не видел, попал он или нет, но знал, что попал. Тенро не собирался прощать тех, кто пытался его убить, точно так же, как и упускать раненную добычу.

— Ар. След. — Рыкнул охотник, и волк молнией понесся в сторону, откуда недавно вышел наэрец.

Сам Тенро задержался лишь на миг, чтобы рывком высвободить кинжал из древесного плена и сунуть оружие неудавшегося убийцы себе за пояс, после чего бросился в погоню.

Охотник видел бегущего впереди волка: Ар то скрывался за густой растительностью, то выныривал из ее омута, с врожденным азартом хищника преследуя добычу.

Лук с приготовленной заранее стрелой мешал двигаться быстрее, но охотник не собирался убирать оружие. Напавшего на него наэрца Тенро не видел, но знал, что тот не мог далеко уйти.

Так оно и оказалось.

Когда фигура сына леса мелькнула между древесных стволов, Тенро усилием обеих рук натянул тетиву и, едва оперение стрелы оказалось рядом с его лицом, разжал пальцы.

Наэрец резко вильнул в сторону, словно у него на затылке находилась еще одна пара

глаз, и выстрел пропал впустую.

Но, меняя направление движения, сын леса вынужден был замедлить шаг, чем и воспользовался следовавший за ним по пятам волк. Поджарое тело хищника растянулось в стремительном прыжке, и Ар вцепился клыками в зеленый плащ наэрца.

От резкого рывка, беглец едва не упал и устоял только благодаря тому, что ухватился рукой за низко свисающую ветвь.

Тенро выстрелил вновь, но стрела срикошетила от острого бронированного наплечника, оставив после себя глубокий след, да почти мгновенно угасший сноп искр.

Толчок от выстрела и одновременный рывок волка едва не лишили наэрца равновесия, но ткань его плаща не выдержала волчьих клыков и с треском порвалась, возвращая своему обладателю свободу движения, чем тот незамедлительно и воспользовался, выхватив длинный кинжал.

Воин Леса замахнулся на готовящегося к прыжку волка, но Тенро оказался быстрее — пусть он и целился в незащищенную шею противника, но, попав в гарду ринувшегося в сторону Ара клинка, не остался разочарованным.

Стрела ударила в украшенную янтарем рукоять и, спустя менее одного удара сердца, в руку наэрца вцепился волк. Не растерявшийся воин ловко перехватил кинжал левой рукой, но так и не успел пронзить им тело хищника — подошедший на расстояние десяти шагов Тенро с кривой ухмылкой прицелился точно в сокрытое капюшоном лицо.

— Ар, отпусти, — тихо произнес охотник, и ему пришлось повторить приказ прежде, чем волк соизволил выпустить добычу.

Клыки хищника не смогли сильно повредить руке наэрца — спасла плотная кожаная перчатка и наруч, но, тем не менее, по пальцам сына Леса струилась кровь, такая же красная, как и у людей.

— Бросай, — потребовал Тенро, не сводя глаз с темного овала лица под глубоким капюшоном.

Кинжал наэрца с глухим звуком упал в траву, а сам он медленно развел руки, открытыми ладонями к охотнику.

— Все так же хорошо стреляешь, «стириат леар», — капюшон едва заметно качнулся в сторону стрелы, застрявшей в сочленении доспеха между грудью и предплечьем. — Ты позволишь? — Руки пленника едва заметно сместились к капюшону.

— Только медленно, — кивнул Тенро, чувствуя, как немеет от усталости рука, удерживающая тетиву — все-таки новый лук оказался слишком мощным для долгого прицеливания.

Бывший разведчик уже всерьез задумывался над тем, не разжать ли пальцы и не отправить ли неудавшегося убийцу к духам Леса, которых так чтит его народ, но слова наэрца заинтриговали охотника. Откуда тот знал, что Тенро служил в «черных стрелах», ведь татуировка на руке сейчас была надежно скрыта под одеждой?

— Ты можешь опустить оружие, — наэрца, как ему и велели, медленно снял капюшон и Тенро встретился взглядом с его золотистыми большими глазами, насмешливо смотрящими на стрелка.

Выглянувшее из-за ветвей солнце озарило камни янтаря, украшающие длинные волосы пленника и Тенро сразу же отметил длинный шрам, пересекающий немного вытянутое, с правильными чертами лицо.

Улыбнувшись, сын Леса произнес:

— Когда мы нашли тело того человека, с которым вы вместе сбежали, то подумали, что духи убили его, а тебя забрали с собой. Но, как я вижу, светлые небеса благоволят тебе, убийца.

— Кто из нас еще убийца, — несмотря на прошедшие годы, Тэнро вспомнил лицо наэрца, что сейчас стоял перед ним.

Его звали Лаэrrэ, именно он с отрядом пришел на помощь отбивающимся от измененных сородичам и, по иронии судьбы, объединившихся с ними людей. В тот день выжили немногие.

Когда Лаэrrэ со своими воинами вышел к холму, из оборонявшихся осталось лишь четверо — криан Шиллэ, Тэнро со Свенном, да старый ветеран-пехотинец, чьего имени они так и не успели спросить.

Теперь, спустя более четырех лет, Тэнро и Лаэrrэ встретились вновь.

— Я не отрицаю, что и мои руки в крови, — покладисто согласился наэрц, с иронией взглянув на окровавленную кисть — волчьи клыки, все же, прокусили перчатку в нескольких местах. — Но теперь между нашими народами нет вражды.

— Разумеется, — кивнул Тэнро, криво усмехнувшись. — Ты метнул в меня кинжал исключительно из благих побуждений.

— Я подумал, что передо мной призрак, измененная духами оболочка, — ничуть не смутившись, пожал плечами наэрц. В его золотистых глазах не было и тени страха, словно смерть, замершая на кончике стрелы, сейчас не смотрела ему в лицо. — С холмов спускался туман, так что я счел за лучшее отступить. Кстати, можешь не оборачиваться, но он сейчас как раз показывается из-за деревьев.

Была это уловка или нет, Тэнро проверять не стал. Краем глаза он заметил, как занервничал Ар, то и дело оглядывающийся назад и решил, что наэрц не лжет.

— Так и будем стоять «стириат леар»? — поинтересовался Лаэrrэ. — Твой зверь поцарапал меня и на запах крови скоро придут незваные гости с яркими глазами, клыками и неумным аппетитом. Кажется, ты их тоже знаешь.

— Хватит язвить, иначе моя рука дрогнет и тебе придется прожевать стрелу прежде, чем ты сможешь шутить дальше, — вопреки своим словам Тэнро немного ослабил тетиву, чувствуя, что больше не может удерживать ее в натяжении.

Как только лук охотника начал опускаться, он заметил неясное движение слева и, вновь вскинув оружие, выстрелил. Одновременно с запевшей тетивой, Лаэrrэ воскликнул:

— Нет, не стреляй! — Наэр попытался сделать шаг к охотнику, но Ар угрожающе зарычал на него.

— В следующий раз — убью, — положив на тетиву новую стрелу, Тэнро зло смотрел на замершую в трех десятках шагов от него девушку. Рядом с ее головой в дереве до сих пор слабо подрагивала впущенная охотником несколько мгновений назад стрела.

— Надо же, заметил. Выходит, зря я крюк делала, чтобы с подветренной стороны зайти. Тэнро удостоился уважительного взгляда небесно голубых глаз незнакомки, что сверкнули из-под пышной челки.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Охотник отметил, что девушка вовсе не дурна собой: у нее была странная и неровная прическа, прямые и короткие на затылке волосы постепенно удлинялись и свисали до плеч вдоль узкого лица. Острый нос, тонкая линия губ, немного строгий изгиб бровей и небольшая ямочка на остром подбородке лишь добавляли привлекательности ее слегка

мальчишескому образу.

А вот одета девушка была странно — темный плащ с вышитыми на нем символами Альтоса, а под ним полированный нагрудник, узкие штаны из черной кожи и такие же сапоги с высокими отворотами.

Кроме того в руках она держала два маленьких, одноручных взведенных арбалета. Наконечники их стрел неестественно блестели, и это совсем не понравилось охотнику. Он уже видел нечто подобное — такое оружие было у некоторых воинствующих жрецов и их охранников, что вели воинов королевства в бой против измененных.

Странное серебристое сияние, охватывающее сталь с голубым отливом, отгоняло туман и уничтожало яркоглазых тварей куда быстрее, чем обычные клинки и стрелы. Но, насколько знал Тенро, такие вещи были очень редкими и их не мог носить каждый желающий, лишь доверенные лица жрецов, да они сами.

На монашку или жрицу незнакомка походила не больше чем сам Тенро на пилигрима, так что охотник нахмурился и, видимо, его размышления отразились на его лице.

— Опустит лук, человек, мы не враги, — наэрец, заметивший колебания Тенро, говорил доброжелательно, то вглядываясь вдаль, то переводя взгляд на охотника.

— Я это уже слышал, — в тон сыну Леса ответил Тенро. — Кто вы такие и что вам здесь надо?

— Мы — ищущие, — просто ответила девушка. — Я служу храму Альтоса. Если позволишь, я покажу тебе бумаги, но для этого мне придется достать их.

— Мне ни к чему твои бумаги, — Тенро поморщился и Лаэртэ не упустил возможности поддеть его:

— Убийце ни к чему грамота, да?

— Заткнись Лаэртэ, или Ар откусит тебе что-нибудь, — сухо огрызнулся охотник.

Читать он умел, но не собирался доказывать это каждому встречному. Кроме того он знал об ищущих — это был особый отряд, собранный жрецами для выслеживания и истребления тех, кто поклонялся безумным духам, считая изменение великим благом.

К сожалению и величайшему непониманию Тенро, странных идиотов, желающих по собственной воле лишиться личности и души, превратившись в кровожадную куклу, нашлось довольно много. Он слышал, что в городах или в заброшенных руинах существуют целые секты тех, кто боготворит Великое Изменение.

— Вижу, ты запомнил мое имя, — прервал размышления охотника пленник.

— Я редко что-то забываю, наэрец, — охотник, все же, опустил лук и убрал стрелу в колчан. — Ар, это свои, — потрепав зверя по холке, Тенро успокоил его.

— Мое имя Кира, — девушка в черном плаще легкой и пружинистой походкой приблизилась к охотнику, протянув мужчине выдернутую из дерева стрелу, которой тот едва не отправил ищущую на тот свет.

— Тенро, — просто представился охотник, принимая из рук девушки стрелу — если здесь ищущая, то обстоятельства складываются так, что вскоре каждая стрела будет на счету.

— Ты, значит, охотник? — Она внимательно осмотрела его нехитрый наряд — плотные коричневые штаны, высокие и мягкие сапоги, простую серую рубаху под коротким стеганым жилетом и длинный темно-зеленый плащ.

— Да.

— Раньше охотился на наш народ, а теперь на зверей, — наэрец широко улыбнулся, наскоро обматывая тряпкой прокушенную волком руку. — Этот мужчина из «черных

стрел», — сказал он ищущей и та, как показалось Тенро, немного удивилась, но вслух спросила:

— Тут неподалеку должна быть деревня, так? Можешь отвести нас?

Прежде чем Тенро успел хоть что-то сказать, сначала Ар, а затем и Лаэртэ повернулись в ту сторону, откуда неспешно приближался туман.

Наэрец, бросив на волка недоверчивый взгляд, потянулся к мечу и, видя, что хищник никак на это не реагирует, вытащил великолепное оружие из ножен. Клинок, выкованный по тому же образу что и мечи, которые носил Тенро, испускал едва заметное серебряное свечение, а его лезвие украшали символы лесного народа.

— Теперь такое есть у всех? — Тенро почувствовал себя немного уязвленным — у него одного не было зачарованного оружия, и этот факт немного нервировал охотника.

— Не у всех, — покачала головой Кира, поднимая арбалеты. — Но ты ведь и из своего лука стреляешь неплохо, да?

Вместо ответа Тенро пренебрежительно фыркнул, чем вызвал легкую улыбку на губах наэрца:

— «Стириат леар» стреляют гораздо лучше, чем хотелось бы моему народу, — произнес Лаэртэ, наблюдая, как охотник накладывает на тетиву одну из своих стрел. — Надеюсь, ты не разучился это делать, убийца?

— Нет, — неожиданно горько ответил Тенро, разжимая пальцы.

Стрела охотника тонко свистнула в воздухе и ударила в горло выступивший из тумана силуэт, в котором Тенро, за мгновение до выстрела, узнал Тарина — одного из пропавших охотников.

Измененный мужчина дернулся и беззвучно упал на спину, сразу же погрузившись в поднимающийся туман. Тенро немного расстроено цокнул языком — он целился в голову, но, все же, еще недостаточно хорошо пристрелял новый лук.

Теперь придется тратить еще одну стрелу.

— Ловко, — улыбнулась Кира. — Я хотела подпустить поближе, но... — не договорив, она нажала на спусковой крючок, и светящийся болт ударил вновь вставшего с земли измененного охотника в грудь.

Послышалось шипение, после чего тело мужчины начало медленно оплавляться, разваливаясь на части. Черная кровь забурлила.

Девушка поспешно зарядила оружие вновь.

Едва первый выступивший из тумана измененный окончательно умер, как мягко стелящийся белый саван всколыхнулся и из него вырвалась стая волков с горящими ненавистью глазами. Не отставая от них, мчались и трое псов, действуя явно заодно с хищниками.

— Ар, стой, — приказал Тенро нервно пританцовывающему на месте питомцу, натягивая тетиву и выпуская стрелу навстречу приближающимся тварям.

На этот раз выстрел вышел более удачным и одна из измененных собак, которую стрела настигла в прыжке, покатила по траве, разбрызгивая кровь из пробитой глазницы.

Сухо щелкнули арбалеты Киры, и еще две твари рухнули на землю, шипя и извиваясь. Ищущей не нужно было тщательно прицеливаться. Зачарованному болту хватало любого контакта с телом измененного, чтобы наложенные на наконечник чары вырвались на свободу.

Пока девушка, убрав один арбалет, проворно перезаряжала другой, Тенро успел

выстрелить дважды, ранив одного волка и убив другого — стрела, пробив череп, пришила тварь к древесному стволу.

Прежде чем взяться за мечи, охотник почти в упор пригвоздил к земле еще одно измененное духами создание. Хладнокровно увернувшись от метнувшейся к нему новой тени, Тенро выпустил из пальцев лук и выхватил парные клинки наэрцев.

Влажный шлепок засвидетельствовал смерть еще одной твари от зачарованной стрелы и тут остальные волки приблизились к своей добыче на расстояние атаки.

Сразу две твари бросились на Тенро. Одной из них он вогнал клинок прямо в раскрытую пасть, проткнув черный и скользкий язык, другую сбил с ног Ар, впившись в горло измененного сородича клыками.

Рядом Лаэртэ, ловко крутанув меч, который держал двумя руками, рассек пополам поджарое тело, теперь с шипением превращающееся в пепел. Широко шагнув вперед, воин Леса поймал прыгнувшего на него волка за горло, швырнув его на землю и сразу же обезглавив, после чего насадил на клинок третьего противника, едва не доставшего шею мужчины клыками.

Щелкнул арбалет, и Тенро в лицо брызнула холодная черная кровь. Бросив на ищущую рассерженный взгляд, охотник увидел, что та сменила арбалеты на короткое копьё с широким, обоюдоострым наконечником листовидной формы. Оружие, как и стрелы, испускало слабое свечение, легко рассекая тела измененных существ.

Кира умело управлялась с копьем, и волки пятились от нее и сражавшегося рядом наэрца. Предоставив рукопашную схватку своим новым спутникам, охотник воткнул клинки в землю и быстро поднял лежавший у ног лук, так как заметил показавшиеся на кромке тумана человеческие фигуры.

Пока Тенро вглядывался в серые лица измененных, покрытые коркой запекшейся крови, до него едва не добралась тварь, как-то проскользнувшая мимо ищущей и наэрца.

Но порождение тумана остановил верный Ар. Он напал на измененного противника сзади, прижав к земле и погрузив черные от крови клыки в загривок.

Но охотник не видел этого, он продолжал смотреть в ярко-зеленые глаза Салина, с женой отправившегося разыскивать пропавших первыми Тарина и Слара.

Лара, охотница и жена Салина, сейчас встала из тумана рядом с мужем. Ее рыжие волосы потускнели, черты лица заострились, а глаза разгорелись ярким огнем.

Измененные одновременно рванулись вперед и Салин, двигавшийся более длинными прыжками обогнал жену. Тенро хорошо рассмотрел его серое лицо на кончике своей стрелы.

Измененный духами охотник взвился вверх в высоком прыжке, но стрела, ударив его в лицо и пробив скулу навывлет, швырнула тело назад.

Проворно отскочив, Тенро рывком натянул тетиву, выпустив стрелу в Лару, оказавшуюся на том месте, где он сам стоял всего лишь мгновение назад.

Однако Ар, вцепившийся измененной женщине в ногу, заставил ее дернуться, и стрела Тенро вошла измененной в плечо.

Охотник выругался и ткнул наконечником новой стрелы в лицо восставшей из мертвых женщине. Сталь распорола серую щеку.

Ударом ноги, Тенро повалил ту, что раньше была человеком, на землю.

Но, прежде чем охотник успел добить распростертую на земле измененную, ему вновь помешали — Салин, с засевшей в скуле стрелой, едва не сбил мужчину с ног.

Тенро пришлось попятиться, когда неожиданно появившийся измененный едва не

вогнал грязные длинные когти ему в грудь. Салин подался вперед, стремясь убить мужчину, но клинок Лаэrrэ отсек ему сначала руку, а затем вонзился подмышку, пронзив небьющееся сердце.

За спиной наэрца, расправившаяся с волками Кира пронзила копьем пытавшуюся подняться Лару. Измененная широко распахнула глаза и слабо зашипела, когда сияющий наконечник пробил ее грудь и начал расплавлять плоть.

— Я спас тебя, человек, — ослепительно улыбнулся Лаэrrэ, искоса наблюдая, как туман начал отступать к холмам.

— Можешь теперь собой гордиться, — сердито буркнул Тенро.

Разумеется, охотник мог бы поспорить с заявлением наэрца. Но он не понаслышке знал, что такое рукопашный бой с обладающим чудовищной силой и ловкостью измененным. Вполне возможно, что если бы не сын Леса, Тенро сейчас не было бы в живых.

Бывший разведчик хорошо понимал это, но все равно не стал благодарить действующего ему на нервы Лаэrrэ. Сам же наэрц, прекрасно понимал отношение охотника и как раз собирался съязвить по этому поводу, но ему не позволила этого сделать вмешавшаяся Кира:

— Он помог нам не меньше, чем мы ему, Лаэrrэ, — нахмурившись, девушка смерила не принадлежавшего к людскому роду спутника сердитым взглядом. — Но сейчас не время и не место, чтобы выяснять, чей вклад в эту победу более значителен. Нам, как можно скорее, нужно попасть в Зеленые поляны. Тенро, ты проведешь нас?

— Да, — приняв решение, ответил охотник, рывком вырывая из земли свои клинки. Наскоро оттерев лезвия, он убрал оружие в ножны и бросил спутникам:

— Только не отставайте. Пойдем быстро.

В ответ на слова охотника Лаэrrэ хмыкнул, всем своим видом показывая, что сын Леса не нуждается в напутствиях от человека. Но реакция наэрца не заботила Тенро. Все его мысли сейчас занимал родной дом и та опасность, что нависла над ним теперь.

На подступах к деревне Тенро нашел несколько ловушек и капканов, видимо расставленных другими охотниками Зеленых полян, чтобы сдерживать тех, кто придет из тумана. Расставили ловушки хорошо, но не так, как это умели делать наэрцы — Тенро без труда обнаруживал присыпанные травой секреты и даже волчьи ямы с острыми кольями на дне, сверху прикрытые дерном. Что и говорить, жители деревни постарались на славу и ловушки, если не убьют тварей, то, хотя бы, сдержат их на какое-то время.

Стоило так же отметить, что пространство между лесом и частоколом порядком увеличилось — жители Зеленых полян неплохо поработали топорами. Теперь дозорные смогут раньше увидеть любого, кто приблизится к деревне.

Когда Тенро заметил, что ворота приоткрыты, то сердце в его груди на миг замерло, снова забившись лишь тогда, когда на вышке показался караульный.

Солнце уже клонилось к закату и именно в это время, по старинной армейской привычке старосты деревни, происходила смена караула. Вздохнув с облегчением, Тенро ускорил шаг, бегло обернувшись на следующих за ним по пятам спутников: наэрца, как и ожидалось от сына Леса, несколько не устал и двигался легко и непринужденно, словно гулял по знакомым местам, ищущая же держалась стойко, но немного отставала.

По виду девушки было заметно, что долгие пешие прогулки не входят в число ее любимых занятий, да и лес ей явно не по нраву. Но Кира не жаловалась.

Впрочем, Тенро не сильно удивился такому поведению с виду хрупкой девушки. За время службы он несколько раз сталкивался с ищущими и знал на что те способны. Все эти бойцы были стойкими, выносливыми, ловкими, быстрыми, безжалостными и смертоносными — идеальные воины.

Поначалу жрецы готовили ищущих как охотников на флэриэ — наэрских волшебниц, с детства закаляя юных послушников и превращая их в идеальных убийц. Но теперь, когда с детьми Леса был заключен неожиданный мир, ищущие не лишились своей работы и жрецы нашли им новое применение — псы на службе храма, ищейки, непреклонно следующие приказам жрецов и выслеживающие всех, кто боготворил Великое Изменение.

В принципе Тенро не имел ничего, портив ищущих. Они, как и сам охотник в прошлом, выполняют приказы и делают свою, надо отметить, весьма полезную работу. К тому же немногословность Киры нравилась охотнику куда больше чем разговорчивость Лаэртэ. На контрасте с язвительным наэрцем, ищущая казалась кроткой монашкой.

— Это и есть Зеленые поляны? — Лаэртэ с сомнением окинул взглядом неровный частокол. — Не слишком-то похоже на захолустную деревушку людей.

— Мой отец — староста, — не выражающим никаких эмоций голосом пояснил Тенро, — бывший пехотинец на службе королевства. Наша деревня окружена лесами, где ранее любили прятаться *убийцы противника*, — охотник позволил себе едва заметную улыбку, увидев, как поморщился его спутник. — Так что отец нашел применение знаниям, полученным на службе, и ввел здесь новые порядки, приучая местных к дисциплине и осторожности.

— Служи и он в «черных стрелах» и я, наверное, был бы уже мертв, да? — С кривой усмешкой произнес наэрца.

— Послушай, — Тенро остановился. — Если у тебя есть ко мне какие-то вопросы —

давай решим все здесь и сейчас. Мне надоели твои двусмысленные слова и эта дурацкая ухмылка на твоей надменной роже. Не дает покоя мысль о том, что я ускользнул из клетки прямо у тебя перед носом?

— Начнем с того, — внезапно став серьезным процедил сквозь стиснутые зубы Лаэrrрэ. — Что если бы не помощь криана Шиллэ, ты бы никуда не ушел. Никогда.

— А чем закончим? — легко выдержав недобрый взгляд золотистых глаз, спросил Тенро.

— А закончим тем, что война прошла и теперь у нас общий враг. — Встав между мужчинами, Кира неожиданно сильно оттолкнула их друг от друга. — Лаэrrрэ, будь добр, прекрати свои шуточки и извинись. — Девушка говорила негромко, но твердо и решительно, так что наэрц, закатив глаза, картинно вздохнул и, стянув с руки перчатку, протянул Тенро свою узкую ладонь со словами:

— Прошу простить мои манеры.

— Тенро... — Кира выжидающе посмотрела на охотника, и тот произнес уже без злобы в голосе:

— Как говорит мой отец — кто старое помянет — тому глаз вон, — он пожал руку наэрца, но тот, неожиданно крепко стиснул пальцы человека.

— А кто забудет — тому оба, — с пропитанной ядом лесной гадюки улыбкой, Лаэrrрэ выпустил руку охотника.

Неизвестно к чему привел бы поступок сына Леса, если бы из-за частокола не донесся гулкий звон колокола.

— Что это? — тут же отреагировала Кира, потянувшись к арбалетам.

— Что-то очень важное, — Тенро оружие трогать не стал — слишком сильным был соблазн пустить его в ход и укоротить язык одному не в меру болтливому наэрцу. — Поспешим.

Тревожный звон колокола стих и по мере приближения к частоколу Тенро стал различать другие звуки, доносящиеся из деревни — взволнованный многоголосый гомон и гул толпы.

Охотник и его спутники вошли в ворота деревни как раз в тот момент, когда Тар взбирался на вышку, перед которой уже собрались все жители Зеленых полян. Появление Тенро в компании Киры и Лаэrrрэ сразу же стало поводом для новых перешептываний.

Само по себе появление ищущей могло стать одним из самых значимых событий в деревне с момента ее основания, чего уж говорить о бесшумно шагавшем рядом с ней сыне Леса. Большинство жителей Зеленых полян никогда в жизни не видели наэрцев, а некоторые, как подозревал Тенро, вовсе сомневались в их существовании.

Теперь же, когда перед людьми предстал облаченный в листовидную броню Лаэrrрэ, со своей неизменной улыбкой на тонких губах и насмешливым взглядом золотистых глаз, он сразу же приковал к себе внимание всех собравшихся; кто-то осенил себя знаменем Альтоса, чего не делал никогда в жизни, кто-то потянулся к оружию, а кто-то попросту открыл рот от удивления и бессовестно таратился на незваного гостя.

Но Тенро это не заботило.

Первое что заметил охотник, едва оказавшись по эту сторону частокола — тройку лошадей, которых ранее не видел в деревне. Так же, острое обоняние Тенро уловило запах тлена исходивший от одного из мешков, перекинутых через седло пегой лошадки. Ткань мешка намокла, и с нее что-то редко капало на землю у копыт животного. К тому же у седла

мощного вороного жеребца висел искусной работы арбалет из черного дерева, отделанный серебром — такое оружие обычным людям явно не по карману.

Взглянув на отца, замершего на середине лестницы, охотник увидел стоявшего у сторожевой вышки мужчину. Высокий, статный, черноволосый, с пронзительными голубыми глазами, он был чем-то похож на Киру — те же острые черты лица, тонкие, немного сердито изогнутые губы и манера держаться. К тому же одет незнакомец был точно так же, как и ищущая — черный плащ с символами Альтоса, под которым блестел полированный нагрудник. Из-за плеча мужчины выглядывала обтянутая кожей длинная рукоять полторного меча.

Мрачное лицо незнакомца немного разгладилось, когда он увидел Киру и Лаэrrэ. Девушка, улыбнувшись, пошла к нему, прямо сквозь расступающуюся перед ней толпу.

— Не стой столбом, убийца, — неожиданно наэрец обратился к Тенро на своем родном наречии.

— Я пойду сразу за тобой, — без запинки, на том же языке ответил охотник.

На миг Тенро почувствовал как прошлое, потревоженное звуками чужого языка, явственно всколыхнулось в его душе, пробуждая что-то позабытое.

— Ты не боялся поворачиваться ко мне спиной в лесу, что изменилось сейчас?

— Тогда вокруг тебя не стояли люди, чьи родные и близкие не вернулись с войны против детей Леса, — холодно ответил Тенро. — Твой клинок еще пригодится нам, так что я прослежу, чтобы никто не воткнул тебе в спину нож.

— Вот спасибо, — вновь перейдя на язык людей, широко улыбнулся Лаэrrэ. — Но я и сам могу о себе позаботиться. Кстати, ты хорошо говоришь на нашем языке. Часто допрашивал пленных? — Золотистые глаза нехорошо блеснули, но это не произвело никакого впечатления на охотника, и тот, тяжело вздохнув, ответил:

— Если ты забыл, то мы воевали не только друг против друга. Мне довелось сражаться и бок обок с твоим народом.

— Но это не меняет минувшего, человек. — Зло прошептал Лаэrrэ, вновь перейдя на наэрский и быстро зашагав следом за Кирой.

Девушка почти добралась до башни и незнакомый ищущий шагнул ей на встречу.

— Минувшего ничто не изменит, — задумчиво произнес Тенро.

Охотник направился к вышке, на ходу отмахиваясь от посыпавшихся на него вопросов:

— Кто это?

— Тенро, это наэрец, да?

— Откуда они пришли?

— Чего им надо?!

— Что это за люди?

— Зачем ты привел к нам убийцу?!

— Снова война?

Перекрикивающие друг друга жители деревни облепили охотника со всех сторон, и ему пришлось жестко оттолкнуть их:

— Расступитесь! Дайте пройти! — рыкнул Тенро и идущий рядом с ним волк оскалил клыки.

Мех на загривке хищника поднялся, глаза прищурились, жгуты мышц под шерстью напряглись — он всем своим видом показывал, что набросится на любого, кто попыбует причинить вред его хозяину.

— Ну-ка угомонились все! — рывкнул Гур так громко, что разом перебил всех говорящих и негодующих. — Староста говорить будет!

Когда взобравшийся на вышку Тар прочистил горло, все жители Зеленых полян повернулись к нему, позволив Тенро вздохнуть спокойно. Охотник быстро протиснулся в первый ряд собравшихся, встретившись взглядом с незнакомым ищущим. Кира что-то шепнула мужчине, и тот учтиво кивнул бывшему следопыту.

После недолгих колебаний Тенро, на всякий случай, ответил тем же.

— Этот вечер, как и те, что были незадолго до него, нельзя назвать добрым, — хмуро начал говорить Тар. — Сначала пропали Тарин и Слар, затем Салин с Ларой, Грик, Рут, да и Хигран, как оказалось, недалеко смог ускакать далеко от деревни.

Беспокойный гомон собравшихся нарушили отдельные выкрики:

— Что?!

— Как это не смог? Почему?!

— Что случилось с Хиграном?!

Жители Зеленых полян были взволнованы, в конце концов, ничего подобного никогда не происходило в этих спокойных местах.

— Молчать! Дайте сказать старосте! — Вновь призвал к порядку Гур, для убедительности саданув обухом топора по толстым бревнам частокола. Это подействовало — стало значительно тише.

— Я собрал вас всех здесь, чтобы рассказать, что происходит в наших краях и что за беда постучалась к нам в дом, — продолжил староста, оглядывая всех собравшихся. — Да вы и сами, наверняка, слышали, что говорил Лирошка. Коли ему не поверили, так Дигор с Сигдой тоже самое твердят.

Здесь староста был прав — Зеленые поляны деревня, в которой все друг друга знают и слухи расходятся мгновенно. Но одно дело слухи, а другое, когда к тебе в дом приходит сын Леса. И все же, Тенро показалось, что жители деревни смотрят на Лаэртэ не столько с удивлением, сколько с опаской, да еще и переглядываются между собой.

Охотнику это отчего-то показалось странным, ведь большинство из живущих здесь людей никогда не видели детей Леса воочию.

— Мне стало известно, что духи наши лазейку через Королевский кряж. Теперь пришли сюда. Тихо! — Тар вскинул руку, призывая разволновавшийся еще больше люд к молчанию. — Милостью Альтоса с нами сейчас не только пилигрим Ульн, который убережет наши бессмертные души, но и те, кто спасет жизни. Вы и сами видите их перед собой — это ищущие.

По толпе пробежал удивленный вздох. В свое время жители Зеленых полян так удивились, когда узнали, что Тенро служил в легендарных «Черных стрелах», чего уж говорить о появлении в деревне двух ищущих, которых, и вовсе, считали детскими сказками.

— Люди, — вкрадчиво произнес тот самый, незнакомый Тенро мужчина в черном плаще. Он говорил негромко, но все разом затихли, жадно ловя каждое его слово. — Мое имя Митр. О том кто я такой — вам уже сказали. Со мной пришла еще одна ищущая, по имени Кира, а это представитель народа наэртэ — Лаэртэ. Мы и дети Леса помогаем друг другу в уничтожении той заразы, что угрожает нашим королевствам и прямо сейчас подбирается к вам.

— Если все так серьезно, то почему эта... прислали только вас троих? — подал голос кузнец, от волнения теребивший свой фартук.

— Нас никто не присылал, — сухо ответил Митр, чем вызвал возмущенный ропот. — Мы прибыли сюда из одной из приграничных крепостей, по следам, которые оставляют одержимые духами.

— И что это за следы такие? — тихонько проворчал оказавшийся рядом с Тенро старик Микран.

— Измененные оставляют после себя лишь один след, — слух у ищущего оказался великолепным. — Этот след — смерть. Мы преследуем туман духов довольно долго, и он целенаправленно двигался именно сюда.

— Бред какой-то... — недоверчиво хмыкнул Гур.

— К сожалению — нет, — в голосе ищущего сожалением даже не пахло. — Вы не понимаете, с чем столкнулись. Духам что-то нужно в этом месте и они получают это любой ценой. Туман поглотит все, изменяя людей и животных и натравливая их на вас, пока здесь все не станет частью Застывшего леса. Вы должны уехать...

— Ага, как же! — Гур сплюнул под ноги. — Никуда мы не уедем со своей земли! Думаешь напугать нас пропавшими людьми, да глазастыми тварями? Сколько их придет сюда? Мы давно перебили хищников по округе, так что...

— Они вернулись, — прервал лесоруба Тенро, выступая вперед. — Не знаю, пришли ли сюда новые звери или же это духи подняли убитых нами, но...

— Прекрати, Тенро, — нервно усмехнулся Гур, а вот Митр, наоборот, заинтересованно взглянул на молодого охотника. — Хочешь сказать, мы не справимся с волками?

— Если бы только с волками, — охотник швырнул огромную когтистую лапу черного медведя под ноги сразу же отпрянувшему лесорубу.

— Сын, это!..

— Это был черный медведь, отец, — со вздохом произнес Тенро, слыша, как загомонила толпа за его спиной. — Мы убили их всех, но, как видишь, они вернулись. С яркими глазами и черными языками, — добавил охотник после некоторой паузы.

— Духи поднимут мертвых, — прежде чем кто-либо из собравшихся успел сказать хоть слово, Митр нагнулся и поднял с земли лапу, в которой бы с легкостью поместилась его голова. — Они всегда выбирают слабых для изменения. Безвольный дух легче вытеснить из оболочки, чтобы извратить и запихнуть обратно, дабы получить измененного. Но туман, туман может поднимать даже мертвецов, превращая их в воплощение своей кровожадности.

Ищущий, обернувшись, взглянул на вышку, где стоял Тар.

— Как вы поступайте с покойниками?

— Как и все, — растерялся староста. — Хороним, в землю закапываем... — он заметно побледнел.

— Где?

— На запад от деревни. — Вместо отца ответил Тенро. — Там есть поляна, со всех сторон окруженная лесом. Мы зовем ее «Последним приютом».

— Интересное название, — криво усмехнулся Лаэртэ и, словно пробуя слова на вкус, певуче повторил:

— Последний приют... скоро вся ваша деревня в него превратиться.

— И... что же нам делать-то? — Неровно облизнув губы, Гур боязливо обернулся на бревна частокола, будто ждал, что сейчас те рухнут, а за ними окажется целая армия оживших покойников.

— Для начала, — Митр выдержал паузу, разглядывая темнеющее небо. — Для начала

попробуем пережить эту ночь, а завтра — мы отправимся на кладбище, а вы — покинете деревню.

— Но это наша земля, — тоскливо произнес Тар, не решаясь спорить с ищущим.

— Если не желаете, чтобы эта земля стала вашей могилой — придется уехать. — Жестко отрезал Митр. — Сейчас — пусть женщины, старики и дети займутся сбором вещей, берите только необходимое, а мужчины, все кто может сражаться, возьмут оружие и вернуться ко мне.

— Нет! — Неожиданно старый Микран вышел вперед, бесстрашно встав перед ищущим и заглянув в его холодные, словно льдистые горы, глаза. — Никуда я не поеду! Если уж умирать, то в родном доме!

Собравшиеся согласно загалдели, словно получая храбрость от присутствия друг друга. Одни кричали что не оставят свои дома, другие, что защитят деревню. Но смелые речи не произвели на ищущего никакого впечатления.

— Если вам так хочется умереть — никто не станет вас отговаривать. Я должен был предупредить вас об опасности и, видит Альтос, я это сделал. Пока мы не пойдем, зачем духи пришли сюда, мы поможем защитить ваш дом. Но мы не станем умирать здесь вместе с вами.

Митр негромко свистнул и черный жеребец сразу же поспешил на зов хозяина. Когда животное встало рядом с ищущим, тот вытащил из-за пояса изогнутый нож и двумя быстрыми движениям распорол ткань тюка, сбросив его с седла на землю.

Мешок с глухим звуком упал и, когда Митр отбросив сторону пропитавшуюся кровью ткань, все, кто стоял поближе, увидели изуродованное тело Рута, одного из лесорубов.

Беднягу словно грызли заживо — на верхней части тела, сейчас не скрытой тканью, не было живого места. Тенро даже не сразу узнал односельчанина, так как большая часть его лица представляла собой кровавое месиво. Только когда голова мертвеца безвольно упала на бок, Тенро увидел застывший, полный страха и отчаяния остекленевший глаз Рута.

— С каждым днем духи крепнут, набирая силу в новом месте. Если они, как сказал ваш охотник, смогли возродить зверей, то скоро примутся и за людей. Этому мужчину они не смогли изменить, поэтому убили. Так будет со многими. Но скоро духам не нужны будут ваши души, чтобы поднять ваши же тела. Тогда мы сделаем то, что должны...

Тенро едва успел заметить, как Митр быстро выхватил свой слабо сверкнувший клинок и одним ударом начисто отрубил голову бедолаге Руту.

— Теперь он не послужит орудием для духов, — сухо бросил ищущий, на строгом лице которого не дрогнул ни один мускул. — Если хотите закончить свои дни так же — оставайтесь здесь.

Закончив говорить, Митр взял своего коня под уздцы. Жестом приказав Кире и Лаэррэ следовать за собой, ищущий решительным шагом направился к дому старосты, оставляя жителей Зеленых полян испугано взирать на обезглавленного мертвеца.

Тенро не стал слушать возмущенные речи соседей и поспешил за ищущими. Он нагнал их довольно быстро, но шел следом до самого дома.

На крыльце дождавшись пока гости деревни устроят лошадей на ночлег в хлеву, охотник встретил их, открыв перед ними дверь и пропустив вперед.

Ар, как всегда, остался снаружи. Волк не выказывал никаких признаков недовольства, особенно когда обнаружил, что его миска наполнена густой мясной похлебкой.

— Я провожу вас до кладбища, — тихо произнес Тенро, входя в дом и плотно закрывая

за собой дверь.

— Далеко оно? — Кира с удовольствием стянула сапоги и, пройдя в середину зала, начала осматривать жилище старосты.

— Если выйдем с рассветом, то доберемся еще до полудня, — прикинув в уме расстояние, сказал охотник. — Может чуть дальше.

— Много там могил? — выражение задумчивости не покидало лица Митра с того момента, как Тенро впервые увидел его.

Казалось, что ищущего постоянно одолевают какие-то тягостные мысли и кто знает, возможно, так оно и было. Мужчина вытащил из кармана плаща кусок черной ткани и принялся вытирать им оружие, на котором еще остались следы крови Рута.

Что-то в этом мужчине настораживало Тенро. Отстраненность Митра казалось ему чужой, неестественной и нечеловеческой. Но чувствами пришлось пренебречь, так как, каким бы ни был ищущий — он мог помочь.

— Могил хватает, — точного количества Тенро назвать не мог. — Но ведь важны лишь те, что появились недавно. Духи не поднимут из земли старые кости, лишенные плоти.

— Сталкивался с измененными? — голубые глаза Митра замерли на лице Тенро и тот, закатав рукав, продемонстрировал ищущему татуировку черной стрелы, пронзающей лист.

При виде отличительного символа «черных стрел» Лаэртэ скрипнул зубами и резко отвернулся к окну, будто увидел что-то омерзительное.

Митр же лишь удовлетворено кивнул и спросил:

— Сколько лет служил?

— Сколько и положено, — пожал плечами Тенро. — Десять лет на границе, в разведке, до конца войны с наэртцами. После еще два года.

— Есть в деревне те, кто, как и ты, понимает, с чем мы здесь столкнулись?

— Киран, — сразу же ответил охотник.

Как и везде, молодые люди из Зеленых полян тянули жребий, чтобы выбрать, кто из них пойдет служить, а кто останется дома. Каждые несколько лет в деревню прибывали вербовщики, забирая с собой новых воинов для армии королевства Арстерд. Если вербовщики считали кандидатов неподходящими, то могли выбрать молодых людей сами.

Из тех, кто покинул родную деревню вместе с Тенро, вернулся лишь он сам. Киран ушел в армию на пять лет позже Тенро и должен был возвратиться домой лишь через год, но, полученное на поле боя увечье не позволило ему продолжить сражаться.

— Тогда предупреди его, что завтра он отправится с нами.

— Не выйдет. — Сразу же произнес Тенро и, когда голубые глаза ищущего прищурились, пояснил: — Киран потерял обе ноги на войне и сейчас прикован к кровати.

— Это так, — дверь с тихим скрипом отворилась, и внутрь осторожно вошел Ульн. Пилигрим был бледен и выглядел очень уставшим. Голос его нервно подрагивал. — Бедный мальчик столько пережил, что сейчас ему приходится очень тяжело...

— Увечные нам, все равно, не нужны, — довольно жестко отрезал Лаэртэ. — Помощи от него не будет, а значит, из тех, кто в этой деревне умеет мыслить здраво, остаешься лишь ты, «стириат леар».

— Лаэртэ, — с нажимом произнесла Кира, разом остудив пыл наэртца и стерев злую улыбку с его надменного лица.

— Он прав, — неожиданно согласился с сыном Леса Тенро, устало опускаясь на скамью, вытянувшуюся вдоль стены. — Некоторые из местных служили в армии, но тех, кто

вернулся можно по пальцам пересчитать. К тому же Тарин и Слар, да еще и Грик — погибли, а до них медведь задрал еще двух воевавших ранее мужчин. Остается еще Тугр, но тот воевал с наэрцами, а об измененных знает не больше остальных. Здесьние жители упрямы и недоверчивы. Когда они, наконец, осознают, насколько велика опасность, боюсь, будет уже слишком поздно.

— Воистину, это так. — Поддержал охотника Ульн. — Сегодня я слышал множество разговоров и все, как один, не желают покидать насиженных мест. Надеюсь, милостью Альтоса, все обойдется...

— Одной лишь милостью Альтоса мы вряд ли отделаемся, — хмыкнула Кира. — Нужно отыскать источник заразы и уничтожить его.

— А что с кладбищем? — спросил Тенро. — Вы же не собираетесь раскапывать свежие могилы и обезглавливать покойников.

— Если они сами не вылезут из земли со сверкающими глазами и желанием убивать, то так мы и поступим. — Митр закончил вытирать лезвие своего клинка и убрал великолепное оружие в ножны. — Нужно будет прихватить с собой лопаты и еще пару мужчин. Как я понял, за последние два года мертвецов в деревне было не слишком много?

— Семь, включая отца Атара. Он умер без малого три года назад, еще до моего возвращения, от давно точившей его хвори. Так же Торак утонул в реке, Сара и Тулур умерли в свой черед, от старости. Гед, Харгат и Нара — трое охотников, погибших, когда мы убили последнего из черных медведей. Вроде все, — Тенро задумался, после чего утвердительно кивнул. — Точно.

— Тогда точно нужно будет взять несколько местных с лопатами, — фыркнул Лаэrrэ. — Я не собираюсь спину гнуть, да и долго копать нам некогда. Источник, то, что привлекло духов — гораздо важнее, чем забота о тех, кто сам не хочет заботиться о себе.

— Я принял решение, — видимо Митр был главным в этой троице. — Завтра мы пойдем на кладбище, а как поступить потом — подумаем после. Охотник...

— Да?

— Ты сильно устал?

— Не очень, — Тенро, действительно, не чувствовал усталости — долгие прогулки были ему не в новинку.

— Тогда ты и Кира — дежурите первыми. — Митр не хотел искушать судьбу и отправлять наэрца с одним из «черных стрел», поэтому его выбор пал на другую ищущую. — Как стемнеет — обходите деревню, проверяйте часовых. Потом мы с Лаэrrэ вас сменим, а на рассвете отправимся в путь.

— Вы останетесь здесь?

— Твой отец дал нам приют, — утвердительно кивнул Митр. — Ты против?

— Нет, — покачал головой Тенро. — Комнаты наверху, я провожу.

Первым, ступив на знакомо скрипнувшую лестницу, охотник повел гостей в жилые комнаты. Их было всего четыре — одна принадлежала родителям Тенро, одна ему самому и имелось еще две: гостиная и сейчас заваленная всяческим хламом запасная спальня. Последнюю можно было не учитывать, так как разгребать валявшееся в ней барахло пришлось бы до утра.

— Много охотишься? — Кира обратила внимание на медвежью голову, закрепленную на треугольном щите, прибитом к стене. Рядом разместился лосиный череп с ветвистыми, раскидистыми рогами, несколько волчьих голов, лисья, и еще две ранее принадлежавших

вепрям.

— Это отец, — не оборачиваясь, ответил охотник.

— А где твои трофеи?

— Их нет, — пожал плечами Тенро. — Я не вижу в этом смысла.

— Головы моего народа не слишком вписываются в уютную обстановку деревенского домика? — незамедлительно съязвил Лаэртэ, кончиком пальца попробовав остроту кабаньих клыков. — Или же здесь попросту не хватит места, чтобы вмесить их все?

— Уж для твоей-то я точно отыщу свободную стену, — не выдержав, Тенро резко развернулся. Когда пальцы охотника сомкнулись на рукояти ножа, сверху на его руку неожиданно быстро легла теплая ладонь Киры.

— Не нужно, — мягко произнесла девушка.

Несколько мгновений Тенро, стиснув зубы, свирепо смотрел в золотистые глаза явно насмехающегося над ним наэрца, после чего убрал руку от ножа.

— Очень благоразумн...

— Замолчи, Лаэртэ. — Митр сказал это так жестко и властно, что наэрца, которого он бесцеремонно перебил, поперхнулся на полуслове.

Заметив в глазах Лаэртэ мимолетный страх, Тенро вдруг понял, что сын Леса, действительно, побаивается ищущего и, видимо, у него на это были причины — осанка и манера держаться выдавали в Митре весьма опытного и сильного воина, а навыки, которые он приобрел как ищущий, делали его смертельно опасным противником.

— Вы можете разместиться в одной из комнат, в ней никто не живет и там есть две кровати. Ее использовали, как гостевую, — отвернувшись, Тенро поднялся на второй этаж и указал спутникам на приоткрытую ссохшуюся дверь. — В комнате давно никто не живет, да и мы с отцом туда не заглядываем. Там пыльно, зато тепло и есть крыша над головой. Можете спуститься вниз и взять шкуры, чтобы постелить сверху. Они лежал на скамье у стены, что напротив входа, прямо под этой лестницей. Есть, кстати, хотите?

— Мы не голодны, — за всех ответил Митр, первым направившись в указанную охотником комнату. Обернувшись в дверях, он позвал:

— Лаэртэ — ты со мной.

Когда понурый наэрца скрылся из виду, ищущий обратился к Тенро:

— Спасибо за гостеприимство. Когда придет время, мы сменим вас. — Не говоря больше ни слова, Митр плотно закрыл за собой дверь.

— А где буду спать я? — Кира огляделась.

— Со мной, — просто ответил Тенро, слабо улыбнувшись, когда брови девушки удивленно поползли вверх. Впрочем, ищущая вполне могла разрядить в него арбалет, так что охотник счел нужным пояснить свои слова:

— Гостевую заняли Митр и твой чрезмерно злоязыкий приятель. Отец, когда вернется, уйдет к себе. Разумеется, я могу открыть тебе комнату, которую мы используем как кладовку, но придется спать на мусоре в пыли. Я же предлагаю уступить тебе свою кровать, если ты не против. Еще можешь остаться внизу...

— А ты сам как же? — Кира нехорошо прищурилась

— Посплю на полу. Скоро стемнеет, так что отдыхать нам не долго. Если тебе что-то не нравится, я могу остаться внизу, — снова предложил охотник.

— Не стоит. Но, нужно ли мне говорить, что если ты задумал какое-то непотребство, я убью тебя, несмотря на гостеприимство?

— Я не настолько отчаялся, — хмыкнул мужчина и повел спутницу в свою комнату.

Пройдя по узкому коридору, Тенро остановился, открывая незапертую дверь и пропуская ищущую вперед.

— Не очень-то просторно, — девушка мгновенно оценила узкую и немного вытянутую в длину комнату: простые бревенчатые стены, единственным украшением которых служила пара крючков для одежды, заваленный шкурами пол и грубо сколоченная кровать под одним на все помещение окном.

Рядом с кроватью стояла сейчас пустующая стойка для оружия, на которой сиротливо висели два колчана со стрелами.

— Это деревня, — дождавшись, когда гостя войдет в его скромное жилище, Тенро прошел следом, прикрыв дверь. — Мы с отцом — охотники. Времени дома проводим мало, только спим, так что легко обходимся тем, что имеем.

— М-м-м, — ищущая пересекла комнату, остановившись у кровати.

Девушка сбросила плащ, повесив его на спинку и, щелкнув застежками, сняла нагрудник. Разоружившись, Кира осторожно легла на кровать, словно та могла взбрыкнуть и сбросить ее с себя.

— Удобно? — Когда Тенро подался вперед, ищущая мгновенно напряглась.

— Спокойнее, я просто хочу зажечь лучину, скоро станет темно, — охотник кивком головы указал на тонкие и длинные сухие щепки, разложенные на потрескавшемся подоконнике.

— Свет не нужен, — немного успокоившись, Кира покачала головой. — Ложись спать, я разбужу тебя, когда настанет время.

— Как скажешь, — Тенро предпочел сделать вид, что не заметил, как шевельнулись шкуры и не услышал мягкого шелестящего звука, с которым, должно быть, вернулся в ножны кинжал девушки.

Охотник не стал раздеваться. Не снимая с лука тетиву, он положил оружие вдоль стены, присовокупив к колчану ножны с наэрскими клинками.

Растянувшись прямо на расстеленных на полу шкурах, Тенро закутался в свой плащ и закрыл глаза. Он слышал, как стараясь не шуметь, наверх поднялся его отец, чью тяжелую поступь мужчина не мог спутать ни с какой другой. Судя по шагам, Ульн остался внизу. Возможно, он решил вернуться к Кирану, а ведь Тенро совершенно забыл спросить его о состоянии парня и его сестры.

Как бы то ни было, бывший следопыт сейчас не мог думать ни о чем другом, кроме как о напасти, столь внезапно обрушившейся на родную деревню. Поначалу охотник боялся, что не сможет уснуть, но последствия не самого легкого из прожитых им дней, дали о себе знать. Слушая мерное дыхание ищущей, мужчина и сам довольно быстро уснул, напоследок подумав, что так и не навестил Милу.

* * *

На этот раз Тенро снился поход совместных сил людей и наэрцев в Застывший лес. Объединенная армия пересекла реку Лориан, близ города Вортин и прошла по узкому ущелью, между Вороньими скалами и западными склонами Королевского кряжа.

Целью похода являлось вторжение в Застывший лес, земли духов и создание там

опорного форпоста.

Сам Тенро был приписан к первому передовому полку, состоявшему преимущественно из людей. Следопыт одним из первых ступил на безжизненные земли духов. Тогда он впервые увидел Застывший лес и сразу же понял, отчего ему дали название, как нельзя подходящее для этого мрачного места. Все здесь угнетало, давило не только на разум, но, казалось, и на саму душу.

Кровь стыла в жилах воинов, а с их губ срывались облачка пара, растворяясь в холодном воздухе. Потемневшие стволы деревьев с гниющей, но не опадающей с изломанных ветвей листвой окружали вторгшихся в эти земли. Под ногами сухо шелестела покрытая инеем серая трава, почти сокрытая туманом, мягко стелящимся везде, насколько хватало глаз.

Туман, казалось бы, с каждым шагом подступал все ближе и ближе, сковывая сердце своими ледяными оковами. Сюда почти не попадали солнечные лучи, а хмурое небо висело так низко, что вот-вот могло задеть тугими животами медлительных туч, за острые, направленные вверх сучья.

Но, самым пугающим являлось то, что этот лес был полностью лишен звуков — даже топот многочисленных шагов почти мгновенно растворялся во всепоглощающей тишине. Приказы командиров казались замогильным шепотом и многие воины забормотали молитвы Альтосу но, скорее не для того, чтобы милостивый бог-создатель защитил их, а хотя бы потому что людям нужно было услышать хоть какой-нибудь звук, чтобы понять, что сами они все еще живы.

В первый же день передовой отряд значительно углубился в Застывший лес, и на второй им удалось пройти почти столько же.

Тишина вокруг выжидала, словно забавлялась с теми, кто все глубже и глубже входил в расставленную ей ловушку.

Люди и наэрцы все чаще замечали скользящие между осклизлых стволов тени, и всем им казалось, что кто-то смотрит на них из лениво переливающегося тумана. Под вечер второго дня отряд вышел на открытую поляну и командующий полком принял решение основать первый гарнизон именно здесь.

Повинуясь приказу, воины принялись возводить частокол, срубая мертвые деревья и содрогаясь, после каждого удара топора — в том месте, где лезвия касались дерева, выступала черная жидкость, очень похожая на кровь, но холодная, словно лед.

Туман начал медленно сгущаться, и командующий бросил почти все силы на возведение частокола и баррикад. Уставшие и подавленные воины взялись за работу. В результате удалось возвести неполную линию укреплений, надежно закрывающую солдат с трех сторон. Оставшуюся сторону решено было укрепить заостренными, врытыми в землю кольями и наскоро сколоченными щитами.

Воины нервничали, чувствуя, как кто-то смотрит на них из темноты, из-за неровной границы света, что давали сухо потрескивающие факелы.

Все началось, когда время будто бы застыло точно посередине между полночью и рассветом. Со стороны, где велись вырубки, послышались сдавленные крики и звон оружия. Вопреки всеобщим ожиданиям, командир, видимо по совету одного из сопровождающих полк ищущих, велел трубить общий сбор, призывая всех вернуться за укрепления.

Несший вахту на наскоро собранной вышке, Тенро видел, как в неясном ночном свете беспорядочно бегут солдаты. Многие пытались оказывать сопротивление, прикрывая отступающих сослуживцев. Но сутулые силуэты измененных выскакивали из сгущающегося

тумана, хватали своих жертв и утаскивали обратно.

Ночь огласил ужасающий хор криков боли и отчаяния, а иней на неподвижной траве окрасился в алый цвет.

Когда туман подступил к укреплениям, за которыми собрались уцелевшие, Тенро увидел, как к стенам неровными скачками движутся прекратившие скрываться измененные. Их серые лица с горящими глазами искажали гримасы злобы, а удлинившиеся острые клыки тускло мерцали в свете факелов.

Выругавшись, разведчик натянул свой лук и выпустил стрелу, угодившую точно в разинутую пасть ближайшей твари, как раз приземлившейся на открытое место перед частоколом. Только оттолкнувшись ногами от земли измененный, дернул конечностями, когда стрела, скользя по зубам, впиалась ему в небо и повалился навзничь.

Но Тенро уже не смотрел в сторону поверженного противника. Он выпускал стрелы одну за другой в приближающиеся к укреплениям фигуры. Рядом со следопытом, сыпля отборной руганью, отстреливался совсем молодой паренек, имя которого Тенро так и не запомнил.

Вдвоем они сразили более дюжины тварей, прежде чем те достигли стен.

Один из измененных стремительным прыжком влетел на вышку, приземлившись на доски над головами лучников.

— Наверх... — договорить напарник Тенро не успел — когтистая лапа пробила нетесаные доски и сгребла парнишку за горло. Забив ногами, тот едва не разбил бросившемуся на помощь Тенро лицо, но измененный мощным рывком буквально выдернул парня вверх и хриплый крик сменился отвратительным бульканьем. С неровно обломанных досок закапала кровь.

Поняв, что оставаться на вышке, значит умереть, Тенро проворно спрыгнул вниз. Едва коснувшись ногами земли, он откатился в сторону, потеряв при этом несколько стрел и едва не повредив лук.

За спиной разведчика что-то тяжело упало и он, бегло оглянувшись, увидел тело своего напарника с разорванным горлом. Глаза парня остекленели, их стремительно начала завлакивать тьма, после чего зрачки начали разгораться ярким огнем.

— Проклятье! — вскочив, Тенро бросился за укрепления.

От частокола, во все стороны, полетели зажженные факелы. Почти сразу же запели стрелы одна из которых едва не отправила Тенро на тот свет, отчетливо чиркнув по его кожаному наплечнику и оставившая на нем глубокий след.

Пригибаясь к холодной земле, разведчик бросился к стенам. Слева, где находилась вторая дозорная вышка, раздался громкий, сразу же оборвавшийся вопль.

Услышав за спиной шорох, Тенро и не подумал оборачиваться, ускорив темп. Легкие обожгло огнем, но мужчина бежал что есть сил, пока не нырнул за спасительный частокол, миновав вкопанные в землю колья.

В потемках он едва сам не налетел на заточенные острия, но, в последний момент, в свете чьего-то факела смог избежать столь несуразной смерти. Сильные руки ухватили разведчика за плечи и лишь тогда он остановился.

— Сколько их?!

— Не знаю, но очень много!.. — стараясь выровнять дыхание, ответил Тенро, узнав одного из ищущих.

— Ясно, — странно, но немолодой мужчина в плаще, украшенном символами Альтоса,

умудрялся сохранять хладнокровие даже в подобной ситуации. — Займи место в строю, воин.

Только сейчас Тенро увидел, что прямо за укреплениями замерли две шеренги солдат. Первый ряд опустился на колени, держа в руках взведенные арбалеты, а бойцы второго, вооруженные луками, стояли в полный рост. Лучники на стенах уже вовсю стреляли по смыкающемуся вокруг частокола кольцу тумана, откуда нескладными тенями выскакивали измененные. Некоторые принялись штурмовать стены, но большинство бросилось к единственному входу.

— Залп! — Рывкнул командир, когда первые серые тела со всего маху налетели на заточенные колья.

Сухие щелчки арбалетов и звонкое пение луков сплелись воедино и стрелы, вперемешку с болтами, ударили в серую массу тел.

Пока арбалетчики, отойдя за спины второго ряда, принялись перезаряжать свое оружие, лучники продолжили стрелять, теперь уже не дожидаясь команды.

Пронзенные стрелами измененные падали на землю, но другие твари лезли вперед прямо по их трупам и вскоре ограждение из острых кольев «утонуло» под телами нападающих.

Едва не придавив Тенро, со стены упал солдат. Голова бедолаги отделилась от тела, и теперь кровь хлестала из ужасной раны, которой заканчивалась шея.

Вскинув лук, Тенро выпустил стрелу в измененного, как раз готовящегося спрыгнуть со стены вниз. Тварь, одетая в броню пехотинца, беззвучно взмахнула когтистыми лапами и рухнула куда-то за стену, но две другие сразу же вскочили на ее место.

Один из измененных получил стрелу в грудь и, не устояв на ногах, слетел с частокола. Когда Тенро потянулся за второй стрелой, то его пальцы не нащупали ничего, кроме пустоты. Отбросив бесполезный теперь лук, Тенро выхватил клинки и зарычал, словно загнанный в угол зверь.

— Никогда не сдаваться!

* * *

— Не мог бы ты убрать это? — слегка сдавленно прошептала Кира, когда вроде бы мирно спавший мужчина, вдруг подсек ей ноги и быстро подмяв под себя, приставил к горлу охотничий нож, свободной рукой перехватив запястье и не позволяя воспользоваться собственным оружием.

Услышав вроде бы знакомый голос, Тенро несколько раз моргнул. Только сейчас он понял, что спал и теперь, когда остатки сна стремительно покидали его разум, он оценил происходящее.

— Прости, — убрав оружие от шеи девушки, охотник встал и помог ей подняться.

— Мучают кошмары? — Внимательный взгляд Киры был прикован к глазам охотника и тот, слегка сконфуженно кивнув, ответил:

— Война не хочет меня отпустить даже здесь.

— Понимаю, — отступив на шаг, Кира убрала в ножны кинжал и потерла запястье. — Ты что-то бормотал, я подошла ближе и вот... у тебя крепкая хватка. — Она немного сконфуженно хмыкнула.

— Прости, — еще раз извинился охотник. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Ничего... только не говори брату и Лаэртэ, — вдруг попросила Кира, и когда Тенро вскинул бровь, виновато улыбнулась:

— Тебя удивляет моя просьба или то, что Митр мой брат?

— Ни то ни другое. Вы с Митром похожи, — Тенро отметил, что Кира выглядит еще красивее, когда улыбается. — Я ничего не скажу им.

— Неловко, что со мной справился обычный человек, пусть и служивший в «черных стрелах». Ты так спокойно спал, что я решила проверить, все ли в порядке и вот как все обернулось.

— Не беспокойся, я не скажу им. Нам пора?

За окном уже было темно, а на подоконнике горела лучина. Видимо Кира зажгла ее, когда проснулась.

— Да. Пора.

Сборы не заняли много времени и вскоре Тенро вместе с ищущей уже стояли на крыльце. Проснувшийся Ар лишь взглянул на людей, слабо вильнув хвостом, видимо в знак приветствия, после чего продолжил спать, явно не желая уходить с нагретого места.

— Он не кусается? — Неожиданно спросила Кира, опускаясь перед волком на одно колено. Хищник сразу же открыл глаза.

— Ну, — Тенро поправил перевязь с клинками. — Все зависит от того, как быстро ты бегаешь.

— Я серьезно, — она не выглядела обиженной, и голубые глаза смеялись. В слабом свете луны девушка была поразительно красива, и охотник невольно залюбовался ей.

Спохватившись, он сказал:

— Ар не тронет никого, кто не желает вреда мне или ему самому. Просто дай ему себя обнюхать.

— Вот так? — Девушка протянула волку руку и тот, приподняв косматую голову, тщательно обнюхал тонкие пальцы, после чего лизнул ладонь ищущей.

— Теперь вы друзья, — хмыкнув, Тенро наблюдал за удивленной девушкой. — Можешь его погладить.

Та, кто не раз бесстрашно вступала в бой с измененными, сейчас очень осторожно потянулась рукой к макушке волка, словно боясь, что сейчас зверь сомкнет на ее ладони свои внушительные клыки.

Но ничего подобного не произошло и Ар, как ни в чем не бывало, положил голову на передние лапы, прикрыв глаза. Глубоко вдохнув, Кира медленно опустила ладонь между острых ушей волка и несколько раз провела ей из стороны в сторону.

Ар еще раз вильнул хвостом и, решив на этом, что с него достаточно проявлений вежливости, снова заснул.

— Не очень-то он общительный, — с легкой досадой произнесла Кира, поднимаясь на ноги. — Прямо, как и его хозяин.

— Он привык спать ночью. Попробуй подойти к нему днем, — Тенро пропустил колкость мимо ушей.

Если не считать одежды, то Кира казалась ему обычной девушкой. Не деревенской простушкой, естественно, но и не фанатичной ищейкой на службе жрецов. Однако было в ней что-то, что располагало охотника к Кире. Возможно он, за два года проведенных дома, впервые встретил человека кроме отца, который понимал его. Понимал по-настоящему.

— Ясно. — Ищущая мгновенно стала серьезной. — Пойдем. Следует обойти деревню и проверить дозоры.

— Как скажешь, — пожав плечами, Тенро зашагал рядом с девушкой.

Они шли молча, слушая тихое завывание ветра и едва различимый шелест листвы. Хотя по звездному небу и плыли частые, пышные облака, но лунного света вполне хватало, чтобы не зажигать факел.

Почти вся деревня была погружена в мирный сон, словно ничего не угрожало ее жителям. Мало кто из местных в полной мере представлял, что за угроза скрывается сейчас за частоколом, крадучись в мягких всполохах тумана.

Когда охотник и ищущая приблизились к воротам, то сразу же увидели могучего Тугра. Кузнец, как всегда не снявший свой фартук, стоял у ворот, сжимая в руках внушительный молот.

— Не спится? — прогудел Тугр, заметив приближающихся людей. — Или у вас это, свидание под луной? — Он хмыкнул, явно довольный своей шуткой.

— Лучше бы это было действительно так, — ответ Киры немного озадачил охотника, и он с удивлением взглянул на спутницу.

Ищущая тем временем легко поднялась на дозорную вышку и безжалостным пинком разбудила прикорнувшего там мужчину.

— Какого?!.. — судя по голосу, заснувшим на посту оказался не кто иной, как Пагрид.

— Легко ли спать, когда от твоей бдительности зависят десятки жизней? — неожиданно зло спросила Кира.

— Дык никого же нет, вот я и... — мужчина явно пытался оправдаться, отчего-то ступешавшись перед девушкой.

Присмотревшись, Тенро разглядел причину, по которой непутевый дозорный оказался столь вежлив и учтив — узкий кинжал ищущей многозначительно уткнулся прямо в его объемистый живот.

— Если хочешь спать — попроси, чтобы тебя сменили, — сквозь зубы процедила Кира, убирая оружие и вглядываясь в ночь за частоколом. — Но не вздумай засыпать. Это может плохо кончиться, — она на мгновение замолчала, после чего добавила:

— Для всех нас. Это понятно? — Ищущая сверху вниз взглянула на кузнеца и, когда тот поспешно кивнул, легко прыгнула с вышки, оказавшись рядом с охотником:

— Надеюсь, твои соседи на оставшихся вышках более ответственны.

— Я бы не надеялся, — безрадостно заметил Тенро, сразу же поймав недовольный взгляд кузнеца.

— Вот и проверим, — Кира уверенно двинулась вдоль частокола, и охотник поспешил за ней. Девушка шла уверенной, пружинистой и грациозной походкой, двигаясь довольно быстро и почти бесшумно. Она, время от времени, останавливалась, вслушиваясь в происходящее за стеной — но все было тихо. Когда они дошли до следующей вышки, им сверху помахал рукой Атар.

— Не устал? — спросил у паренька Тенро, но тот лишь помотал головой и охотник, улыбнувшись и лукаво прищурился, поинтересовался:

— Не до сна, когда бережешь сон любимой, да?

— Скажешь тоже, — невнятно пробормотал Атар.

Темнота скрывала лицо молодого дозорного, но Тенро готов был поспорить — парень смутился и покраснел.

— У меня здесь все тихо и спокойно, — парень поспешно перевел неудобную для себя тему разговора. — Подниматься будете?

Видимо слова Атара не убедили Киру, и та ловко полезла наверх, чтобы осмотреться. И в этот раз подозрения ищущей не оправдались — дышавший тишиной лес равнодушно встретил ее пристальный взгляд.

— Будь настороже, — строго наказала дозорному Кира, прежде чем спуститься.

— Он не подведет, — негромко сказал Тенро девушке, когда они немного отделились от вышки. — Атар ответственный и хороший парень.

— Тем хуже будет, если он погибнет. — С того момента, как они отошли от дома, ищущую будто кто-то подменил — теперь она смотрелась еще более холодной, чем в первую их встречу и напоминала рассерженную черную кошку.

Так и не начавшийся разговор прервался.

Тенро показалось, что его спутница на что-то злится и, пока он не смог понять на что именно, предпочел помалкивать. Свою злость Кира сполна выплеснула, забравшись на третью по счету вышку, обращенную на юг. Там она обнаружила мирно посапывающего брата Пагрида — Вароша, который спал в обнимку с мутной бутылкой.

— Поднимайся! — Прорычала ищущая, дважды наотмашь хлестанув ладонью по заросшему бородой лицу дозорного. Вырвав из рук мужчины бутылку, она швырнула ее за частокол и, когда раскрывший сонные глаза Варош начал протестовать, сильно ударила его ребром ладони по горлу.

Забывший дышать мужчина сполз по невысокому борту вышки, надсадно хрипя и тараща покрасневшие глаза.

— Попробуешь уснуть еще раз — убью лично. Уяснил? — Видимо для пущей убедительности, Кира выхватила кинжал и с поразительной скоростью вогнала его в доски рядом со щекой вздрогнувшего мужчины.

Едва покосившись на лезвие, Варош судорожно закивал, сляясь промямлить что-то вразумительное.

— Клянусь, если на последней вышке я увижу спящего деревенщину — выброшу его за частокол! — возмущенно произнесла ищущая.

Тенро не стал говорить ей, что, скорее всего, именно так и произойдет. Он лишь с укоризной покосился на пытающегося встать Вароша и покачал головой, когда тот вытянул из-за пазухи еще одну бутылку.

Словно прочитав недобрые мысли охотника, дозорный поставил заначку в угол вышки и, выпрямившись, начал всматриваться вдаль. Или просто делал вид, что всматривается.

— Чем только думал твой отец, когда выставял таких дозорных? — Не унималась возмущенная Кира. — Вокруг могут сновать измененные, а эти олухи спят на постах. Уму непостижимо!

— Простой ночью в дозоре стояли они же, значит днем — отсыпались, пока остальные работали. Вот и вышли снова в ночной дозор. Большинство местных не видели ничего страшнее лесных зверей, а они по частоколам не лазят. Вот мужики и расслабились...

— Это их не оправдывает.

— А я и не пытаюсь оправдать их. — Возразил ищущей Тенро. — Даже я не думал, что к дозорам отнесутся так наплевательски. Отец воевал против наэрцев и не знает, что из себя представляют измененные. Он видимо решил, что раз уж ищущие здесь, то и беспокоиться уже не о чем.

— Но ты же знаешь, что это не так, — что-то в глазах Киры изменилось и охотнику на миг показалось, что он заметил промелькнувший в них страх.

— Не думал, что тебя это так волнует, — медленно произнес Тенро, тщательно подбирая слова. — Обычно ищущие — другие. Как правило, у каждого из вас есть свое задание, и вы выполняете его любой ценой. Один из ваших, как-то, пожертвовал едва ли не полком, пытаясь пробиться в пещеры, где-то в глубине Застывшего леса.

— Аремий Грис, — Кира назвала имя того самого ищущего, о котором говорил охотник. — Один из старших адептов ордена Ищущих. Отправился в Застывший лес в поисках первопричины изменения.

— И сгинул там вместе со всеми воинами. — Безжалостно закончил Тенро. — И он не первый и не последний ищущий, пренебрегающий обычными людьми. Я видел немногих из ваших, но этого мне хватило, чтобы понять, как вы работаете.

— Разве увидев одного человека можно судить о многих? — Губы девушки тронула грустная улыбка. — Я просто не хочу, чтобы это снова повторилось...

— Повторилось что? — До восточной вышки идти было довольно далеко, так как Зеленые поляны имели вытянутую в длину форму, поэтому Тенро решил поддержать разговор, чтобы скоротать время.

К тому же ничего вокруг не предвещало беды.

— Я... — едва начав, Кира запнулась и испытывающее взглянула на охотника, словно решая, можно ли довериться ему. Наконец, тяжело вздохнув, девушка продолжила:

— Я родилась в деревушке, похожей на эту, близ Тариса. Мало что помню из прошлого. Теперь, та моя жизнь, кажется счастливой сказкой. Счастливой, но не долгой.

Кира замолчала, и Тенро не стал расспрашивать ее. Он просто пошел рядом. Спустя более двух десятков шагов, ищущая заговорила вновь:

— Все произошло внезапно. Меня разбудила мама. Она была испугана и вся в слезах. За окнами кричали люди. Мне стало страшно. Мама начала одевать меня, успокаивать. Я тогда еще подумала, отчего ее руки такие холодные и сильно дрожат. Мы выбежали на задний двор и она посадила меня на лошадь, к брату. Из дома доносились какие-то звуки, что-то падало и кто-то кричал, кажется, отец. Я заткнула уши, чтобы не слышать ужасных воплей, доносящихся со всех сторон. Я не разобрала, что сказала мама мне и брату сквозь слезы. Митр рванул поводья, и мы поскакали прочь, быстро-быстро. Все что я помню — удаляющееся мамино лицо и расплзающееся по ее платью алое пятно. И наш дом... он горел, как и вся деревня.

— Наэрцы, — Тенро стиснул зубы.

Разведывательные отряды детей Леса нередко нападали на ближние к границе деревни и маленькие города, точно так же, как и люди разоряли их земли. Для клыков войны безразлично, чья кровь льется на землю.

— Наэрцы... — эхом повторила Кира и вдруг осеклась. — Давай сменим тему.

Это прозвучало, словно скрытая угроза и Тенро не стал спорить. В конце концов, он знает эту девушку всего ничего, так что она не обязана изливать душу. Хотя, признаться, охотник бы с интересом выслушал ее историю.

Но все вышло совсем не так.

— Что тебе снилось? — Неожиданно спросила девушка.

— Война, — охотник не собирался ничего скрывать. Кира не казалось несмышленной, так что сама уже наверняка догадалась, какие сны могли мучить того, кто отдал битвам

двенадцать лет своей жизни.

— Мне показалось, что ты прошептал слово «лес» во сне. Вряд ли что-то могло случиться здесь, что так вьелось бы тебе в память и не давало бы покоя даже во сне. Ты ведь имел ввиду Застывший лес? Был там?

Как и думал Тенро, Кира была догадливой. Девушка полностью оправдала его ожидания, оказавшись, к тому же, и любознательной, что, вкупе с дотошностью делало из нее просто великолепного дознавателя. Один вид ищущей сразу же дал понять Тенро, что он так просто не отделается.

— Передовой отряд. Первое вторжение.

— А ты не только умелый воин, но еще и крайне везучий. Сколько вас выжило? Сотня?

— Чуть больше. — Тенро говорил неохотно, всем своим видом демонстрируя, что эта тема ему неприятна. Прошлое и так слишком часто давало о себе знать, чтобы ворошить его еще и умышленно, а уж ту кровавую бойню в ночном лесу, Тенро предпочел бы и вовсе навсегда выкинуть из памяти.

— Чуть больше сотни, от полного состава в полторы тысячи. Ты полон неожиданностей, лесной охотник. — Кажется, разговор немного отвлек Киру от происходящего и она заметно повеселела, сбросив давящее на нее напряжение. — Кстати, ты ведь носишь мечи наэрцев не для красоты, так? Где обучился сражаться двумя клинками, да еще и такими? В нашей армии такому не учат.

— Долгая история. Если коротко — последние два года мне довелось воевать бок обок с детьми Леса. Один из них и научил.

— Два года... ты быстро схватываешь.

— Приходится, особенно если от этого зависит твоя жизнь, — сухо произнес Тенро. — Я постоянно тренируюсь и... ты ничего не чувствуешь?

Кира мгновенно замерла, и напускная веселость облетела с нее быстрее, чем снег с потревоженных ветром ветвей:

— В чем дело? — одними губами спросила она, жадно ловя каждый звук.

— Не знаю. Просто неприятное предчувствие. — Охотник достал лук и положил на тетиву стрелу. — Знаешь, когда бродишь по лесам наэрцев более пяти лет, начинаешь кожей ощущать, когда кто-то из них, прячась в засаде, готовится в тебя выстрелить. Зачастую это просто отголоски страха, но лучше довериться чувствам, чем оказаться мертвецом.

— Что-то случилось? — Охотник и ищущая подошли к восточной вышке достаточно близко, чтобы дежуривший на ней Дигор увидел их.

Рядом с лесорубом показалась Сигда. Женщина выглядела взволнованной и сжимала в руках взведенный самострел.

— Это вы нам скажите, — Тенро опустил лук. — Видно что-нибудь?

Сигда резко развернулась, вскидывая самострел, но не выпустила стрелу, ничего не увидев перед собой. Ночь была тихой и безмолвной. В воцарившейся тишине отчетливо прозвучал резкий звук, словно стекло ударилось о что-то твердое.

Где-то у главных ворот громко взвыл волк.

— Это на юге! — Кира первой бросилась к вышке, на которой остался Варош.

— Сигда, — беги к моему отцу. Пусть бьет в колокол! — Тенро рванулся было следом за ищущей, но его остановил нервный оклик Дигора:

— А если ничего не произошло? — Облизнув пересохшие губы, спросил лесоруб, и по его взгляду было понятно, что мужчина всей душой надеется на нечто подобное. Недавно

пережитая смерть Грика и Рута оставила на душе Дигора глубокий отпечаток.

— Лучше бы так оно и было, — оставив лесоруба, Тенро побежал к южной вышке. За спиной он слышал торопливые отдаляющиеся шаги — Сигда последовала его словам.

Кира двигалась поразительно быстро — ее черный плащ мелькал уже в нескольких десятках шагов от охотника, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы догнать ищущую. Это удалось охотнику, когда они почти достигли вышки.

В пляшущем свете факелов Тенро увидел осколки мутного стекла, рядом с одной из опор. Бутылка упала сверху и, ударившись о дерево, раскололась.

— Пригляди, — девушка кивком головы указала Тенро на вышку, а сама, взяв в руку кинжал, скользнула к лестнице.

Охотник сразу же натянул тетиву, приготовившись стрелять и, не мигая, смотрел на вышку.

— Ох, не завидую я тебе, приятель, если ты снова уснул и уронил свою выпивку, — пробормотал Тенро, представив, что устроит Кира горе-дозорному, если обнаружит его спящим.

Разумеется, лучше бы так и было, но внутреннее чутье подсказывало охотнику, что все обстоит гораздо хуже. Он знал Вароша столько, сколько помнит себя самого. Когда Тенро был еще ребенком, старшего из этих двух братьев редко когда видели трезвым. И одно Тенро усвоил совершенно точно — Варош никогда бы не уронил свою выпивку. Никогда.

Однако когда Кира поднялась вверх — никто не пытался напасть на нее. Тенро уже собирався с облегчением вздохнуть и понаблюдать за казнью незадачливого пьяницы, но, выражение побледневшего лица ищущей заставило его вскинуть опущенный было лук.

— Что там? — спросил Тенро.

— Туман, — почти шепотом ответила Кира.

В деревне громко и тоскливо забил набат...

Едва Тэнро взобрался на вышку и взглянул на подступивший почти вплотную к частоколу туман, его сердце начало биться быстрее. Он оглянулся — в деревне яркими пятнами вспыхивали факелы, огненными дорожками устремляясь к дому старосты и колокол, гремящий над его крышей, не замолкал ни на мгновение.

Пока охотник отвлекся, Кира выхватила арбалет и разрядила его в темный силуэт, мелькнувший в тумане.

— На это уже нет времени. Туман слишком близко! Вниз, живо! — Тэнро подтолкнул девушку к лестнице, но ищущая тряхнула головой:

— Мы должны попытаться сдержать их...

— Нам не удержать стен, — невзирая на протесты ищущей, охотник оттеснил ее к лестнице, и Кире не оставалось ничего иного, кроме как спуститься вниз.

Спустя два удара сердца, Тэнро уже стоял рядом:

— Надо предупредить оставшихся дозорных. Они, наверняка, не додумаются оставить вышки. Ты беги к южной, а я к восточной, встретимся у дома!

— Хорошо, — едва успев договорить, Кира бросилась вдоль частокола, на ходу перезаряжая миниатюрный арбалет. Тэнро же, напротив, забросил за спину мешавший быстрому бегу лук и рванулся в том направлении, откуда недавно прибежал.

В ушах выл ветер и глаза предательски слезились, но охотник не замедлял темпа, стараясь не сбить дыхания. На бегу, он видел, как между бревен частокола начал тонкими струйками просачиваться туман. словно живое существо, он низко стелился по земле, расплзаясь все дальше и дальше.

— Дигор! — Крикнул Тэнро, стараясь перекричать гул не унимающегося колокола. — Дигор!

Над бортом башни показалось бледное лицо лесоруба. Мужчину била крупная дрожь и он никак не мог положить стрелу на тетиву, бестолково глядя на ходящие ходуном руки.

— Дигор! Быстрее слезай оттуда! — Нетерпеливо махнул рукой остановившийся под вышкой охотник.

— Они... они здесь... да?.. — облизнув побелевшие губы, спросил лесоруб и нервно улыбнулся.

Эта улыбка очень не понравилась Тэнро, точно так же, как и направленный в его сторону лук. Дигору все же удалось справиться с оружием, и теперь он целился прямо в грудь охотника.

— Ты чего? — оторопел Тэнро. Пусть руки лесоруба и тряслись, но промахнуться с такого расстояния он может и не суметь.

— Ты... ты ведь с ними, да? — Казалось, что Дигор не слышал ничего, кроме собственного голоса. — Ты специально сказал Сигде уйти, а сам теперь вернулся, когда я остался один. Это ты привел сюда туман! Принес его с войны, да? Но меня не проведешь, нет! Я не умру так, как Рут!

— Дигор, успокойся, — Тэнро сам старался говорить как можно спокойнее, перебирая в уме различные способы разрешения такой неудобной и неуместной ситуации. — Не мели ерунды, я...

Темный силуэт взвился над частоколом, легко преодолев внушительную высоту, и

приземлился на самый край вышки. Дигор хрипло вскрикнул и Тенро резко упал на бок. Только это и спасло ему жизнь — выпущенная лесорубом стрела впиалась в землю точно в том месте, где только что стоял охотник.

На вышке снова закричал Дигор, поперхнувшись своим собственным воплем. Тенро едва успел подняться, когда окровавленное тело лесоруба с глухим звуком рухнуло к его ногам. Подняв взгляд, Тенро встретился с яркими глазами измененного.

Варош оскалил длинные клыки и, зашипев, прыгнул на охотника.

Времени вытаскивать лук или клинки попросту не было. Тенро отшатнулся, наступил на подвернувшийся под ногу камень и начал заваливаться назад, проклиная злополучную судьбу.

Уже падая, следопыт рванул из-за пояса охотничий нож и выставил его перед собой как раз в тот момент, когда измененный навалился на него всем телом.

Мужчины рухнули на землю.

Тенро сильно ударился затылком, а в спину ему больно впился колчан со стрелами. Острые когти обожгли плечо и бок ледящей болью, но охотник, зло зарывчав, дернулся всем телом, сбрасывая с себя изменившегося Вароша, отличавшегося немалым весом.

По счастью, выставленный нож вошел твари точно в середину груди и порядком ослабил ее. Сбросив с себя противника, Тенро не дал ему возможности подняться, сразу же придавив своим весом к земле.

Вырвав из тела измененного оружие, охотник ухватил его левой рукой за волосы, потянув их назад, после чего несколько раз ударил клинком точно по обнаженному горлу.

Тенро бил снова и снова, но измененный, рванувшись всем телом, сбросил человека с себя. Одним прыжком он перемахнул через частокол и растворился во тьме. Тенро торопливо вскочил на ноги. Глаза заливала холодная черная кровь, и следопыт наспех стер ее рукавом. Стоило ему это сделать, как мужчина увидел, что его неспешно начинает окружать туман, постепенно поднимающийся все выше и выше.

Медлить было нельзя. Тенро бросился к вышке, где должно было лежать тело Дигора, надеясь, что лесоруб мог выжить. Туман поднялся уже выше щиколотки, но охотник отчетливо видел, что тела лесоруба нет на месте.

— Проклятье... — практически простонал Тенро, когда факелы на частоколе начали гаснуть один за другим.

Не испытывая больше судьбу, охотник бросился к дому.

Он не сделал и двух десятков шагов, когда мелькнувшая слева тень едва не сбила его с ног. Лишь безупречная реакция спасла мужчину от смерти или, что еще хуже, существования в виде измененного.

Беззвучно выскочивший из-за угла ближайшего к частоколу дома серолицый мужчина, едва не распорол горло Тенро своими удлинившимися когтями. Охотник взмахнул ножом, почувствовав, что задел плоть противника и сразу же добавил тому кулаком в челюсть.

Измененный, в силе превосходивший человека, легко выдержал удар и замахнулся в ответ.словно загнанный в угол зверь, Тенро изо всех сил рванулся вперед, столкнувшись с измененным и заставив его отступить на два шага, уперевшись лопатками в стену дома. Когти царапнули по руке, но не причинили серьезного вреда — спас наруч из дубленой кожи.

Ударом локтя охотник свернул заострившийся нос Дигора в левую сторону и неуловимо

быстрым движением пригвоздил его ладонь к стене охотничьим ножом.

Тенро едва успел отскочить, прежде чем Дигор сумел достать его свободной рукой. Измененный рвался вперед, но сталь, крепко засевшая в дереве, не желала его отпускать. Скользящая по лезвию серая ладонь наткнулась на упор рукояти, мешающий твари освободить конечность.

Видимо сообразив, что так до человека не дотянуться, Дигор беззвучно оскалился и мощным движением вырвал нож из стены.

Слишком поздно.

Тускло сверкнула сталь, и охотничий клинок упал на траву одновременно с головой измененного.

Тенро стряхнул с лезвия одного из наэрских мечей черные капли крови, после чего спрятал оружие обратно в украшенные гравировкой листовые ножны. Подобрал нож, охотник торопливо вытер сталь прямо о штанину и побежал к центру деревни, откуда доносились крики и шум битвы.

Возможно, окажись на месте Тенро кто-то другой, его бы тяготила мысль об убийстве односельчанина, но бывший разведчик «черных стрел» не чувствовал ничего подобного. По его душе привычно растекалась, казалось бы, позабытая пустота со стальными отблесками холодной ярости. Два года войны с измененными навсегда заставили мужчину усвоить одну простую истину — тот, кого подчинил туман перестает быть человеком и его уже никак не вернуть, а если попытаешься — скорее всего, сгинешь и сам.

Прошлое не желало выпускать Тенро из своих цепких объятий и теперь, когда ему началось казаться, что оно осталось лишь во снах, минувшее вернулось. Но, вместе с прошлым вернулся и сам Тенро — не обычный охотник из отдаленной деревни, а тот, кого наэрцы называли «стириат леар» — ночной убийца.

Обычная походка Тенро изменилась, теперь он бежал стремительно, низко пригибаясь к земле и стараясь всегда держаться в тени. Не замедляя шага, мужчина запрыгнул на телегу, стоящую рядом с покосившимся хлевом, в стенах которого беспокойно хрюкали свиньи.

С телеги Тенро ловко перебрался на крышу, в три широких шага пересек ее и перепрыгнул на край широкого навеса, соединяющего хлев и дом и полностью накрывающего просторный двор между ними.

Спустя несколько мгновений, Тенро уже стоял на крыше дома, откуда прекрасно видел, как жители Зеленых полян покидают свои жилища, устремляясь к дому старосты. В глазах людей ясно читался страх, дети плакали, женщины пытались их успокоить, а мужчины только крепче сжимали то, что подвернулось им под руку перед выходом — уступы, лопаты, топоры или вовсе, обычные палки. Некоторые вооружились луками и факелами. Что и говорить — это напуганное, несобранное и кое-как одетое воинство не могло противостоять измененным, даже если тех окажется не много.

Самым здравым решением было уходить одному, но Тенро резко потрянул головой, отгоняя эту мысль. Он не бросит отца и беззащитных жителей, какими бы упрямыми они не были, потому что сам точно такой же упрямец. К тому же с ними ищущие и это давало хоть какой-то шанс на спасение.

Краем глаза охотник заметил, как от частогокола отделился темный силуэт и, почти сокрытый туманом заскользил вглубь деревни. Тенро действовал скорее инстинктивно, чем расчетливо.

Миг и тугой лук уже оказался в руках следопыта, а оперение стрелы робко коснулось

небритой щеки. Нанесенные недавно раны отозвались болью, но охотник не обратил на нее внимания. Сейчас для него существовала лишь его цель, а сам он обратился смертью, что нетерпеливо подрагивала на кончике стрелы.

Измененный, чье лицо охотник не мог разглядеть, то появлялся среди рваных клочьев тумана, то исчезал в них, словно растворяясь. Когда сутулая фигура показалась вновь, чтобы почти сразу исчезнуть, Тенро взял упреждение и выпустил стрелу. Она тонко пропела в ночном воздухе, с влажным шлепком вошла во что-то мягкое. Клочья тумана всколыхнулись, и охотник выпустил туда еще две стрелы, после чего все стихло.

Быстро оглядевшись, Тенро увидел, как к дому, на чьей крыше он расположился, длинными и высокими скачками движется еще один измененный.

На миг он скрылся под навесом, избежав стрелы охотника, и почти сразу выпрыгнул с другой стороны, без труда оказавшись на крыше. Прежде чем выстрелить практически в упор, Тенро узнал в нападавшем одного из разбойников, которых он с отцом и Ульном повстречали по дороге домой.

В груди и пустой глазнице измененного засели обломки ранее убивших человеческую оболочку стрел. В единственном уцелевшем глазу плескался океан ярости, искрящийся неуправляемой злобой — Тенро, недолго думая, вогнал в него стрелу.

Сложившееся пополам тело соскользнуло с крыши, тяжело рухнув где-то рядом с хлевом. Охотник спрыгнул следом, приземлившись точно на грудь твари и услышав, как под его сапогами противно хрустнули ломающиеся ребра. В ноздри мужчины ударила вонь разложения, когда остатки воздуха с шумом вышли из груди мертвеца, но скверный запах быстро развеялся, когда Тенро быстро побежал туда, где не умолкая звонил колокол.

Кто-то пронзительно закричал совсем рядом. Едва не упав, охотник развернулся и бросился к покосившейся калитке — единственному проходу через ветхий забор, огораживающий один из домов, которому лет было, едва ли не больше, чем самой деревне.

Здесь жила Гаира, наверное, единственная, кто мог по возрасту сравниться со сварливым Микраном. Пожилая женщина жила одна, редко появляясь на людях. В основном за ней ухаживала Линна и ее дочь, да и сама старуха не особо радовалась каким-либо другим гостям.

Видимо, не обрадовалась и сейчас.

Ударом ноги распахнув слетевшую с жалобно скрипнувших петель калитку, Тенро ворвался в заросший бурьяном двор и в три прыжка оказался напротив входа в дом. Дверь была вырвана вместе с частью косяка и лежала в стороне, а прямо на крыльце, распласталась хозяйка дома, окровавленными руками пытавшаяся защититься от двух черных волков, терзавших ее дряблое тело.

Один из зверей поднял измазанную кровью морду, сверкнув ярко-желтыми глазами и оскалив клыки. Тенро подстрелил его как раз в тот момент, когда тварь прямо с места прыгнула на человека, преодолев весьма внушительное расстояние.

Стрела впиалась измененной твари в голову, но волк оказался слишком тяжелым и, продолжив движение, едва не врезался в следопыта. Сместившись в сторону, Тенро повалил хищника ударом ноги в облезлый бок, вогнав еще одну стрелу ему точно под ухо.

Оставшийся волк отступил от еще слабо шевелящейся жертвы, утробно и низко зарычав. Прежде чем охотник выстрелил, животное метнулось в сторону, потом мгновенно в другую, избегая еще одной стрелы. Низко припав к земле, чудовищное порождение тумана рванулось к человеку.

Не успев выстрелить в третий раз, Тенро выставил перед собой лук за миг до того, как острые клыки впились бы ему в горло. Дерево застонало, когда челюсти измененного зверя сомкнулись на нем, едва не перекусив лук пополам.

Ноги охотника заскользили по земле и он, понимая, что не удержит волка, провернул лук, отбрасывая тварь в сторону. Оружие, не выдержав, сломалось, но и тварь, никак не ожидавшая ничего подобного, завалилась на бок.

Придавлив коленом шею противника, Тенро несколько раз, не целясь, ударил в косматую голову ножом, чувствуя, как закаленная сталь заскрежетала по кости. Волк под охотником забился, выгнулся дугой и сумел сбросить с себя человека. Нож выпал из рук Тенро, а сам он больно ударился головой о какой-то камень.

Из глаз посыпались искры, затылок заломило и, на мгновение, мир померк для Тенро. Когда же в глазах прояснилось, первым, что увидел охотник, была клыкастая пасть, стремительно приближающаяся к его лицу.

Прежде чем мужчина сообразил, что с ним произошло, его руки сами вцепились в толстую шею волка, не давая тому дотянуться до лица. Мускулы Тенро напряглись, недавние раны рванула боль, но охотник продолжал бороться за свою жизнь, морщась каждый раз, когда вязкая слюна, сочающаяся с черного языка измененной твари, капала ему на лицо.

«Никогда не сдаваться», — мысль обожгла сознание охотника, и тот зарычал не хуже своего противника.

Даже раненный, волк оказался поразительно силен. Много тяжелее своих обычных собратьев, он придавил человека к земле, клацая пастью рядом с ним и медленно склоняясь все ниже и ниже.

Покраснев от натуги, Тенро ударил коленом в бок зверя, потом еще раз и, когда тот, наконец, пошатнулся, забросил руку за спину, выхватывая из колчана стрелу.

Импровизированный кинжал вонзился точно в яркий глаз твари, и охотник от души провернул треснувшее древко.

Напор волка разом ослаб.

Мужчине удалось подтянуть ноги к груди, после чего он одновременно ударил ими в поджарое тело, отбрасывая измененную тварь подальше от себя. Рывком вскочив, Тенро выхватил меч.

И человек и зверь одновременно прыгнули друг на друга, но лезвие оказалось быстрее и смертоноснее клыков. Сверкнула сталь и голова твари, отделившись от тела, упала к ногам охотника.

Даже не пытаясь перевести дух, Тенро поспешил к Гаире. К его удивлению старуха была еще жива, хотя все ее тело покрывала кровь из множества рваных ран, оставленных клыками и когтями.

Спасти бедную женщину было способно, разве что чудо. Но Тенро не верил в чудеса. Ничего подобного никогда с ним не происходило, не произошло и сейчас.

Сухие пальцы Гаиры конвульсивно сжались, и она испустила последний вздох, уставившись потускневшими глазами в ночное небо. С губ Тенро слетело проклятье, когда он одним сильным и точным ударом отрубил мертвой женщине голову.

Он никогда не желал Гаире зла, пусть и недолюбливал ее, но позволить появиться еще одному измененному, Тенро просто не мог.

Оставив обезглавленное тело лежать на пороге, охотник поспешил прочь, на ходу подобрав нож. К его сожалению с луком пришлось попрощаться, так как тот не перенес

знакомства с волчьими клыками и теперь Тенро чувствовал себя словно без рук.

Колчан, так же, оказался поврежден при падении и почти все стрелы из него рассыпались, а подбирать каждую — не было времени, поэтому охотник сбросил на землю и его. Лишний вес сейчас ни к чему.

В ушах все еще звенело от удара головой. Каштановые волосы мужчины слиплись от крови, но Тенро упрямо двигался вперед, а туман, подобно живому существу, следовал за ним по пятам.

Вопреки ожиданиям охотника, никто не напал на него из темноты и вскоре он догнал жителей деревни, спешащих к дому старосты.

Лирошка, маленький пастух, расширившимися от страха и удивления глазами посмотрел на Тенро, чья пропитанная кровью одежда выглядела так, словно ее обладатель только что вернулся с войны. Впрочем, отчасти так оно и было, вот только война еще не закончилась.

— Помочь? — Дориг, отец Лирошки, широкоплечий мужчина, несший на руках тихонько плачущую дочь, обеспокоенно взглянул на Тенро, но тот лишь дернул головой:

— Бегите быстрее к дому отца! — Он чувствовал, что вместе с туманом, к деревне приближается кто-то еще.

— Понял! — Не став спорить, Дориг поторопил жену, не выпускавшую из ладони руку сына.

Тенро, хоть и мог легко обогнать их, немного отстал.

Если измененные преследуют тех, кто двигается последним, то, сначала, им придется иметь дело со следопытом.

С легким и немного нетерпеливым шипением, наэрские клинки покинули заплечные ножны, и охотник несколько раз рассек ими воздух, приняв низкую стойку и взяв один из изогнутых мечей обратным хватом.

Подобные виды боя крайне редко использовались воинами людей, зато ими не пренебрегали дети Леса, один из которых и обучил Тенро всем премудростям в обмен на то, что разведчик спас ему жизнь.

Наэрская техника боя основывалась на смене плавных, текучих движениях, призванных сбить противника с толку на безудержный ураган непредсказуемых ударов, молниеносных выпадов и быстрых скачков. Подобное чередование скорости движений зачастую приводило к смерти тех, кто недооценивал мастерство детей Леса.

Бывший разведчик «черных стрел» считал себя вполне сносным бойцом на мечах и теперь ему представился лишний случай проверить, не ошибся ли он. Пусть охотник и предпочитал лук, холодной стали, но сейчас выбор был невелик.

Они появились внезапно и совершенно бесшумно — пара измененных, чьи серые лица почти поглотил тлен, а одежду покрывали прилипшие к ней сырые комья земли. Даже в лунном свете Тенро узнал Геда и Харгата — двух охотников, погибших в бою с черным медведем.

Ребра Геда до сих пор торчали наружу, голова была завалена набок под неестественным углом, а на сером лице Харгата все еще остались глубокие следы от страшных когтей, скользнувших по подбородку и распоровших ему когда-то горло.

Ни измененные, ни Тенро не проронили ни единого звука.

Охотник стоял почти неподвижно, слабо раскачиваясь из стороны в сторону. Он поднимался на носки и снова вставал на пятки, слушая гул набата, звенящего в такт с

ударами его собственного сердца и пробуждая запрятанные вглубь сознания инстинкты убийцы.

Мгновение тянулось мучительно медленно и, когда первая дождевая капля упала на лезвие наэрского меча, рассыпавшись десятками крохотных брызг, Гед взмыл в воздух, а его мертвый приятель, наоборот, рванулся к человеку напрямик.

Тенро понадобилась едва ли не вся его выдержка, чтобы не шевельнуться, до тех пор, пока когти измененных едва не коснулись его.

Когда Харгат оказался близко настолько, что нос охотника уловил исходящий от него смрад, Тенро немного сместился в сторону и, стремительно повернувшись вокруг, распорол бок твари от середины живота до позвоночника — прежде чем покинуть рану, сталь недовольно заскрежетала о кость.

Проворно отступив назад, человек первым атаковал приземлившегося рядом Геда, поднырнув под его когтями и оставив на ноге глубокую рану, из которой сразу же потекла черная кровь.

К этому моменту Харгат пришел в себя и твари вместе набросились на охотника.

Измененные обладали мощностью и скоростью, что превышали возможности человека, но за два года войны с ними Тенро понял, что тварями руководят лишь низменные инстинкты. Измененные были одержимы злобой и ненавистью ко всему живому и желали лишь одного — крови.

Теряя разум, даже те, кто ранее был человеком, становился похожим на обезумевшего дикого зверя, а вот о повадках зверей, Тенро знал многое: они любили обездвиживать или замедлять жертву, поражая сначала конечности и выматывая ее, чтобы потом с наслаждением сомкнуть клыки на горле.

Вот и сейчас, измененные прыснули в стороны. Они начали стремительно скакать вокруг своей жертвы, стремясь сбить ее с толку.

Темп движений Тенро вновь сменился. Теперь охотник, медленно переставляя ноги, поворачивался так, чтобы видеть сразу двух тварей. Он знал, что как только один из противников окажется вне поля зрения, они нападут.

Так оно и случилось.

Когда Харгат внезапно рванулся вперед, стремясь подсечь охотнику ноги, тот был к этому готов. Отпрыгнув с ловкостью, которой позавидовала бы любая белка, Тенро рубанул мечом по облезлой голове и почти успел увернуться от налетевшего на него Геда.

Но измененный оказался быстрее.

Врезавшись в плечо мужчины, тварь отбросила его назад, сбив с ног. Сделав два кувырка назад, охотник пружинисто вскочил на ноги, выставив перед собой сразу два клинка, на которые и налетел прыгнувший следом за ним Гед — как и звери, измененные часто бывали нетерпеливы.

Создание тумана напоролось на острые лезвия, без труда вошедшее ему в живот по самую рукоять. Зарычав от злости, Тенро приподнял тварь над землей, чувствуя, как ледяная кровь сочится из ран на рукояти мечей.

Когтистые лапы метнулись к его лицу и охотник, напрягая мускулы, с силой развел руки в стороны резким рывком. Сначала к его ногам рухнула нижняя часть тела измененного, а затем и верхняя.

Слева от Тенро с непонятным хлюпающим звуком Харгат вскочил на ноги, казалось, не замечая того, что его голова рассечена едва ли не наполовину. Измененный бросился было

на человека, но запутался в своих собственных потрохах, вывалившись из раны на бок. Он рухнул на землю, где его и настигли клинки Тенро, войдя точно в затылок и развалив голову пополам.

Бой закончился, но набат продолжал греметь и его тоскливый звон разносился очень далеко, в пугающем безмолвии ночи.

Усилив волю, заставив ноющее тело двигаться, Тенро побежал к дому, чувствуя мрачную решимость и еще что-то, о чем он давно успел позабыть — ощущение свободы в бою.

С каждым шагом гул колокола становился все отчетливее и в него начали вписываться крики боли, отчаяния и страха. Звенело оружие, пели стрелы и слышались обрывки приказов. Кажется, голос принадлежал Гуру.

Когда Тенро выскочил из-за угла, то увидел, как в дом его отца отчаянно пытаются забиться местные жители. Женщины, дети и старики столпились у дверей, затравленно оглядываясь назад, где мужчины старались сдержать прущих сквозь выломанные ворота тварей.

С бледным, словно свежеснеженный лицом, Ульн пытался как-то организовать отступление, но его никто не слушал. Испуганный не меньше остальных пилигрим тщетно звал к своему богу и просил Его милости, помогая подняться тем, кто упал на пути к дому старосты.

Непонятно как, заметив Тенро, Ульн дрожащей рукой указал ему на главные ворота, после чего, подхватив чьего-то плачущего ребенка и опрометью бросился к дому, на ходу шепча слова молитвы.

Охотник проследил в указанном жрецом направлении и едва не застонал, когда увидел два огромных силуэта черных медведей. Поднявшись на задние лапы, они разбрасывали мужчин, словно ветер сухие листья и страшные когти измененных хищников блестели от человеческой крови.

Мощь этих созданий была такова, что даже зачарованное оружие не убивало их, когда наносило незначительные раны. Несколько теней перемахнули через частокол и сразу же бросились в самую гущу боя, выхватывая людей и впиваясь в их плоть клыками, а где-то за стеной вознесся к безразличному небу замогильный волчий вой и Тенро знал — обычное животное не способно издавать подобных звуков.

Взревел один из черных медведей, чей густой мех покрывало множество ран, из которых сочилась густая, будто смола и темная как ночь кровь. Измененная тварь наотмашь ударила мохнатой лапой...

Раздался треск ломающихся костей и обмякшее тело кого-то из деревенских, пролетев над сражающимися, упало в трех шагах от Тенро. Спутанные волосы и ужасный шрам на лице не позволили охотнику опознать мертвеца, но вот стремительно затягивающиеся тьмой глаза заставили его действовать.

Подпрыгнув к изменяющемуся мужчине, Тенро двумя ударами отсек ему голову, после чего бросился на помощь тем, кто был еще жив.

Создания тумана стремительно теснили защитников и те пятились назад, оставляя у ворот мертвые тела. Следовавший за измененными туман, жадно поглощал мертвецов, превращая некоторых из них в кровожадных тварей, бросавшихся на недавних друзей.

Смельчаков, желающих противостоять жутким созданиям нашлось немного и Тенро легко оказался в первых рядах, заняв место между сквернословящим на родном наречии

Лаэrrэ и собранным Митром. Кира сражалась по правую руку от брата, а рядом с ней был и отец Тенро, сжимающий в единственной руке окровавленный меч пехотинца. Всего лишь на один шаг отставал от старосты Гур, размахивающий своим топором.

— Чего так долго? Заблудился по дороге? — наэрец, рассекая прыгнувшего на него волка, первым заметил охотника.

Вокруг Лаэrrэ лежало множество обгорелых тел и чтобы не споткнуться о какое-нибудь из них, он вынужден был медленно отступать. Так же поступали и остальные, но измененные твари перли через выломанные ворота, словно с той стороны их была настоящая армия.

Не удостоив наэрца ответом, Тенро прикрыл ему спину, перерубив хребет красноглазой лисице, явно собиравшейся вонзить острые клыки в шею сына Леса. На место лисицы сразу же ворвался здоровенный секач, чьи огромные бивни могли соперничать с охотничьим ножом, как в длине, так и в остроте. Едва появившись, он чуть не распорол Тенро ногу — тот лишь в последний момент успел защититься клинками.

Однако сила удара была такова, что охотник не удержался на ногах и едва не опрокинул Лаэrrэ. Секач атаковал вновь, но на него налетел рычащий Ар, впившийся в высокий загром. Прежде чем Тенро успел подняться, развернувшийся наэрец поразил в голову огромного кабана, сам при этом, едва не лишившись жизни, когда обезумевшее животное слепо начало ломиться вперед.

— Ар! Ко мне! — когда секач попер в сторону ворот, только приказ хозяина спас Ара от когтей черного медведя, обрушившего страшный удар точно на спину кабана, где недавно находился терзавший его плоть волк.

Сзади кто-то коротко вскрикнул и, обернувшись, охотник увидел, как туман, почти поглотивший всю деревню, сгущается вокруг его дома. Из рваных клочьев непроглядного савана беззвучно выступали измененные духами, но, отчего-то, они даже не смотрели на дом, где укрылись местные жители.

На плечи Тенро вдруг будто взвалили несколько мешков с пшеницей. Смрад защекотал ноздри охотника, а щеку пронзила боль, когда по ней скользнули клыки измененного. Существо обхватило Тенро руками, навалившись на него всем телом, не давая выпрямиться.

Так до конца и не вставший мужчина, выгнул спину и, со всего маха, повалился на землю. Под ним скрипнули ребра нападавшего, и Тенро закрепил успех сильным ударом затылка. Что-то вновь хрустнуло, и покрытый зазубринами меч пехотинца скользнул рядом с лицом молодого человека. Оружие вонзилось в пасть клацающей зубами твари, и та затихла.

Тар высвободил оружие и склонился над сыном.

Между тем двум ищущим и Лаэrrэ, составлявшим авангард защитников деревни, удалось ненадолго отбросить созданий тумана назад. Наэрец метнулся под ноги черному медведю, а воспользовавшийся происходящим Митр удачно подобрал момент и, рванувшись вперед, вогнал свой клинок точно под мышку снова поднявшемуся на дыбы зверю.

Кира поразила копьем открытую шею медведя, вспоров густой мех. Наконец ворвавшаяся в измененное тело сила зачарованного оружия, буквально разорвала медведя на куски, разметав их в стороны.

Воспользовавшись короткой передышкой, Митр вонзил свой клинок в землю. Сорвав с пояса два округлых пузырька, он швырнул их на землю между раскуроченных створок. Пузырьки с тихим звоном лопнули, а потом гроыхнуло так, что мутные окна ближайших к воротам домов тревожно задрожали, а некоторые и вовсе — потрескались.

Все заволокло темным дымом и, как показалось Тенро, туман испуганно отпрянул назад, а выходящих из него измененных, словно паралич разбил — они неподвижно застыли на месте и даже налитые злобой глаза остекленели.

— В дом, быстро! Быстро! — Подхватив свой меч, Митр первым поспешил прислушаться к собственным словам, по пути обезглавив кого-то из деревенских, захлебывающегося собственной кровью. Прежде чем замереть, твари разорвали бедняге горло, и жизнь алыми ручейками стремительно вытекала у него между пальцев, пока ее не отнял сверкающий серебром клинок.

— Вставай, вставай, сынок! — мозолистая и сильная рука ухватила Тенро за предплечье. — Живее!

Глаза следопыта слезились, и он скорее узнал голос отца, чем увидел его. Кто-то тяжело затопал и, спустя мгновение грубо сгреб Тенро в охапку, рывком поставив его на ноги.

Немногочисленные выжившие поспешили укрыться в доме. Тенро не представлял, как старые стены смогут защитить их от созданий, без труда выломавших ворота, но решил, что сейчас не лучшее время выяснять это. К тому же туман, по какой-то причине, не приближался к дому деревенского старосты, держась от него на расстоянии десятка шагов.

Добравшись до крыльца, Тар распахнул дверь, пропуская всех вперед. Гур первым юркнул внутрь, за ним поспешили остальные из выживших мужчин, прикрывающие отход женщин и детей.

— Ар! — Позвал питомца Тенро, не узнав собственного голоса, слишком уж тот стал хриплым и надсадным.

Услышав голос хозяина, волк сразу же оказался рядом, озадаченно взглянув на человека.

— В дом. Можно. — Отрывисто приказал охотник и Ар, нехотя подчинился, проскользнув между спешащими войти людьми.

Когда снаружи остались лишь отец Тенро, ищущие и сам охотник, изнутри дома послышалась ругань, а затем, грубо оттолкнув в сторону переступающего порог Лаэртэ, на крыльцо выскочил мертвенно бледный Ульн.

Не обращая ни на кого внимания, пилигрим побежал прямо в туман и, как показалось Тенро, в его испуганных глазах блестели слезы.

— Ненормальный, — сердито дернув головой, наэрец скрылся внутри и Митр, даже не взглянувший вслед пилигриму, поступил так же.

— Тар! — донесся из дома голос Гура. — Пилигрим к Линне побежал! Ни она, ни ее дети не пришли, вот он и... дурак!

— Я за ним. — Мысль о Миле раскаленным железом обожгла сознание Тенро — девушка больна и с ней лишь брат-калека, да мать, видимо не решившаяся оставить своих детей. Он не мог позволить им умереть.

— Ты не можешь! — Кира успела ухватить охотника за руку. — Они, наверняка, мертвы. Дыхание Альтоса скоро спадет и туман...

— Там остались две женщины, да лишившийся ног Киран! Я должен что-то сделать! — Охотник вырвался.

Девушка хотела побежать за ним, но ее остановил вышедший из дома Митр. Он же удержал и бросившегося за сыном Тара:

— Наш долг сохранить жизнь тех, кто внутри. Нельзя рисковать из-за мертвецов.

— Но...

— Вы — староста и все здесь нуждаются в вас! — Уверенно произнес ищущий и

однорукий Тар сразу как-то сник, будто сгорбившись под тяжестью ответственности и став еще старше, чем на самом деле.

Староста Зеленых полян нерешительно взглянул в темноту, где почти растворился силуэт его сына. Чувство отцовского долга и ответственности за жизни жителей деревни боролись в сердце старика. Он уже сделал шаг за Тенро, но застывший было туман пришел в движение и чары, которые наложил на измененных Митр, спали с них.

Твари, оскалив клыки, начали медленно озираться по сторонам и ищущий силой затолкав в дом Тара и Киру, плотно закрыл дверь.

— Митр!..

— Никто не выйдет отсюда до утра. — Ищущий смерил девушку суровым взглядом, затем широкими шагами прошел через заполненную людом залу.

Выжившие расступались перед мужчиной в черном плаще, провожая его полными надежды взглядами. В доме старосты собрались все, кому посчастливилось выжить. Сам Тар с грустью отметил, что здесь только чуть больше половины его земляков. Скольких же друзей и родственников они не досчитаются поутру?

— Что бы ни происходило снаружи — никому не выходить наружу и даже окон не открывать. — Колким взглядом голубых глаз, Митр обвел присутствующих. — Что бы ни открылось в этом доме, это разрушит установленный мной барьер и впустит тварей внутрь. У меня нет ингредиентов для новой защиты, так что, если падет эта — мы все умрем.

— А если мой сын, — Тар с какой-то непонятной надеждой тоскливо взглянул на дверь. — Если Тенро вернется. Как мы впустим его?

— Он не вернется. — Жестоко отрезал Митр.

Надежда в глазах Тара сменилась обреченностью, и он рассеяно погладил Ара, беспокойно крутившегося у его ног.

* * *

Возможно, если бы Тенро думал головой, а не поддался внезапному, накрывшему его сердце порыву, все пошло бы иначе.

Но теперь, когда охотник нырнул в возобновивший свое неспешное движение туман, он понял, что назад дороги нет. В голове загудело, взор заволокла тьма, и стало очень трудно дышать. Но Тенро уже не раз проходил через подобное. Он глубоко вдохнул и, подняв голову, мельком взглянул на слабо мерцающие сквозь туман звезды, ощущая, как наваждение отступает.

Первая попытка подчинения духами — провалилась. Охотник, пусть и был ранен, но не собирался умирать и воля к жизни, подкрепленная стремлением помочь близким людям, непробиваемым щитом закрыли разум Тенро.

Будь следопыт мертв или хотя бы на грани смерти, он бы не вырвался. Но сейчас духи отступили, пусть и ненадолго. У бывшего разведчика было примерно четыре-пять десятков ударов сердца, прежде чем его сознание помутиться вновь и кто знает, сможет ли он выстоять второй раз, а пока — он не сдастся.

В прошлом, когда остатки армии бежали из Застывшего леса, Тенро пережил три попытки, которые предприняли духи, чтобы сковать его волю. Четвертая бы точно добила его, но тогда разведчику помог один из ищущих — вырвавший его из цепких лап тумана.

Сейчас его вряд ли кто-то спасет, так что приходилось рассчитывать только на себя.

Туман ухудшал видимость, но Тенро хватало и темных силуэтов домов, чтобы легко находить среди них нужную дорогу. Он прекрасно ориентировался в деревне и мог с закрытыми глазами пройти ее из одного конца в другой.

Только сейчас, когда его сознание подвергалось постоянному, усиливающемуся давлению, а вокруг шныряли размытые тени — задача порядком усложнялась. Скоро твари поймут, что он не стал одним из них и тогда все станет еще хуже.

Два года, проведенные на войне против измененных, безусловно, не прошли для него даром и это давало Тенро пусть небольшое, но преимущество, которым он просто обязан воспользоваться.

«Нападут после второй попытки подчинения», — подумал охотник, заметив приближающиеся к нему тени. Два человеческих и один звериный силуэты поравнялись с ним и теперь двигались по обе стороны, но не приближались.

Даже во время стремительного бега, Тенро не переставал считать свои шаги. Четыре десятка — уже совсем скоро...

Вторая волна подчинения накатила немного быстрее, чем рассчитывал охотник. Боль, пронзившая виски оказалась такой сильной, что мужчина стиснул зубы, а на его глазах выступили слезы. Он едва не остановился и лишь усилием воли заставил ноги продолжать двигаться.

Стоит Тенро замереть, хотя бы на мгновение перестать сопротивляться и все будет кончено — туман поглотит его целиком, проглотит душу, а тело пережует, отравит своим ядом и выплюнет.

Резко тряхнув тяжелой головой, Тенро побежал на пределе своих возможностей, превозмогая навалившееся безразличие и чувствуя, как его грудь и ноги обжигает огонь. Он должен успеть.

«Никогда не сдаваться».

Терзающая охотника боль отступила неожиданно. И сразу же, стоило ей пропасть, размытые силуэты набросились на мужчину, но он был к этому готов.

Выхватив один из мечей, Тенро перескочил через бросившегося под ноги измененного волка, едва не цапнувшего его за лодыжку. Не успев добром приземлиться и погасить скорость, охотник ударил ногой во впалую грудь какой-то женщины, чья одежда была изодрана в клочья, а лицо представляло из себя сплошную кровавую маску, будто кто-то обглодал с него всю кожу.

Сложившаяся пополам измененная повалилась навзничь, но Тенро не остановился, чтобы добить ее. То ли туман еще не полностью подчинил себе тела умерших, то ли фокус ищущего ослабил их, но, как заметил Тенро, твари двигались немного заторможено.

Это значительно увеличивало шансы охотника выжить.

Ухватившись рукой за бревенчатый угол одного из домов, мужчина резко свернул, одновременно разворачиваясь, пригибаясь и выставляя оружие прямо перед собой. Не успел охотник и глазом моргнуть, как преследовавший его измененный налетел грудью на клинок, удивленно воззрившись на погруженное в его плоть тускло сверкающее лезвие.

Это был деревенский кузнец Тугр. Как успел заметить Тенро, его нынешний противник пал от клыков и когтей черного медведя, видимо, сражаясь в первых рядах защитников. В голове измененного кузнеца зияли страшные раны от когтей, а грудь, чуть выше того места, где ее пронзил меч, была разворочена так, что были видны белеющее кости.

Скрюченные пальцы Тугра метнулись к шее охотника. Мертвого кузнеца не заботило то, что он еще глубже насаживается на холодную сталь. Выпустив рукоять меча, Тенро отступил на шаг, избегая когтей измененного и, рванув из заплечных ножен второй меч, одним мощным ударом обезглавил кузнеца.

Вытащив оружие из оседающего на землю тела, охотник снова вынужден был защищаться от женщины с обглоданным лицом, налетевшей на него словно обезумевшая кошка. Ее когти дважды успели достать Тенро, нанеся ему неглубокие, но болезненные раны на груди. Зашипев от боли, бывший разведчик изловчился и, ударом снизу вверх, отсекая измененной одну руку почти по локоть, обратным движением перерубив еще и ногу.

Слева слышались быстрые шаги зверя, но тень волка пронеслась мимо Тенро, скрывшись в тумане, как раз в том направлении, куда нужно было и самому охотнику.

— Ульн! — Неприятная догадка встряхнула охотника и, возможно, только мысль о том, что добрый пилигрим попал в беду, не дала Тенро провалиться в туманный омут.

Третья попытка подчинить его сознание оказалась не в пример сильнее предыдущей. Тело мужчины скрутило так, что еще бы чуть-чуть и кости не выдержали бы. Из груди разом пропал весь воздух, уши заложило, а из носа сорвались первые капли крови. Тенро почти что замер, но его неожиданно и для самой себя, спасла обезображенная измененная — ее когти впились охотнику в ногу и вспышка физической боли, на миг вытеснила из сознания охотника все остальное.

Словно откуда-то из-под воды, мужчина услышал хриплый крик и сразу же узнал голос Ульна.

— Не сдамся! — сжав рукояти клинков так, что заскрипели костяшки пальцев, Тенро оторвал ногу от земли, чувствуя, как та вцепляется ему в подошву.

Еще одно усилие и охотник сделал второй шаг. Когти измененной покинули рану на ноге, и новая вспышка боли окончательно отрезвила Тенро. Благодарностью твари тумана стал быстрый удар наэрского клинка и, не успела отрубленная голова откатиться от обмякшего тела, как охотник сорвался с места, жадно глотая ртом так необходимый ему сейчас воздух.

На пилигрима он наткнулся довольно быстро. Полный мужчина катался по земле, пытаясь сбросить с себя измененного волка, терзавшего рукав его просторного одеяния. Даже задыхаясь, Ульн молился, но слова молитвы сменялись криками, когда клыки твари задевали его плоть.

Тем не менее, боль не могла сломить веру этого мужчины, защищавшую его разум от воздействия тумана. То, что неподготовленный человек продержался здесь так долго, удивило Тенро. Он не надеялся найти Ульна живым и уже готов был уничтожить то, во что должен был превратиться пилигрим.

Но этого не случилось.

Порядком покусанный, истекающий кровью, но вполне живой Ульн, сейчас в очередной раз попытался отпихнуть морду измененного волка от своего бледного лица. Ему это удалось, но острые зубы клацнули в опасной близости от мясистого носа.

Новая попытка полакомиться человечинной определенно удалась бы измененному зверю. Однако Тенро имел другое мнение на этот счет. Не дожидаясь неоспоримой кончины пилигрима, охотник подскочил к нему и ударом ноги опрокинул терзающего человека волка на бок. Прежде чем тварь успела подняться, Тенро одним клинком пригвоздил ее к земле, а другой вогнал в пылающий злобой глаз.

— Вставайте. Быстрее!

К удивлению Тенро, вскочивший на ноги Ульн едва не разбил ему нос неожиданным ударом.

— Я больше не дрогну перед тобой, отродье тьмы! — Размазав по лицу собственную кровь, пилигрим сжал кулаки и вновь попытался достать ошеломленного охотника.

Однако подобные вещи не проходили дважды с тем, кто раньше служил в «черных стрелах». Среагировав практически мгновенно, Тенро поднырнул под удар, вбив рукоять меча точно в объемистый живот неожиданного противника.

— Не время дурить, жрец! — Едва успев убрать мечи в ножны, охотник отвесил пилигриму звонкую оплеуху, после чего подхватил его под руку и потащил за собой.

— То есть ты... живой, да?! — Отхаркиваясь, выдавил Ульн. — Хвала Альтосу!

— Если не хотите вскорости встретиться со своим богом, перебирайте ногами быстрее. — Вес у пилигрима оказался далеко немаленький и Тенро быстро уставал. Да и тени, заскользившие вокруг, не предвещали ничего хорошего.

— Я...

— Заткнитесь и шевелите ногами! — Резко оборвал свою ношу охотник.

Тенро никогда не был слишком раздражительным или же озлобленным, но давление тумана пробудило в нем эти черты и теперь ему стоило огромного труда держать себя в руках. К тому же скоро духи вновь попытаются взять верх над телами людей, и это обстоятельство отнюдь не способствовало спокойствию.

Удивительно, но Ульн самостоятельно почти добрался до дома Линны. Измененный волк настиг его, когда пилигриму оставалось пройти всего лишь пару дворов.

Когда крыльцо нужного дома было на расстоянии вытянутой руки, туман вдруг сгустился вокруг мужчин. Голова Тенро наполнилась множеством сладостных голосов, обещавших ему покой и тишину, убаюкивающих и манящих.

Когда охотник, усилием воли, отогнал наваждение прочь, ему на смену пришла дикая боль, пронзившая каждый дюйм человеческого тела крошечными ледяными иглами. Застонав, Тенро едва не рухнул на колени и боль, почувствовав его слабость, откатилась, подобно волне, сменившись волнующими голосами. Кажется, Тенро различил в этом нестройном хоре голос собственной матери, а потом и увидел ее. Она стояла совсем рядом и протягивала к сыну руки.

— Этого... не может быть, — прохрипел Тенро, сиюсь сопротивляться, но он против своей воли начал тянуться к нежно улыбающейся матери. — Нет! Я не поддамся твоим чарам! — Мужчина отдернул руку и услышал доносящиеся откуда-то сверху слова:

— ... и даруй нам мудрость и благословение свое, — зазвучавший рядом голос заставил силуэт матери Тенро пойти рябью, будто тот проступил на воде.

— Защити нас, ибо сами мы слабы. Веди нас, ибо без тебя мы слепы. Дай нам сил, ибо немощны мы в своем невежестве! — Голос становился все громче и увереннее.

Из ушей Тенро вдруг будто вылили воду и он вернулся в реальность, почувствовав, как выныривает из темного омута. Фигура матери пропала, а телу вернулась часть сил. Охотник вновь смог вздохнуть полной грудью.

Он готов был поклясться — никогда еще воздух не казался ему столь сладостным. Когда в глазах мужчины прояснилось, оказалось что теперь Ульн тащит его на себе, а точнее не дает ему упасть, свободной рукой без устали молотя в запертую деревянную дверь.

— Откройте, это я — Ульн! Линна! — Кулак пилигрима раз за разом врзался в

прочную дверь, оставляя на ней кровавые следы — последствия ран, полученных от клыков измененного волка.

Встав на ноги, Тенро оставил пилигрима стучаться в дверь, а сам, пошатываясь, встал на край крыльца, обнажив мечи. Это было странно, но туман не спешил приближаться к дому, несмотря на то, что на пороге стояли двое израненных людей.

Даже измененные, замершие на самой кромке, стояли неподвижно, глядя прямо перед собой сверкающими в темноте глазами. Время в Зеленых полях будто остановилось и, если бы не голос Ульна и его удары по двери, то в это вполне можно было поверить.

Охотник уже начал задумываться над тем, что же им теперь делать, как дверь вдруг распахнулась, и не попавший по ней кулаком Ульн почти провалился внутрь.

— Линна, хвала Альтосу, — облегченно простонал пилигрим, хватаясь за дверной косяк, чтобы не упасть. — Вы живы!

Открывшая дверь женщина, взглянув за спины нежданных гостей, отшатнулась назад. Но, быстро взяв себя в руки, сказала:

— В дом!

Дважды ей повторять не пришлось — оба мужчины быстро вошли внутрь.

Линна поспешно затворила дверь, с глухим звуком щелкнув засовом. Женщина выглядела испуганной и очень уставшей — темные круги под глазами, ввалившиеся щеки и изможденное лицо сделали ее гораздо старше, чем на самом деле. В неясном свете горящих в небольшом доме свечей, Тенро даже не сразу узнал Линну, хотя видел ее совсем недавно.

Женщина сильно осунулась и сдала.

Пока Тенро разглядывал хозяину дома, та нервно мяла край грязного фартука, пачкая о него тонкие пальцы. То, чем Линна испачкала ткань, очень напоминало кровь, но запах собственной крови и крови Ульна не позволял охотнику определить, верна ли его догадка.

— Может, отойдем от двери? — Тенро подозрительно огляделся, почувствовав, что в этом доме что-то не так.

Атмосфера здесь казалась куда более тягостной, чем снаружи и это порядком нервировало мужчину. Да и сама Линна вела себя очень странно. Возможно, ранее Тенро не придал бы этому значения, но теперь он не был прежним. Следопыт вновь превратился в того, кого выковала из него война — в разведчика «черных стрел».

— Да, проходите, — хозяйка дома отошла в сторону, пропуская мужчин вперед. — Хотите чего-нибудь?

— Воды. — Жестом, попросив открывшего было рот пилигрима молчать, Тенро бесшумно прошел вперед, остановившись посередине идеально убранной и уютной комнаты.

— Сейчас. Вы проходите. Садитесь. Я сейчас. — Уйдя в соседнюю комнату, где находилась кухня, Линна тихонько загремела глиняной посудой и, спустя недолгое время, вынесла две увесистые кружки с холодной водой.

Натянуто улыбнувшись, Тенро сунул один из обнаженных мечей себе подмышку, чтобы освободить руку. Едва он коснулся пальцами глины, как ощутил, насколько та холодна. Даже на воде плавали крохотные льдинки — это еще больше озадачило охотника. Он взглянул на Ульна, но пилигрим спокойно пил воду, как-то странно глядя на хозяйку дома.

— Как Мила? Все еще болеет? — встав спиной к стене, так, чтобы одновременно видеть и людей и окно, Тенро аккуратно поставил кружку на узкую цветочную полку, между двумя пустыми горшками.

Медленно опустив руку, мужчина сомкнул пальцы на рукояти клинка, направив его

острие в пол. Блики свечей радостно принялись скакать по гладкой стали, черная кровь на которой уже начала застывать.

— Дочке нездоровится, — с готовностью кивнула Линна. — Да и Киран, что-то, приболел. Я уложила их спать...

— Видимо сильно твои дети болеют, раз не проснулись, когда гремел набат, — эта странная игра, будто ничего вокруг не происходит, начинала выводить Тенро из себя.

Охотник нервно покосился на плотно зашторенное окно, ожидая, что в любое мгновение оно разобьется, и в дом полезут измененные. Но ничего не происходило и от этого мужчине стало еще больше не по себе, чем тогда, когда он почти вслепую бежал сквозь туман.

Зловещее предчувствие разрасталось в душе Тенро и крепчало с каждым его вздохом.

— Линна, что здесь происходит? — правая рука с мечом поднялась на уровне груди невысокой женщины. Хищное острие едва заметно вздрогнуло, но охотник сделал шаг вперед, глядя напуганной Линне прямо в глаза.

— Тенро! — Ульн поспешно оттолкнул вдову, встав между ней и охотником. — Не надо!

— В сторону, — тон пилигрима не понравился Тенро, но еще больше ему не понравилось то выражение, с которым Ульн и Линна только что переглянулись.

Жрец Альтоса явно знал о происходящем больше чем сам Тенро. Знал и молчал.

— Все не так, как ты думаешь! — плечи Ульна задрожали, когда холодная сталь коснулась его обнаженной шеи. Слабо надавив на оружие, Тенро зло прошипел:

— Что здесь происходит?

— Опusti меч, Тенро, — пилигрим сделал шаг назад, уперевшись спиной в стену так, что лезвие сразу же снова коснулось его кожи. — Ты же хороший человек. Послушай мен...

— Это вы меня послушайте. — Второй меч охотника многозначительно уперся в живот попытавшейся проскользнуть мимо него Линне.

Смерив женщину недобрый взглядом, Тенро продолжил:

— Моя доброта осталась где-то в тумане, среди измененных, которые, отчего-то, не приближаются к этому дому, а ты, — меч, уткнувшийся в живот Линны, слабо шевельнулся, — пытаешься сделать вид, что ничего не произошло. Где Мила и Киран? Отвечай! Что ты с ними сделала?!

— Я не... — губы Линны предательски задрожали и из покрасневших глаз полились слезы.

— Тенро, прекрати! — Набравшись смелости, Ульн оттолкнул мечи охотника и, обняв разрыдавшуюся вдову, ласково погладил ее по голове, приговаривая:

— Тихо, Линна, тихо, все хорошо.

На крыльце за дверью что-то тревожно скрипнуло и Тенро резко развернулся ко входу.

— Они не войдут. Здесь безопасно, — шмыгнув носом, прошептала Линна и, вновь замолчав, спрятала заплаканное лицо в волосах.

— Проклятье! — вонзив меч в скрипнувший пол, Тенро грубо отпихнул Ульна в сторону, да так, что полный мужчина повалился на доски, едва не ударившись головой о лавку.

Схватив Линну за плечо, охотник сильно встряхнул ее, заставив посмотреть себе в глаза:

— Там, за этими стенами, гибнут люди! Не чужие тебе люди! Как ты можешь делать вид, что ничего не происходит? — Впервые в жизни Тенро был близок к тому, чтобы

ударить женщину, но та рухнула на колени, вцепившись ему в штанину и содрогаясь всем телом.

— Я... я не виновата... это не я... — будто в беспмятстве повторяла Линна, которую душили слезы.

Поняв, что от нее ничего не добиться, Тенро взялся за пилигрима:

— Что тебе известно? Отвечай!

— В произошедшем нет вины этой бедной женщины, — растерянно прошептал Ульн, чьи руки безвольно опустились вдоль тела. — Виновны другие.

— Кто другие? О чем ты?!

— Лучше пусть он сам тебе расскажет, — устало произнес жрец Альтоса и мягко обратился к плачущей на полу Линне:

— Отведи нас к нему.

Вдова неожиданно покорно поднялась и в ее глазах тускло сверкнула какая-то обреченность. На негнущихся ногах она прошла по комнате, глядя в пол и почти не дыша.

Тихо зазвенели ключи, и женщина открыла дальнюю дверь, за которой темнел спуск в подвал. У Тенро по спине пробежали мурашки, когда над стоптанными ступенями слабо заструился белый туман. Не оборачиваясь, Линна начала спускаться вниз и туман, поначалу приблизившийся к ней, вдруг отпрянул, прижимаясь к стенам.

— Ты должен идти между нами. — Заявил остановившийся у двери пилигрим и Тенро удивленно посмотрел на него, как на умалишенного.

— Ты с ума сошел от страха, жрец? — Брови охотника поползли вверх. — После случившегося я не повернусь к тебе спиной, не говоря уже о том, чтобы самому пойти в этот проклятый туман.

— Тогда ты не узнаешь правды, — с непонятной горечью произнес Ульн.

— Да о какой правде ты говоришь? Что происходит?!

— Это божья кара за грехи. — Убежденно заявил Ульн и начал медленно спускаться по ступеням.

Тенро даже не успел окликнуть пилигрима, как дверь дома сотряслась от сильного удара и из-под нее начал струиться туман. Окно в какой-то из комнат со звоном разлетелось, и чьи-то шаги застучали по полу.

— Ты умрешь, если останешься. Возмездие не знает милосердия, — откуда-то из темноты донеслись до Тенро слова Ульна и охотник, вырвав из пола второй меч, бросился к спуску в подвал.

Едва Тенро ступил на холодные и скользкие ступени, как входная дверь разлетелась в щепки, но мужчина так и не увидел, кто из измененных ворвался в дом.

Дверь в подвал резко захлопнулась, и туман ядовитой змеей набросился на охотника.

Сокрытое в тумане

Когда Тенро понял, что находится в сознании и снова может дышать его радость была недолгой. Ужасная головная боль вкупе со слабостью во всем теле, навалились на охотника неприподъемный ношей, буквально вжав его в холодный пол, на котором он сидел.

Ощущения были такими, будто он попался в лапы черному медведю и тот перемолол каждую из его костей в муку. Глубокий вдох дался нелегко и отозвался ноющей болью в груди — мужчина закашлялся и кое-как разлепил не желающие шевелиться веки.

Перед глазами сразу же поплыли разноцветные круги, сменившиеся немного размытой картинкой, искрившейся крохотными звездочками. Мысли путались в хаотичном круговороте, а память отказывалась выстраивать их хоть в каком-то порядке.

Тенро сидел в небольшой плохо освещенной комнате. Единственным источником света здесь служила пара почти выгоревших свечей. Они стояли, кажется, на столе, чуть выше головы Тенро и он видел лишь яркие ореолы пламени.

Вдруг стало темнее, и над охотником нависла крупная фигура.

— Очнулся? — холодная ладонь Ульна коснулась лба охотника и тот едва заметно кивнул.

— Где я? — в горле безжалостно саднило. Охотнику показалось, что он проглотил комок иголок — каждый звук превращался в настоящую пытку. Тем не менее, Тенро попросил:

— Воды...

Ему сразу же подали кружку, взять в руки которою у охотника не было сил.

— Осторожнее. Пей маленькими глотками, — принадлежавший Линне голос звучал как всегда — мягко и доброжелательно. Одной рукой придерживая голову охотника, женщина поднесла к его губам кружку и аккуратно влила ледяную воду в чуть приоткрытый рот.

Взгляд Тенро сразу же прояснился, дышать стало намного легче, а головная боль немного отступила. Несколько раз моргнув, мужчина благодарно кивнул, когда Линна убрала опустевшую кружку.

— Это что, подвал? — стоило Тенро поднять голову, как он увидел невысокий земляной потолок, укрепленный парой балок.

— Тебе следовало спускаться между нами, как я и говорил, — тихо произнес Ульн, игнорируя вопрос охотника. — Но ты не послушался.

Нравоучения отчего-то разозлили Тенро. У него появилось непреодолимое желание встать и врезать, вздумавшему поучать его пилигриму, по зубам. Опираясь на стену, охотник попробовал подняться.

Тело страдальчески заныло, но, все же, подчинилось. От напряжения в глазах потемнело, а в ушах будто зазвенел огромный колокол, путая мысли и мешая сосредоточиться. Тряхнув головой, Тенро едва не упал, но его поддержала Линна.

— Спаси... — мужчина осекся на полуслове, заметив клубящийся по краям подвала туман.

Рука сама потянулась к мечу, но пальцы сомкнулись на пустоте. Только сейчас охотник понял, что не ощущает привычной тяжести за плечами. Ножи с пояса и из-за голенища сапога, тоже, пропали. Мысли, наконец, пришли в порядок и память начала стремительно поясняться.

— Я забрал твое оружие, чтобы ты не наделал глупостей...

Отбросив слабость, вспомнивший недавние события Тенро, что было сил, оттолкнулся ногами и его кулак врезался в нос пилигрима. Удар получился даже сильнее, чем рассчитывал охотник — пальцы обожгло болью и под ними что-то отчетливо хрустнуло.

Ульн, словно подкошенный, отлетел к противоположной стене, беспомощно осев по ней. Заструившаяся из его явно сломанного носа кровь, вызвала у охотника улыбку, больше напоминающую звериный оскал.

Линна вскрикнула и отшатнулась, но Тенро лишь смерил ее недобрым взглядом. Склонившись над почти потерявшим сознание пилигримом, охотник вытащил из-за его пояса свои ножи. Наэрские мечи обнаружались неподалеку, прислоненными к какой-то деревянной двери.

Стоило Тенро приблизиться, как туман сгустился под ней, угрожающе забурлив и явно преграждая человеку дорогу. Откуда-то сверху послышался жуткий скребущий звук. Затем он затих и почти сразу же последовал сильный удар.

— Что ты наделал! — Линна испуганно посмотрела вверх, где над лестницей находилась дверь в подвал, только что едва не слетевшая с петель. — Нельзя проливать кровь!

Прежде чем кто-то снова испытал доски на прочность, женщина оторвала кусок полотна от своей длинной юбки и бросилась к застонавшему Ульну. Она поспешно принялась стирать кровь, вытекающую из его носа и зеленая ткань быстро начал темнеть.

Кое-как очистив лицо пилигрима, Линна отбросила окровавленную тряпку к стене. Туман сразу же набросился на предложенное угощение, забурлив вокруг того места, куда упал скомканный кусочек материи.

Сверху все стихло. Когти перестали скрестись в доски пола, и оставили покосившуюся дверь в покое. Туман в подвале стал вести себя немного спокойнее, продолжая, однако, клубиться перед странной дверью.

Приглядевшись, Тенро разглядел огромный замок, висящий на толстых и крепких проушинах.

— Что за дверь? — Охотник перевел взгляд на женщину, помогающую застонавшему пилигриму подняться.

Линна не ответила. Она, лишь коротко посмотрев в глаза Тенро, поспешно отвела взгляд, уставившись в земляной пол.

— Что за дверь? — Повторил сын старосты, подняв меч.

— Тенро, опусти клинок. Я знаю тебя с пеленок. Ты же не убьешь того, кого знаешь...

— Тот, кого ты знала с пеленок — умер, как только я отправился на войну, Линна! — Прервал женщину озлобленный охотник. Он чувствовал себя загнанным в ловушку зверем и готов был броситься на любого, кто мог угрожать ему. Война с измененными научила Тенро многому, в том числе и тому, как выжить там, где умрут другие — никогда не сдаваться.

— Линна, ты должна показать ему. Ты же знаешь, в случившемся нет его вины, — развернув женщину за плечи, Ульн заглянул ей в глаза, но та отвернулась:

— Не важно, что знаю я. Все решает он! Он! — Линна упала на колени и снова разрыдалась. Она выглядела полностью разбитой, будто что-то долго держала в себе, что-то, что мучило ее, а теперь силы женщины закончились. Ее самообладание дало трещину и обратилось истерикой.

Ульн поспешно принялся успокаивать хозяйку дома, явно опасаясь за ее рассудок.

Несколько ударов сердца Тенро наблюдал за мужчиной и женщиной. Попытки пилигрима успокоить Линну пока не возымели никакого эффекта, а сама она уже начала задыхаться от душивших ее слез и не могла вымолвить ни одного разборчивого слова. Только рыдания.

— Он... Это все он!.. — Шептала женщина, то срываясь на крик, то захлебываясь слезами.

Туман из-под двери беспокойно закружился, выбрасывая вперед тонкие нити сотканых из дыма щупалец.

Тенро решил действовать.

О ком бы ни говорила Линна, он явно за этой дверью. Выспрашивать где ключ было явно бесполезно, так что охотник отступил на шаг и, коротко размахнувшись, рубанул по двери мечом. Следопыт мог бы перерубить замок или проушины, но это означало испортить клинок, а он еще пригодится Тенро.

После того, как охотник ударил первый раз, кто-то с новой силой заскребся сверху, а дверь в подвал опять затряслась под градом ударов. Ульн начал молиться, а Линна, перестав плакать, теперь лишь вздрагивала всем телом каждый раз, когда меч Тенро опускался на дверь.

Туман змеями вился вокруг ног охотника, обвивая его сапоги и обдавая плоть леденящим холодом, но мужчина не останавливался.

Превосходная наэрская сталь глубоко впивалась в дерево, отламывая от него толстые щепки и, после очередного удара, дверь поддалась. Охотник отступил на три шага и, стремительно рванувшись вперед, выбил сложившуюся пополам преграду, с гулким стуком упавшую внутрь небольшой комнаты, где царил непроглядный мрак.

Неизвестно откуда взявшийся туман поднялся выше коленей охотника, но так же стремительно спал, когда переставшая плакать Линна вышла из-за его спины, неся в руке круглую тарелку со свечами.

— Держись рядом с нами, — Ульн легонько подтолкнул Тенро между лопаток. — Нас он узнает, думаю, и ты пройдешь. Надеюсь. Но оружие лучше убрать.

Поначалу Тенро не собирался прислушиваться к совету пилигрима и расставаться с мечами но, когда Линна прошла достаточно далеко, чтобы дрожащее пламя свечей освещало всю комнату, руки охотника опустились сами собой.

В совершенно пустом помещении, рядом с ровной земляной насыпью, сидела Мила. Девушка опиралась на колени, обхватив их тонкими руками и положив на них голову. Ее лицо было спрятано в волосах, в которых играла серебром непонятно откуда взявшаяся седина.

Тенро узнал девушку больше по широкому браслету, что давно подарил ей отец. Мила никогда не расставалась с украшением и берегла его как зеницу ока. Теперь же ее рука исхудала настолько, что браслет оказался слишком велик и мог свалиться в любой миг.

— Мила... — Тенро шагнул к даже не пошевелившейся девушке, пытаясь разглядеть, дышит ли она.

И тут он увидел, что на насыпи, к которой прислонилась Мила, лежит молодой человек с исхудалым лицом, ввалившимися глазами и блуждающей, странной улыбкой на бледных губах. Его рыжие волосы потускнели, веснушки почти пропали с осунувшегося лица, но охотник без труда узнал Кирана, брата Милы.

Молодой человек лежал прямо на земле, укрытый сверху тонким одеялом, так что видны были лишь голова и верхняя часть впалой груди. Едва доходя до колен, одеяло, теряя опору, опадало ниже. Киран дышал тяжело, его лоб покрывала испарина и улыбка никак не вязалась с внешним видом юноши.

— Не трогай ее, — Линна удержала охотника, когда тот хотел коснуться Милы. Прикрыв рот ладонью, женщина беззвучно затряслась, а на ее глазах вновь выступили слезы. Она едва шевелила губами, но Тенро услышал, как Линна повторяет:

— Девочка моя...

Руки хозяйки дома задрожали, и пламя свечей заплясало на неровных стенах. Тени успокоились лишь тогда, когда Линна опустилась перед дочерью на колени. Она поставила тарелку со свечами прямо на пол и ласково принялась гладить Милу по волосам.

Тенро не мог разобрать слов, неразличимым шепотом срывавшихся с губ женщины. Наклонившись ниже, охотник замер — ему показалось, что девушка не дышит. Кончиками пальцев он коснулся руки Милы, и его обожгло холодом.

— Кто здесь? — голос Кирана прозвучал так отрывисто и резко, что Тенро отдернул руку.

— Это я, я сынок, — поспешно произнесла Линна, голос которой дрожал и срывался. Женщина поспешно поднялась, теребя в руках подол длинной юбки и стараясь не смотреть на собственного сына.

— Ты не одна.

— Со мной добрый пилигрим и...

— Кровь Тара, — тонкие ноздри Кирана затрепетали, словно у животного. — Я чувствую кровь этого старого пса!

— Оскорбишь моего отца еще раз, и я не посмотрю, что ты калека, Киран. — Неожиданно холодно процедил сквозь зубы Тенро. Он всегда уважал и любил своих родителей и не позволял никому отзываться о них плохо.

— Тенро? — Казалось, на бледном лице Кирана отразилось мимолетное удивление, сменившееся жутким выражением мрачного удовлетворения. — Я рад, что ты пришел. Именно ты. Тот, кого ждала моя ненаглядная сестренка.

— Отпусти! Отпусти ее! Умоляю, — Оттолкнув в сторону Тенро, Линна бросилась сыну на грудь, но что-то заставило ее отпрянуть и вжаться в стену.

— Нет! Киран, не надо! — Ульн кинулся к женщине и принялся лихорадочно водить руками по ее запястьям, отрывая мелкие склизкие корни, проросшие сквозь земляную стену и теперь опутывающие пронзительно закричавшую женщину.

Несмотря на старания, пилигриму не удалось совершить задуманное — корни проворно метнулись к нему и, спустя несколько мгновений, притянули к стене.

— Тенро, берегись... — сдавленно выкрикнул Ульн, и охотник проворно отскочил к двери, избежав постигшей Линну и пилигрима участи.

Отпрыгивая, Тенро ногой зацепился за свисавшее до пола одеяло и оступился. Охотник начал заваливаться назад, коснулся рукой стены и почувствовал, как тысяча острых жал впивается в его кожу, утягивая в сторону.

Запутавшееся вокруг его ноги одеяло потянулось следом и упало на пол. Потрясенное пламя свечей задергалось, едва не угаснув, но смогло разгореться вновь.

Вздрагивающий свет растекся по комнате и Тенро не смог сдержать сдавленного вздоха: все тело Кирана обвивали пульсирующие корни, уходящие далеко под

истончившуюся кожу, а в области колен, его ноги сами превращались в переплетение корней, уходящих в землю.

Одной рукой молодой человек держался за стену, выпуская в нее неестественно длинные потемневшие пальцы, а другая была прислонена к спине Милы. Между телом девушки и пальцами Кирана, так же, тянулись склизкие перемычки корней.

— Кто ты... Что ты с ней сделал, тварь?! — Тенро рванулся, что было сил, но корни обвилились вокруг его запястий, сдавив их мертвой хваткой, и мечи охотника упали на землю.

— Уже ничего, — спокойно ответил Киран. — Она, как хорошая сестра, помогла мне и больше не нужна.

Сын Линны медленно убрал руку от спины сестры, и ее тело безвольно сползло на пол. Бессильная рука опала, опрокинув миску со свечами, и пламя одной из них принялось облизывать кожу Милы. Но девушка не спешила отдергивать руку. Она лежала неподвижно и не дышала, а запах паленой плоти начал быстро заполнять тесный подвал.

— Альтос милосердный... — Ульн зашептал молитву об упокоении души несчастной девушки, но корни из стены быстро заставили его замолчать, набившись пилигриму в рот. Тело Ульна затряслось и его стошнило.

Тенро забился в своих путах, но корни держали крепко. Все что оставалось охотнику — смотреть на тело девушки.

«Никогда не сдаваться», — призыв, благодаря которому Тенро смог вернуться домой живым, забился в его душе, побуждая к действиям. Неважно каким. Он должен сражаться, должен пытаться выбраться...

Мышцы охотника напряглись, и он рывками начал пробовать хватку корней на прочность, не забывая при этом следить за происходящим в комнате.

Линна стояла неподвижно. Женщина не плакала и, не мигая, смотрела на свою дочь. Когда ее ноги подогнулись, корни выпустили свою пленницу из объятий. Упав на колени, Линна подползла к телу Милы и, обняв ее, прижала к себе мертвую дочь.

— Как... как же так, мальчик мой?... — шептала она, глядя в пустоту перед собой и глядя дочь по седым волосам. — Ты же обещал мне, что она не умрет. Почему не взял меня вместо нее. Она даже ничего не знала...

— Ты, увы, не непорочна, а безгрешная душа Милы вернет мне ту, кого вы отняли! Мы снова будем вместе! Но сначала — все вы заплатите. — Прошипел Киран, и в его голосе проскользнула единственная человеческая эмоция — злость. Черный и склизкий язык юноши змеей вынырнул из-за бледных губ и поспешно облизал их.

— Мила ничего тебе не сделала!

— В ней та же проклятая кровь убийц, что и во всех вас! Она заплатила за ваши грехи! И вы все заплатите! — Говоря, Киран смеялся, и в его голосе клокотала нескрываемая ненависть. — Я чувствую, как наверху льется кровь. Час расплаты пробил и меня уже никто не остановит.

— Ты чудовище... — затрясла головой Линна. — Ты не мой сын. Ты — монстр!

Женщина выпустила мертвую Милу. В дрожащих руках появился узкий нож. Вскочив на ноги, она попыталась ударить Кирана в грудь, но выстрелившие из стен корни, словно стрелы, пробили тело Линны в десятках мест, заставив ее замереть неподвижно.

Кровь брызнула во все стороны и нож упал на землю. Капля крови Линны, попавшая на лицо Тенро, еще не успела остыть, как корни-жала снова спрятались в стенах, с мерзким звуком покинув тело женщины, и Линна замертво рухнула рядом с дочерью.

— Ублюдок!.. — Тенро затрясло от ярости, и он рванулся с удвоенной силой, пытаясь сбросить свои путы. — Это же твои родичи! Твоя плоть и кровь!

— Теперь нет, — равнодушным тоном отозвался Киран. Из отверстий в стенах заструился туман, окутав саваном тело юноши. — Я слышу, я снова слышу ее голос! Еще немного крови и мы воссоединимся вновь... — с каким-то пугающим благоговением зашептал Киран, распахнув ставшие невероятно яркими глаза и уставившись в потолок.

— Проклятая тварь! — Тенро тщетно напрягал мускулы, в попытке освободиться, но корни держали крепко. — Убийца! — Проклиная собственное бессилие, охотник плюнул в сторону Кирана.

— Не тебе меня так называть. Не тебе и не тем, кто сейчас тонет в собственной крови там, наверху!

— Ты бредишь! Туман помутил твой разум, сделав тебя своей игрушкой! Ты, только что, убил собственную мать и сестру!

— И что с того? — Спокойно спросил Киран. Его голова медленно приподнялась, и разгоревшиеся глаза впелись в охотника. — Моя мать сама, вместе с остальными, отослала меня на войну, на смерть. Теперь же, когда я вернулся, хотела меня убить. Что же до моей сестры, что ж, она, пожалуй, единственный человек здесь, кто искренне был рад моему возвращению. Она ухаживала за мной, рассказывала о тебе. Но ее жертва была необходима, а ты пришел слишком поздно, чтобы спасти ее, как и я когда-то... — Киран надсадно рассмеялся и его смех походил на карканье ворона, кружащего над свежей могилой.

— За что? За что ты убил ее!?

— Так ты не знаешь? — кажется, почти полностью сокрытый туманом юноша удивился. — Ах, ты же тогда воевал. Знаешь, я бы, пожалуй, даже отпустил бы тебя. Ты всегда нравился мне, всегда. Но не теперь. Ты сын этого проклятого пса, а значит — должен умереть, как и все здесь! Я покажу тебе голову твоего отца, чтобы ты насладился ужасом в его застывших глазах прежде, чем отправиться следом за ним! Просто немного подожди здесь.

— Почему ты так нас ненавидишь? — говоря с Кираном, Тенро не прекращал попыток освободиться и это начало ему удаваться — левая нога охотника почти выскользнула из сминаемого корнями сапога.

— Почему? — Киран привстал, опираясь на оббитую корнями руку. — Потому что вы убили ее! Хладнокровно приговорили к смерти просто за то, что она такая, какая есть! Вы сожгли ее на моих глазах, но теперь я верну ее!

— Да о ком ты говоришь!?! — Нога никак не могла полностью выскользнуть из сапога и Тенро, прикрывая свой отчаянный рывок злобой и эмоциями, подался вперед. Одна нога вырвалась из плена, но оставалась еще вторая.

— Я не знаю ее имени, — с неожиданной заботой и трепетом прошептал Киран, мечтательно закатив глаза. — Но скоро — спрошу. Я вновь мечтаю услышать ее чарующий голос. Я грезил об этом все эти годы. Кровь сестры и ваши жизни вернут ее мне!

— Ты сошел с ума, — покачал головой охотник. — Что за бред?

— Желаете знать, за что умрешь? С тебя будет достаточно и того, что ты его сын! Пожалуй, я ненавижу твоего отца даже больше, чем остальных, так что это твою голову я покажу ему, перед тем, как он умрет. Надеюсь, он доживет до этого.

— Мразь! — Вторая нога Тенро выскользнула из сапога, и, когда он не смог вовремя остановить ее, врезалась в рукоять наэрского клинка, почти сокрытого туманом.

Оружие обиженно звякнуло и полетело вперед, ударив краешком лезвия в затухающие свечи. Пламя незамедлительно вспыхнуло, перескочив на одежду Линны и Милы, и принялось разгораться.

Всего лишь на мгновение, хватка корней ослабла, будто они испугались треска пламени. Но этого мгновения хватило не прекращающему бороться Тенро, чтобы вырвать одну руку из пут.

Подтянув к себе ноги, охотник уперся ими в стену и оттолкнулся из всех сил. Удерживающие его корни лопнули и Тенро, всем своим весом, налетел на начавшего привставать Кирана.

Прежде чем заскользившие в тумане корни вновь схватили его, охотник несколько раз ударил юношу по лицу, чувствуя, как его руки покрылись черной холодной кровью.

Ярость затмила взор Тенро, и он принялся с неистовой силой вбивать в лицо Кирана свои кулаки. Его противник явно растерялся, так как корни-жала, убившие Линну, затрепетали на одном месте и бессильно обмякли, когда Киран перестал сопротивляться. Его потухшие глаза закатились, кровь на разбитых губах прекратила пузыриться, а взгляд остекленел.

Выхватив из-за пояса нож, Тенро еще трижды ударил замершего под ним юношу в грудь, пронзив его уже не бьющееся сердце.

— Альтос милосердный, Тенро... — явно опасаясь приближаться к охотнику, запричитал освободившийся от корней Ульн. — Ты убил его...

— Надеюсь, — с трудом сглотнув, мужчина рукавом вытер с лица холодную черную кровь.

Вдохнув спертый воздух, Тенро закашлялся от запаха горелой плоти. Соскочив с мертвого Кирана, охотник бросился к лежащим на полу женщинам, чьи тела уже принялось пожирать пламя, но его остановил пилигрим.

— Им уже не помочь, — торопливо заговорил Ульн, подталкивая охотника к выходу. — Видит бог, я скорблю не меньше тебя, но нам следует уходить. Линна и Мила мертвы. Их бессмертные души уже в руках Альтоса, а бранные тела поглотит очищающее пламя. Они уже свободны от боли.

Подвал стремительно заволакивал белый дым, от которого щипало глаза и саднило горло, но в его клубах, Тенро отчетливо увидел, как пламя перекидывается на корни, жадно пожирая их. В один миг вспыхнуло одеяло, и зашипела черная кровь, вытекающая из груди Кирана.

— К выходу! — Решение далось охотнику нелегко.

В последний раз взглянув на обгоревшее тело Милы, он подтолкнул пилигрима в сторону двери. Пошарив ногами по полу, Тенро отыскал свои клинки. Стоило ему поднять их, как голова Кирана отделилась от тела.

Охотник выскочил из подвала, когда его грудь уже начала гореть из-за отсутствия воздуха. Взлетев по ступеням, он наткнулся на замершего в нерешительности Ульна. Пилигрим с опаской смотрел то на покореженную дверь, то на заволакиваемый дымом подвал.

Оттеснив жреца, Тенро заглянул в глубокие трещины, из которых внутрь лился свет. Все в комнате оказалось перевернутым и разгромленным, дальнейе окно выбито и дующий из него ночной ветер раскачивал горящие оборванные занавески. Видимо кто-то из тварей перевернул стол и опрокинул свечи — дом быстро загорался изнутри, так что о том, чтобы

остаться в нем и переждать ночь, не могло идти и речи, о чем Тенро и сообщил пилигриму:

— Нужно уходить. Здесь все скоро сгорит!

— Но на улице же эти чудовища... — света в подвале было мало, но в бликах пламени глаза Ульна сверкнули страхом, который и без того насквозь пропитывал его дрожащий голос.

— Там будет хотя бы какой-то шанс. Но, если хочешь, можешь остаться здесь.

Едва договорив, Тенро кончиком меча поддел треснувший засов, но тот засел намертво и не желал сдвигаться. Тогда охотник перерубил его, после чего навалился на перекошенную дверь плечом, и та с протяжным стоном ввалилась внутрь дома.

Охотник сразу же выскочил на середину комнаты, готовый к бою, но, вопреки ожиданиям, никто на него не напал. Видимо, даже измененные решили покинуть охваченный пламенем дом. Где-то наверху затрещали стропила и удерживающие крышу балки, наверное, что-то загорелось и на чердаке, а значит и крыша в ветхой постройке могла обрушиться в любой момент.

— Здесь все горит! — Выбежавший из подвала Ульн прикрыл лицо широким рукавом своего одеяния.

Ничего не отвечая, Тенро бросился к входной двери, чьи обломки валялись в коридоре. Не замедляя шага, охотник выскочил из полыхающего дома Линны, слыша за спиной торопливые шаги и тяжелое дыхание запыхавшегося пилигрима.

К удивлению мужчин вокруг не было и следа тумана — ранние рассветные лучи освещали тихий деревенский пейзаж. Все вокруг было спокойным и безмятежным, если бы не тяжелый, разлившийся по округе запах крови, отчетливо дающий понять, что случившееся в Зеленых полянах ночью вовсе не дурной сон. Отойдя от горящего дома на безопасное расстояние, Тенро огляделся, но не заметил никаких признаков угрозы.

— Будто и не было ничего, — потрясенно покачал головой Ульн и охотник только сейчас заметил, что все лицо пилигрима покрывают мелкие ссадины и царапины — следы от корней-щупалец.

— Хотелось бы, чтобы это все было действительно так, — перед глазами Тенро все еще стоял образ мертвой Милы и он, отчасти, винил себя в гибели девушки. Если бы он раньше решил провести ее, то, возможно, она была бы жива.

Видимо тяжелые мысли отразились на его лице, потому что подошедший пилигрим, положив руку на плечо охотника, тихо произнес:

— В случившемся нет твоей вины, — Ульн заглянул Тенро в глаза и тот увидел, что жрец Альтоса плачет. — Но есть вина других. Все виноваты... даже я.

— О чем ты? — Не понял Тенро.

Неожиданная догадка заставила охотника сбросить с плеча руку пилигрима. Ведь он встречался с Кираном раньше. Видел его, но промолчал. Не предупредил никого:

— Ты знал?!

— Не все, — прошептал Ульн, смахивая со щек слезы. — Я не знал, что бедный сын Линны стал... таким. Я считал, что разум мальчика просто помутился и поэтому он всегда держит сестру подле себя, а когда я понял, что заблуждался — было слишком поздно. Киран рассказал мне о страшных вещах. Он словно бредил наяву, а оказалось — все его слова — правда. Послушай, — Ульн взглянул на Тенро так, что у охотника не возникло ни малейших сомнений в правдивости его слов. — Давай вернемся к остальным. Тебе лучше услышать все от них. От отца.

— Забери тебя туман, жрец! — вспыхнул Тенро, сжав кулаки. — Что здесь творится?!

— Ты все узнаешь... скоро, — опустив голову, Ульн первым двинулся в направлении дома старосты и Тенро, постоянно озираясь по сторонам и не убирая оружия, последовал за ним.

* * *

Влажная от росы трава щекотала ноги, неприятно покалывая теперь незащищенные подошвами стопы. Но лишившийся сапог Тенро шагал так же широко, как и прежде. После пережитого покалывание травы и сырость казались сущим пустяком, не заслуживающим никакого внимания.

Путь обратно занял немного времени — дворы были пусты и выглядели безжизненными. Рядом с проломленными воротами лежали мертвые обезглавленные тела животных и людей. Уходя, туман забрал с собой все, что мог, но те, кто погиб от оружия ищущих или же лишился головы, были ему не нужны — они лежали на своих местах, безмолвными свидетелями ночной бойни, замерев навеки в лужах собственной крови.

Ульн старался не смотреть в сторону ворот. Он лишь осенил себя знаменем Альтоса и принялся читать одну из своих бесчисленных молитв, слов которой Тенро не разобрал. Да и охотнику было наплевать, что там бормочет пилигрим, его мысли занимало совсем иное — что же такого случилось в деревне, о чем он даже не догадывается и о чем говорил Киран.

Тенро знал сына Линны с детства и тот всегда казался ему обычным мальчишкой, в меру озорным и непослушным, как и сам охотник, да и остальные дети в его возрасте. Линна с детьми всегда жила тихо и мирно, никогда никому не причиняя зла.

Если не считать сегодняшнего дня, то последний раз Тенро видел Кирана в день, когда сам покинул деревню с вербовщиком и все жители Зеленых полян вышли провожать тех, кто по жребью отправился на войну.

Когда Тенро вернулся домой, то Киран сам нес службу в армии Арстерда. Тар еще говорил, что Киран отправился на войну спустя примерно пять лет с ухода самого Тенро, а значит, чтобы ни случилось, это произошло в течение этих пяти лет.

Это показалось охотнику очень странным, ведь как только он вернулся, то несколько дней только и слушал о том, что произошло в деревне в его отсутствие. Случись что-то значимое, он бы знал об этом. Быть может туман исказил разум Кирана, заменил его воспоминания? Но как это возможно?

Более того, Тенро не мог взять в толк, как Киран, обладая силой измененного, мог выглядеть и вести себя, как обычный человек. К тому времени, когда мужчины добрались до дверей дома старосты, этот вопрос так и остался без ответа.

Остановившийся на пороге Ульн, рассеянно вытер ноги об истоптанные доски, после чего потянул дверную ручку на себя. Ничего не произошло. Пилигрим дернул сильнее, дерево скрипнуло, но дверь, по-прежнему, осталась закрытой.

— Заперто изнутри. Там засов мощный, — Тенро оттеснил Ульна в сторону, отметив, что тот ведет себя абсолютно безвольно.

Охотник уже видел нечто подобное — на войне с измененными, многие ломались. Страх, давление и боль играли злую шутку с разумом человека, вынуждая его слепо идти на поводу у судьбы.

Далеко не один солдат, за время войны с измененными, добровольно уходил в туман, чтобы сгинуть в нем навсегда, или измениться. И все, кого видел Тенро, шли туда с точно таким же отстраненным выражением лица и рассеянным взглядом, направленным в пустоту. Видимо пережитые испытания оказались слишком тяжелыми для бедного пилигрима, пошатнув не только его веру в людей, но и, казавшуюся нерушимой, веру в основы мироздания.

Только сейчас Тенро подумал о том, что мысли Ульна могли оказаться куда тяжелее, чем его собственные. Их груз неприподъемной ношей взвалился сейчас на поникшие плечи пилигрима и под его давлением мужчина все глубже и глубже уходил в себя.

Тенро дважды ударил в дверь рукоятью меча, невольно поморщившись, когда сталь оставила на дереве свежие вмятины. Внутри кто-то беспокойно загомонил, послышались шаг и, радостно взвизгнул Ар.

Кто-то остановился прямо за дверью, но открывать не спешил. Из дома донеслась приглушенная ругань.

— Отпирайте, это мы, Тенро и Ульн! — гаркнул охотник, подкрепив свои слова еще одним сильным ударом.

— Мы не можем открыть, — спокойный голос Митра было едва слышно. Однако, стоило ищущему заговорить, как все остальные голоса внутри стихли, только Ар жалобно поскуливал и, кажется, скреб дверь лапами.

— Что значит, не можете? — Удивился охотник, чувствуя, как в нем закипает злость. — Засов заклинило?

— Не в этом дело, — сухо пояснил Митр, — Я установил в доме барьер, защищающий от тумана и если кто-нибудь изнутри нарушит его, то защита спадет и измененные ворвутся внутрь. Прости, но я не могу рисковать всеми, ради вас двоих.

Сожаления, как и сочувствия, в голосе ищущего не было ни на грош, да он и, насколько Тенро смог узнать темноволосого мужчину, наверняка не старался вложить эти эмоции в свои слова. Это еще больше разозлило охотника, и он зарычал:

— Открой проклятую дверь, задери тебя черный медведь, иначе я найду способ попасть внутрь сам!

— Послушай...

— Это ты меня послушай, ищущий! Если эта дверь сейчас не откроется, то я разрублю ее или выбью окно! Отпирай, здесь давно уже нет ни тумана, ни измененных!

Послышались удаляющиеся шаги, после чего занавеска, скрывающая одно из окон первого этажа, плавно отъехала в сторону. Несколько мгновений пилигрима и охотника разглядывали насмешливые золотистые глаза Лаэртэ, после чего ткань вернулась на место и, спустя несколько ударов сердца, за дверью скрипнул засов.

— Удивлен, что ты выжил, — с крохотной толикой уважения произнес Митр, отступая в сторону.

Едва Тенро шагнул внутрь, как его сразу же стиснул в крепких объятиях отец.

— Живой, — с облегчением выдохнул Тар. — Слава богу, живой! Что-то случилось?!.. — Староста Зеленых полян наткнулся на строгий взгляд сына и невольно отступил назад.

— Это ты мне скажи, отец, — охотник, широко шагая, прошел в центр залы, заполненной жителями деревни. — И вы все, тоже, скажите мне, почему духи желают нам смерти?!

— Ты о чем, парень? — сидевший на скамье Гур встал. — Умом тронулся, что ли?

— Заткнись и сядь! — рявкнул Тенро, пригрозив недовольно засопевшему лесорубу своим клинком. Гур смерил молодого соседа недобрым взглядом, но подчинился, а тот продолжил:

— Скажите мне, почему Киран ненавидел всех вас? Ненавидел до самого конца! Ненавидел настолько, что пожертвовал своей сестрой и матерью, лишь бы поубивать нас всех!?

— Сынок... — Тар сделал шаг навстречу охотнику и тот отметил, как побледнел его отец. — Откуда ты это...

— О чем ты бормочешь, сопляк? — Громогласно возмутился Гур, нервно стиснув рукоять топора. — Откуда ты все это взял?!

— Это сказал мне тот, кто привел туманы в наш дом — Киран!

— Человек, привел туманы? Что за вздор! — натянуто рассмеявшись, Гур окинул присутствующих взглядом, явно ища поддержки, но не обрел ее.

Собравшиеся в доме старосты жители Зеленых полян стояли потупив взор, в тягостном молчании. Они выглядели подавленными и напуганными, словно стыдились самих себя, разве что дети непонимающе смотрели на взрослых, явно недоумевая, в чем дело.

— Отец, — отвернувшись от Гура, Тенро обратился к Тару. — Что здесь произошло? О чем ты не говорил мне?

— Не слушай его, Тар! Я...

— Умолкни. — С пугающим спокойствием вмешался Митр, встав напротив Гура.

Одного пронзительного взгляда голубых глаз ищущего оказалось достаточно, чтобы лесоруб послушно замолчал и без лишних споров уселся на прежнее место, сложив руки на коленях.

Удовлетворившись реакцией на свои слова, Митр посмотрел на Тенро:

— То что ты сказал о том человеке... о Киране, правда? Он привел сюда туман?

— Никого он не мог привести, у него же ног нет...

Снова взгляд холодных глаз и Гур незамедлительно прикусил язык, опустив голову и уставившись на носки своих сапог. На этот раз, ищущий вкрадчиво предупредил:

— Еще раз вмешаешься в разговор, и я убью тебя. — Просто произнес он тоном, словно пообещал наказать нашкодившего пса.

— У него из ног росли корни и уходили в стены. Он управлял ими и туманом, да и глаза были яркие, будто у измененного. Постоянно твердил, что отомстит всем, убил свою сестру и мать... — стоило Тенро сказать об этом, как жители деревни принялись взволнованно перешептываться.

Но Митру не было до этого дела, так как он резко оборвал охотника, спросив:

— Где он? Ты его убил?! — голубые глаза фанатично блеснули, а во взволнованном голосе прорезалось нетерпение.

— Был в подвале дома, вместе с телами Линны и... Милы. Я ударил его ножом в грудь...

— Голову! Ты отрубил ему голову?! — Впервые Лаэrrэ выглядел по-настоящему встревоженным. Он даже вытащил из ножен свой мягко сверкающий клинок.

— Лаэrrэ, позови Киру и проверьте этот дом, — произнес Митр, не дожидаясь ответа охотника.

Сын Леса, с готовностью кивнув, заспешил вверх по лестнице, на второй этаж.

— А ты — проводишь их, — приказал ищущий притихшему Гуру и тот не осмелился спорить.

Не прошло и десяти ударов сердца, как наэрец вместе с Кирой спустились вниз. Девушка, на ходу убиравшая взведенные арбалеты, увидев Тенро, выдохнула с облегчением и улыбнулась ему, слегка склонив голову в знак приветствия. После чего, вместе с Лаэртэ и Гуrom покинула дом.

Проводив сестру задумчивым взглядом, Митр кивнул старосте деревни и тот, тяжело вздохнув, начал свой рассказ:

— Это случилось где-то десять зим назад, — груз воспоминаний навалился на старика и тот медленно опустился на скамью. — Ты, Тенро уже пять лет, как ушел на войну, поэтому ничего и не знаешь, а мы сами решили все это забыть и не вспоминать. — Тар, будто извиняясь, взглянул на сына и тот, все еще не понимая, о чем говорит отец, кивнул ему.

Горько улыбнувшись, староста Зеленых полян посмотрел на жителей деревни, но не так, как смотрел до этого Гур, ища поддержки. Тар глядел на близких ему людей с сожалением и печалью и они, не в силах выдержать его тяжелый взгляд, отводили взоры.

— Нечем нам гордиться, — снова вздохнув, староста помрачнел еще больше. — Помню, пришла ко мне Линна и сказала, что Киран пропал. Перед закатом ушел и не вернулся. Я тогда успокоил ее, сказал, дескать, наиграется мальчишка, да вернется. Так оно и случилось. Пришел он ближе к ночи, чем-то шибко довольный, хотя и уставший. Все бы ничего, да зачастил он пропадать, а его мать места себе не находила, беспокоилась. Но он всегда возвращался, странно вел себя, а как-то раз, уже темно стало, луна взошла, а Кирана все нет. Линна снова ко мне... не пропадать же мальчишке. Я попросил Тарина и Слара пойти поискать его. Те только к воротам, а Киран сам вернулся и опять улыбается. Ну мужики его, как водится, отругали. Может, и подзатыльников надавали, чтобы мать слушался, да и отправили домой. Только снова он, на следующий день, в лес собрался. Слар его у ворот приметил. Позвал Тарина и вместе они пошли посмотреть, куда же малец бегаёт каждый день. Долго шли, аж до самого кряжа добрались и там нашли небольшую пещеру. Киран туда юркнул, ну и они поближе подошли, чтобы посмотреть, что там и как. — Староста замолчал и наморщил лоб, через который растянулись три глубоких морщины, сразу сделавшие Тара старше на добрый десяток лет.

— Дальше, — жестко потребовал Митр.

— А что дальше? Прошли по тоннелям. Следы мальчишки вывели их в другую пещеру. Заглянули они внутрь и увидели там... девчонку, молодую наэрку.

При этих словах отца, брови Тенро медленно поползли вверх, а глаза округлились.

— Она ранена была, а Киран ей, стало быть, тряпицы чистые приносил, да еду с водой. Ухаживал. Тарин и Слар тогда не смогли решить, как им быть и когда Киран домой собрался, то Тарин с ним пошел, да так, чтобы мальчишка не увидел его. А Слар остался наэрку сторожить. Когда Тарин мне все рассказал, я и не поверил сначала. Шутка ли — наэрская ведьма в наших краях. Но потом подумал, что вполне она могла от своих отбиться или же выжить после резни на границе. Поскиталась, да вышла к кряжу, чтобы в пещерах схорониться, опасность переждать.

— Вы убили ее, — Тенро и не подумал спрашивать. Он знал ответ на свой вопрос.

-А коли не мы ее, так она бы нас, — и не подумал оправдываться старик. — Ты и сам с ними воевал, сынок. Понимаешь, что к чему. Собрали мы народ, да поутру пошли в горы. Тарин нас легко к тому месту вывел, да только припозднились мы. Слар потом рассказал,

что девчонка его заметила, вот и пришлось ему ее.... Он брата на войне потерял, вот и озверел мужик. В общем, польстился он на красоту ведьмы, рот ей заткнул, чтобы не околдовала, да и надругался, а после по голове ударил, чтобы не случилось чего. Пока он нам все рассказывал, наэрка в себя пришла, попыталась сбежать. Мы ее и... она же враг нам тогда была, понимаешь? Враг! Я сам воевал. Ты, сын мой, кровь от крови, жизнью своей рисковал в борьбе с ее племенем. Я даже не знал, жив ли ты еще, али какая тварь остроухая твою жизнь забрала! Деревенских много полегло на войне.... Не сдержались мы. Убили и сожгли труп, а потом всей деревней сговорились молчать об этом.

— Но почему, отец?

— Сам-то как думаешь? — горько спросил Тар, смяв морщинистое лицо сухой ладонью. — Узнай в городе о том, что у нас здесь наэрка была, так сюда б солдат нагнали, крепость у кряжа возвели, а как же мы? Куда бы вояки за едой ходили? Мы бы все спины сломали на них горбатиться, да девок по подвалам прятать. Да и испугались... вдруг она ведьма...

— Флэриэ бы убила бы вашего охотника прежде, чем он изнасиловал ее. — Холодно заметил Митр, погладив подбородок. — Хотя... не важно. Кирану стало обо всем известно?

— Киран... он за нами прокрался, гаденыш, — сокрушенно кивнул Тар. — Все видел, а когда наэрку убили, то на нас с ножом бросился. Не слушал никого. Вообще ничего не слушал, словно заговоренный. Тогда Гур его и приложил, по голове то, обухом топора. Мальчишка на труп ведьмы упал и не шевелился больше. Ни он, ни она. Девку мы, как я сказал, сожгли. Перед этим ослепили ее, да язык отрезали, чтобы она после смерти отомстить не смогла.

— Какая глупость, — не скрывая презрения, фыркнул Митр. — Продолжай.

— Кирана принесли домой. Он оклемался, мать его выходила, правда, не помнил ничего, но оно нам и на руку было. В его возрасте один ветер в голове, мало ли чего он бы натворил, коли вспомнил бы все.

— Но он вспомнил, — Тенро покачал головой, будто не веря своим ушам. — Вы же его специально отдали вербовщику?

— Да, — признался Тар. — Подстроили мы все, чего греха таить? Решили, что вдали от дома парень не вспомнит ничего, а повидав какие зверства эти ведьмы с нашими воинами творят, возненавидел бы их. А потом, ежели б вернулся да вспомнил все, понял бы, что правы мы были. Осуждаешь?

— Нет, — после недолгих раздумий, ответил Тенро. — Не мне тебя судить, отец. Но видишь, как все обернулось? Какая беда пришла, эхом возвратилась к нам.

— Беда... — повторил Тар и замолчал, уронив голову на грудь.

Скрипнула входная дверь и в нее проскользнула Кира. Немного удивленно посмотрев на понурый люд, она что-то шепнула брату и тот сосредоточенно кивнул.

— Слушайте, — твердый голос Митра прервал давящую тишину. — То, что случилось — уже не вернуть. Но вам всем нужно немедленно покинуть деревню.

— Как? — Тар привстал со своего места. — Тенро же Кирана-то... убил.

— Его — да, — согласился ищущий. — Но осталась еще наэрка, а точнее то, во что вы ее превратили.

— В смысле «превратили»? — Тупо переспросил староста деревни.

— Я думаю, что это была флэриэ. Она очаровала мальчишку, чтобы тот помогал ей. Влюбила в себя. Не знаю чего она добивалась, но вы ей помешали. Убили. Сами создали

неупокоенного духа, одержимого жаждой мести. — Пояснил ищущий. — Видимо, когда Застывший лес расширился и завладел обратной стороной Королевского кряжа, то туман по пещерам, добрался до того места, где вы сожгли девушку и дал ей сил вернуться. Она стала с ним единым целым. Когда же Киран на войне столкнулся с туманом, то чары флэриэ ожили в нем, вместе с памятью о ней. Он стал ее глазами. Воплощением ее воли, как последний из тех, на кого воздействовала ее магия.

— Но ведь десять лет прошло...

— То, что долго для человека, лишь миг для духа, — Митр пожал широкими плечами. — Как бы то ни было нам нужно спешить. Вам следует покинуть это место до заката или вы умрете. Собирайте вещи, берите лишь самое необходимое. Скоро выдвигаемся. — С этими словами ищущий развернулся и вышел из дома, но Тенро догнал его на крыльце.

— А как же Киран? Почему он стал... таким? Ты же знаешь!

— О некоторых вещах тебе самому лучше не знать, охотник. — В голосе Митра не проступило никаких эмоций. — Вернись в дом и поторопи местных. Мы не можем медлить. — Ищущий отвернулся, давая понять, что на этом разговор окончен и Тенро не получит больше никаких объяснений.

Охотник собрался вновь остановить ищущего, но Кира перехватила его руку, заглянув охотнику в глаза и предостерегающе покачав головой.

— Просто сделай, как сказал брат, — попросила ищущая.

Смерив всколыхнувшуюся в душе волну гнева, Тенро ничего не оставалось, как последовать совету Киры. Он мог бы попробовать вытрясти из надменного Митра все, что ему нужно, но не был уверен, что справится с ищущим.

Да и, если тот прав, то вскоре каждый меч будет на вес золота. Отвернувшись, Тенро поспешил в дом, из которого уже выбегали встревоженные жители Зеленых полян.

Оставленный дом

Сборы деревенских жителей проходили в спешке и лихорадочной суете. А вот у самого Тенро вещей оказалось на удивление немного.

Нет, он предполагал, что не успел со времени возвращения обжиться хоть сколь-нибудь приличным количеством разнообразного хлама, который и оставлять не хочется, и выкидывать жалко, но и с собой таскать незачем. Но получилось совсем иначе — хлама не нашлось вовсе.

Сменную одежду Тенро надел сразу же, попросту выбросив прежнюю испачканную кровью и разодранную во множестве мест. Немного подумав, охотник прицепил на пояс кошель с вырученными за недавнюю поездку в город деньгами. Их было немного, почти все они с отцом потратили на заказы земляков, но кое что, все же, осталось и могло пригодиться.

Охотник забросил за спину колчан и достал с чердака свой старый лук, взамен сломанного. Натягивая тетиву, Тенро почувствовал, будто встретился со старым другом. Шутка ли, этот лук когда-то принадлежал какому-то наэрцу. Еще в самом начале своей службы, тетива на казенном оружии лопнула, и Тенро пришлось подобрать лук убитого им противника. Тогда оружие спасло разведчику жизнь и с тех пор они стали неразлучны.

Лишь вернувшись с войны, в попытке забыть прошлое словно страшный сон, Тенро спрятал лук, при помощи которого убил сотни противников. Он всегда считал, что убивают именно с помощью оружия, а не оружием. Кто бы что ни говорил, а не стрелы или клинки отнимают жизни. Убивает именно тот, кто наносит удар или выпускает стрелу. Сталь острия и скорость стрелы не избавляют от малодушия и не очищают совесть.

Оружие лишь инструмент, без воли, без души, без стремления. Так Тенро считал всегда, но сегодня впервые усомнился в своих убеждениях.

Когда он взял в руки верный лук и, ласково пробежав пальцами по тетиве, слегка натянул ее, то почувствовал заключенную в этом оружии силу. Разжав пальцы, он улыбнулся, слыша пение тетивы — столь знакомый призыв не раз и не два звавший его в битву. Может, у оружия и нет души, но у него определенно есть память. Тенро готов был поклясться, что чувствует, как старый приятель радуется новой встрече.

— Прости, что забросил тебя, — Тенро погладил украшенное великолепной резьбой изогнутое древко с причудливо выгнутыми плечами, символы на котором гласили — «Я несу смерть на кончике стрелы». Длинный глубокий лук подходил лишь опытным стрелкам, к которым Тенро без ложной скромности себя относил, поэтому подобное утверждение было весьма правдиво — мастера, вооруженные подобными луками, легко отнимали жизни и неважно чьи.

Спустившись вниз, Тенро застал отца ожидающим на пороге. Видимо привычка не заводить ненужных вещей передалась охотнику от предка, так как дорожная сумка Тара больше напоминала кошель бедняка.

Однако деревенский староста не забыл прихватить арбалет и нацепить ножны с мечом, а под просторным плащом тускло поблескивала старенькая кольчуга.

— Что было ценного, я уже в телегу забросил, — не глядя на сына, произнес Тар. — Мы вот только все продали, так что вещей немного.

— Хорошо. — Спустившись по так уютно скрипящим ступеням, Тенро встал напротив

отца и положил руку ему на плечо.

— Решил утешить старика? — Тар горько хмыкнул.

— Ты никогда не любил утешений. К тому же я уже говорил, что не осуждаю тебя.

— И за это я тебе благодарен, сынок. Очень благодарен. Ведь разочаруйся ты во мне — какой смысл тогда доживать свой век, коли единственная кровинка отвернется? Один ты у меня остался, и я не хочу тебя терять.

— А ты и не потеряешь, — улыбнулся отцу охотник. — Пойдем, если готов.

— Да чего тут готовиться-то? — Пусть Тар и пытался бодриться, но Тенро сразу же увидел, насколько тяжело старику покидать дом. — Я всего-то прожил здесь лучшие годы жизни с женщиной, которую любил всегда и люблю до сих пор. Мы ведь с ней все здесь своими руками... — он взглянул на свою мозолистую ладонь. — И Халина моя здесь останется, в этой земле, а я, на старости лет уйду, мне бы лучше с ней... эх!.. — Тар махнул кулестей и, отвернувшись, незаметно вытер подступившие от воспоминаний слезы.

— Мы еще вернемся, отец, — неуклюже попробовал успокоить старика Тенро.

— Никто не знает, как жизнь сложится, сынок, никто. — Задумчиво произнес Тар и посторонился, пропуская сына вперед:

— Ты иди пока, поиграй с Аром. Я сейчас.

— Хорошо. Встретимся у ворот. — Легко согласился охотник, понимая, что старик хочет немного побыть один. Что ж, они собрались достаточно быстро и у них еще есть время, а у самого Тенро было еще одно дело.

Выйдя из дома, охотник огляделся в поисках питомца, но почти сразу же заметил его. Ар уже растянулся в телеге, привычно положив морду на передние лапы. При виде хозяина волк вильнул хвостом и немного прижал уши, позволяя человеку погладить себя и довольно жмурясь от полученной ласки.

Начавшийся дождь немного намочил шест зверя и теперь от него исходил характерный, пусть и слабый запах. Но Тенро это не смущало и он, потрепав Ара по холке, сказал ему:

— Посиди здесь. Охраняй и жди отца.

Оставив волка дремать под дождем, охотник поспешил пройти знакомой тропинкой, по которой ему уже доводилось ходить этой кровавой ночью. По пути он заглядывал в окна домов, где сутились жители, стаскивая на крыльцо нажитый за годы жизни скарб.

Плакали дети, слышались торопливые шаги, причитали женщины и раздраженно огрызались мужчины — страх делал свое дело, и нервы деревенских были напряжены до предела.

Дождь усилился и Тенро некстати подумал, что вода смоет кровь, заставит землю быстрее впитать ее, словно желая как можно скорее стереть следы минувшей ночи. Но дождь, к сожалению, не смывал шрамов с тел и памяти, не рубцевал он и ран, нанесенных душе.

Миновав двор, огороженный сломанным забором, охотник вышел к пепелищу. Пламя пугающе быстро пожрало дом, и крыша обвалилась, похоронив под собой и подвал и тех, кто остался там. От тел наверняка остался лишь прах.

— Вся семья... — опустившись на колени перед обгорелой балкой, Тенро провел рукой по земле, испачкав пальцы в прибитой к ней саже.

Не обращая на это внимания, мужчина снова погладил землю, будто хотел коснуться погребенной под ней Милы. Неожиданно чувства накатили на него, и мужчина опешил от их

силы. Злость, обида, досада и грусть смешались в один ком, подступивший к горлу и мешающий дышать.

Пошарив рукой за пазухой, Тенро вытащил оттуда нитку бус, что купил для Милы, ощутив неприятный, пусть и легкий укол совести — это украшение он купил не столько для девушки, сколько для того, чтобы от него отстал отец.

Подари Тенро Миле эти бусы — дал бы девушке призрачную и, скорее всего несбыточную, надежду. А может, и нет. Теперь, он этого никогда не узнает, ведь так и не смог подарить безделушку Миле. Сейчас же, эти бусы ей ни к чему, как и ему самому.

Охотник хотел уже выбросить нитку, но за его спиной прозвучал тихий и вкрадчивый голос:

— Красивые, — Кира подошла бесшумно и поглощенный переживаниями Тенро не заметил ее присутствия.

— Наверное, — не оборачиваясь, мужчина пожал плечами, бессмысленно рассматривая небесно-синие бусинки.

— Этот лесоруб сказал, что в доме жили трое — мать и двое детей, — осторожно произнесла ищущая, подойдя поближе. — Ты купил это для той...

— Скорее нет, чем да, — Тенро не дал девушке договорить, резко выпрямившись и сжав безделушку в кулак так сильно, что твердые бусины впились в кожу.

Мужчина не понимал своих чувств к Миле и не был уверен, испытывал ли он к ней что-то кроме жалости. В любом случае, сейчас это уже не имело значения, ведь Мила, вместе со своими мечтами умерла. Огонь позаботился о том, чтобы охотнику не пришлось видеть ее с оскаленными клыками и яркими глазами. Не пришлось убивать ее собственными руками и еще раз переживать ее смерть.

— Мне жаль.

— И мне, — Тенро хотел разжать пальцы и позволить бусам упасть в пепел но, в последний момент, подхватил выскользывающую из ладони нить.

Обернувшись, он встретился взглядом с синими глазами Киры и невольно отметил, как бусы на украшении в его руке подходят к ним. Не говоря больше ни слова, охотник вложил безделушку в руку девушки и поспешил прочь, оставив пепелище дома и удивленную ищущую за спиной.

* * *

Тар стоял рядом с телегой, почесывая бьющих копытами лошадей — после минувшей ночи животных стало меньше — только те, что стояли в стойлах у дома старосты смогли пережить приход тумана — помогло волшебство ищущего.

Лишь то, что большинство из деревенских пользовались большой конюшней старосты, позволило не волочь обозы самим.

Завидев сына, Тар достаточно ловко, для своего возраста, забрался в почти пустую телегу.

— Подберем кого-нибудь у ворот, может, детишек или стариков посадим, — кивком головы Тар указал себе за спину, где между двух тощих мешков лежал дремлющий Ар. — Места полно.

— Так и поступим, — одобрил Тенро, садясь рядом с отцом. — Ну что, в путь?

— В путь, — вздохнул Тар, в последний раз оглянувшись на дом, староста Зеленых полян дернул вожжи, и лошади с готовностью потянула за собой телегу.

До ворот было рукой подать. Рядом с покосившимися створками уже собралась половина из местных, кому посчастливилось пережить минувшую ночь. Трупы растащили и аккуратно выложили вдоль частокола. Следы крови свидетельствовали о том, что мертвецов обезглавили и сейчас мрачный Пагрид вместе с Гуром, обкладывая их сухим хворостом и сеном. В двух шагах от них стоял понурый Ульн, монотонно читавший молитву за упокой душ умерших. Сейчас голос жреца звучал отрешенно и безжизненно.

— Негоже так их бросать, — прогудел лесоруб, заметив приближение старосты. — Не схороним, так хоть зверью не оставим.

— А коли огонь на дома перекинется, что тогда? — Обеспокоенно спросил Тар, оглянувшись. — Вон избу Линны кое-как затушить смогли.

— Ты и сам знаешь, староста — не суждено нам вернуться уже. Даже если заразу эту изведут, так новая через пещеры кряжа просочится. Гиблые эти места теперь.

Несмотря на неприязнь к бородатому лесорубу, Тенро не мог не согласиться с правдивостью его слов. Ищущие, наверняка, истребят измененных и изгонят туман из этих мест, но лишь на время. Зло обязательно вернется сюда. Через зиму или через десять, но вернется. Жить в страхе, постоянно ожидая чего-то — хуже пытки придумать сложно.

Охотник знал это совершенно точно.

— Все собрались? — к телеге подъехал черный конь, верхом на котором сидел невозмутимый Митр.

Мужчина держался в седле уверенно, одной рукой держа грозный взведенный арбалет, заряженный серебристым болтом, мерцавшем так же холодно, как и глаза ищущего.

— Гур? — Тар взглянул на лесоруба и тот, отряхнув руки, забрался на покосившуюся сторожевую вышку. Внимательно оглядев всех собравшихся, Гур гаркнул сверху:

— Все вроде здесь! Вон и ищущая скачет.

Из-за домов показалась Кира, верхом на лошади. Она подскакала к Митру и быстро сказала:

— Я осмотрела деревню и никого не встретила.

— Значит так, — староста прочистил горло. — Пусть каждый посмотрит по сторонам и, ежели кто не поспел еще — пусть назовет имя, — решил Тар, и жители деревни послушно начали озираться, разглядывая тех, кто стоял рядом. Однако никто ничего не сказал, а значит, все были в сборе.

— Можем ехать, — еще раз осмотрев всех, Гур неуклюже слез с вышки.

Приблизившись к обезглавленным телам, лесоруб взял из рук Пагрида факел и аккуратно положил его в собранный под мертвецами костер. Хворост и солома сразу же вспыхнули, поднимаясь все выше и выше. Кто-то из собравшихся заплакал.

— Выдвигаемся. — Голос Митра прозвучал резко и обрывисто. — Впереди Кира и Тенро, я и Лаэртэ едем последними, на случай преследования. Нам следует спешить и добраться до тракта как можно раньше. Желательно до заката.

— До заката едва ли поспеем, — Тар нахмурился, закусив нижнюю губу. — У нас мало лошадей и много повозок. Отдых людям нужен, не спали ведь ночью. Нет, не поспеем, боюсь.

— Значит, пройдем столько, сколько сможем. Не будем терять времени. Все.

Кира тронула поводья и ее лошадь двинулась первой, задав остальным довольно

быстрый темп. Догнав девушку, Тенро пошел рядом и выпрыгнувший из телеги Ар не отставал от него. Охотник долго шел, не оборачиваясь и слушая за спиной печальные вздохи отца, чья телега двигалась второй.

Тар ехал с Ульном и Микраном, остальное место заняли пожитки жителей деревни. Лошадей в Зеленых полянах было немного и сейчас всех их запрягли в скрипучие телеги, которые везли стариков и раненых.

Где-то сзади тоскливо замычала корова — туман и измененные приходили только за людьми, ведомые волей Кирана они не тронули скот. И теперь, несмотря ни на что, люди отказались бросать животных, так что Митру не оставалось ничего, кроме как позволить им взять скотину с собой, при условии, что та не будет мешать продвижению. Голубоглазый ищущий не сильно сопротивлялся, но пообещал, что лично умертвит животных, если те станут слишком задерживать людей. Ни у кого не возникло сомнений, что именно так Митр и поступит.

Тенро шел, слушая разговор своего отца с пилигримом. Мужчины говорили тихо и Ульн, в основном, молчал. Как и полагал охотник, произошедшее в Зеленых полянах сломало жреца, пошатнув его веру, как в своего бога, так и в людей. Ульн словно замкнулся в себе, стараясь не замечать ничего вокруг.

Видимо и Тар понял, что творилось с пилигримом, но так и не смог отвлечь его от тягостных мыслей.

Некоторое время Ульн прислушивался к словам старосты, а потом забормотал очередную молитву, чем вызвал у сидящего позади Микрана порцию ворчания. Тяжелые шаги и грубый голос сообщили Тенро, что Гур нагнал телегу и теперь принялся о чем-то спорить со своим отцом.

Со стороны все выглядело так, будто ночной кошмар для всех закончился и никто не понимал, что самым трудным было не решиться уехать из деревни и не начать новую жизнь. Все это казалось Тенро пустяками в сравнение с тем, что их ждет, если снова придет туман.

А внутреннее чутье подсказывало охотнику, что туман вернется. Обязательно вернется. Мужчине вдруг начало казаться, что кто-то следит за ним из леса, раскинувшегося по сторонам от дороги. Но животные вели себя тихо, да и никакого тумана вокруг не было, так что охотник унял разыгравшееся воображение.

— Твой лук, он ведь наэрский, да?

Когда Тенро поднял голову, то оказалось, что ищущая смотрит на него сверху вниз. Сидя на лошади, Кира сжимала в одной руке легкий арбалет, а другой управляла животным. Впрочем, лошадь под ней казалась спокойной и покладистой, так что особых усилий ищущая не прилагала.

— Наэрский, — не стал отрицать очевидного Тенро. — Трофей. — Он предугадал следующий вопрос Киры, о чем свидетельствовала ее легкая улыбка.

— А почему ты раньше ходил с другим? — Видимо поездка в молчании наскучила девушке, и она решила поговорить.

Успев познакомиться с Митром и Лаэррэ, охотник не удивлялся тому, что Кире сложно было найти благодарных слушателей и хорошего собеседника, так как замкнутый ищущий и чванливый наэрец, с которыми она путешествовала, не слишком на них походили.

— Хотел забыть прошлое, а это, — Тенро покосился на висящий за плечом лук, — одна из его неотъемлемых частей.

— Проще забыть, — сразу погрузилась ищущая и арбалет в ее руке дрогнул.

Тенро показалось, что девушка прервет их только начавшийся разговор, поэтому он спросил прямо:

— Кем был Киран?

— Что? — Кира удивилась, но быстро взяла себя в руки и продолжила более спокойно:

— Ты же сам видел. Он был измененным.

— Измененные не говорят, не дышат и не испытывают никаких эмоций, кроме злости. Их глаза всегда горят ей, а Киран, сперва, показался мне обычным человеком. Я никогда не видел ничего подобного...

— И лучше бы тебе не видеть этого снова. — Раздраженно и резко бросила Кира, сразу же добавив:

— Прости. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Как и ожидал охотник, ищущая не спешила открывать ему свои карты. Но от этого его любопытство разгоралось только ярче. Тенро решил, во что бы то ни стало, узнать о том, что произошло с Кираном и теперь оставалось придумать, как это сделать. Не пытаться же ему Киру. Пусть бывший разведчику «черных стрел» раньше приходилось «развязать язык» многим пленным, пытаться девушку, что не была врагом, ему не хотелось.

— Куда направитесь теперь? — спросила Кира.

— Это решит отец, — в тон ей ответил охотник. — Он староста и народ последует за ним туда, куда он решит. Все здесь давно стали семьей и привыкли принимать общее решение. — Некстати вспомнив историю о смерти наэрки, Тенро поморщился — тогда жители Зеленых полян, тоже приняли решение вместе.

— А куда бы хотел направиться ты? Я говорю не о всех вас, а конкретно о тебе.

— Мне все равно, — честно ответил охотник, ни сколько не покривив душой. — Мой дом с моей семьей.

— Я тебя понимаю, — улыбнулась Кира. Девушка оглянулась, посмотрев туда, где в хвосте колонны скакал ее брат.

«Мы, действительно, в чем-то похожи», — подумал Тенро, разглядывая приятное лицо девушки.

Все семья Киры — это ее брат Митр, а все, что осталось у Тенро — его отец и Ар. Охотник не питал большой привязанности к жителям Зеленых полян, особенно после их недоверия и непреодолимого упрямства, но, все равно, сопереживал им. Ведь если они не будут держаться друг за друга, то пропадут.

Плащ ищущей затрепетал на поднявшемся ветру и немного разошелся в стороны, открыв взору следопыта узкую нитку небесно-синих бус на шее девушки. Кира быстро поправила плащ, и Тенро сделал вид, что ничего не заметил. Дальше они двигались в угнетающей тишине, нарушаемой лишь редким и недовольным ворчанием Микрана, да басом его сына.

Серое небо навалилось сверху на деревья, низко прижав их к земле порывами невесть откуда налетевшего ветра. Он швырял ледяные капли в лица людей, обжигая кожу холодом и забирая тепло.

Машинально коснувшись лука, Тенро тихо выругался — разобрать и спрятать его он сейчас не мог, а подобная сырость не пойдет оружию на пользу. Но, вовремя вспомнив, что луки наэрцев не боятся капризов природы, мужчина немного успокоился, ведь оставались еще стрелы, которые делали люди. Если придется сражаться, то такой ветер и дождь не дадут нормально прицелиться, и это было очень скверно.

Покинувшие свои дома люди прошли мимо разваленного когда-то молнией старого

дерева. Они старались не смотреть на останки человека и лошади, обглоданные зверьем. Пройдя мимо, люди свернули на перекрестке налево, к тракту. Разумеется, можно было воспользоваться дорогой, которой Тенро с отцом и пилигримом возвращались в Зеленые поляны, но та была слишком безлюдной и узкой.

Темный лес, петляющая тропа и отсутствие поселений на несколько дней пути делали эту дорогу непригодной в данном случае. Следовало как можно скорее выбраться на тракт, где есть не только деревни, но и форпосты. Там можно было укрыться.

Тенро не питал излишних иллюзий и не надеялся добраться до тракта до заката. Такое возможно верхом или в телеге, но не тогда, когда большинство людей идет пешком, без отдыха. Лучшей идеей казалось съехать с дороги и разбить лагерь, но это было не так. Если их будут преследовать, то времени отдыхать нет. Многим сейчас хотелось разжечь костры, чтобы согреться и дать отдых уставшему телу, но прибежавший из хвоста колонны Лирошка сказал, что Митр велел двигаться не останавливаясь.

Передав слова ищущего, деревенский пастушок не спешил возвращаться назад и залез в телегу Тара, устроившись между двух тюков и накрывшись сверху своим плащом — усталость начала брать свое. Земля размокала все больше и больше, и идти по ней становилось сложнее с каждым шагом. Грязь разъезжалась под ногами, а дождевые капли быстро заполняли все ямы, существенно замедляя продвижение.

— Не устал? — Кира тоже увидела прикорнувшего мальчишку и покосилась на шагающего рядом охотника.

— Во время войны мне приходилось проходить много больше, так что не сравнивай меня с ребенком. Да и не до отдыха, когда по пятам могут идти измененные. — Недоверчиво посмотрев по сторонам, Тенро сдержал огорченный вздох — дождь сильно ухудшал видимость, делая людей еще уязвимее.

Прямо сейчас туман мог подобраться к ним почти вплотную и Тенро все чаще и чаще поглядывал на трусившего рядом волка. В отличие от глаз человека, чутье зверя обмануть гораздо сложнее.

— Думаю, до заката нам точно ничего не угрожает, — уверенно заявила Кира, поправив накинутый на голову капюшон, почти скрывающий ее лицо.

— Измененные — любят ночь, но, в своем стремлении к теплой крови, могут атаковать и днем. Не в полдень, разумеется, но вот ранним утром или ближе к вечеру — вполне. Бывают исключения. Вспомни, хотя бы, момент нашей первой встречи. — Уверенность ищущей насторожила Тенро, так как шла вразрез с его личным опытом. Он слишком хорошо помнил неожиданные атаки измененных и при свете солнца, и в мягких лучах заката. — Ты ведь знаешь что-то, чего не знаю я? — охотник прищурился.

— Ты снова о своем? — В голосе девушке прозвучало недовольство. — Я же сказала, что не могу тебе ничего сказать. Поверь мне, так будет лучше для всех нас.

— Я привык сам решать, что лучше для меня. — Серdito буркнул Тенро, у которого разом пропало все желание продолжать зашедший в тупик разговор.

Поотстав от лошади ищущей, охотник поравнялся с телегой, которой правил его отец. Некоторое время Тар молчал, а после спросил:

— Непростая девочка, да?

— Будто ищущие могут быть простыми, — раздраженно бросил Тенро.

— Не знаю, — спокойно произнес старик. — Я ведь их особо и не встречал до недавних пор. Но, признай, они здорово помогли нам. Этот Митр, он спас всех.

— Пойду сбегаяю к нему и поблагодарю. — Огрызнулся охотник, и отец удивленно взглянул на него.

— Тенро, ты сам не свой.

— Прости, — глубоко вздохнув, охотник постарался успокоиться. — Просто не нравится мне это все. Какие-то тайны, да еще и этот дождь, будь он неладен.

— Этот дождь — слезы Альтоса, скорбящего о смертях, — тихо заговорил Ульн, поднимая осунувшееся лицо к серому небу. — Столько смертей, столько зла...

— Да заткнись ты уже! — Сидящий сзади Микран попытался ударить пилигрима клюкой по спине, но его сучковатое оружие вовремя перехватил Гур.

— Не балуй, старикан, — буркнул лесоруб. — А не то пешком пойдешь.

— Вот ведь, вырасти на свою голову дуболома-то!.. — С готовностью принялся причитать Микран. — Где был твой Альтос, когда этот детина появился на свет? — Вопросил он у Ульна, но тот не ответил.

— Сынок, — Тар культей коснулся плеча сына. — Не сменишь меня? Спину разомну, а ты и перекусишь заодно.

— Конечно, — согласился охотник, занимая место отца. Не успел он сесть, как сморщенная рука Микрана ткнула его в бок, после чего старик протянул Тенро кусок хлеба и холодный окорок.

— Жуй давай. И ты тоже, — смягчился самый пожилой житель Зеленых полян, выделив порцию и своему сыну.

Гур принял угощение молча, а Тенро, повернувшись к Микрану в пол-оборота поблагодарил старика, о чем сразу же пожалел, так как тот незамедлительно принялся высказывать свое недовольство сыну:

— Вон смотри, окаянный, какие у людей дети вежливые, не то, что ты!

— Я сейчас сброшу тебя с телеги, старик! — Беззлобно пригрозил лесоруб, но подобная угроза несколько не смутила его ворчливого родителя, и тот продолжил отчитывать своего непутевого отпрыска.

Тенро старался не обращать внимания на новую перепалку за своей спиной и, быстро перекусив, поделился остатками еды с Аром. Волк ловко поймал брошенную ему кость, с остатками мяса и, запрыгнув на телегу сзади, принялся с аппетитом хрустеть ей.

Отец охотника ушел немного вперед и теперь говорил о чем-то с Кирой. Слов Тенро разобрать не смог, так как прямо под ухом у него басил Гур и скрипел Микран, да и дождь с ветром подхватывали едва успевавшие слететь с губ слова, перемешивая их, разрывая и унося в разные стороны.

— Я не понимаю, — вдруг произнес Ульн, и охотник едва смог услышать его слова. — Почему Альтосу угодны подобные деяния? Даже если наэрская девочка была безвинна, то почему сейчас, вместе с теми, кто совершил этот грех, страдают и их дети?

— Едва ли в их смерти виновен ваш бог, пилигрим, — Тенро не собирался успокаивать жреца. Он лишь хотел высказать свое мнение, отвлечься от размышлений над тем, о чем умалчивают ищущие. — На многие вещи можно смотреть по-разному. Может Альтос, наоборот, помогает нам спастись.

— Ты об ищущих? А вдруг и их смерть будет угодна богу? Вдруг Альтос послал их к нам, чтобы и они сложили головы в этих землях? Киран говорил, что духи дали ему спокойствие и силу, чтобы свершить правосудие, так почему Альтос не может поступить так же? Почему не даст нам сил изгнать эту скверну с наших земель? Заточить ее туда, откуда

она пришла?

— «Ваша вера подверглась серьезному испытанию», — так говорил нам наш полковой жрец, пока был жив. «Будьте тверды и тьма не завладеет ни помыслами вашими, ни сердцем». Как-то так. — На память пересказал охотник услышанные когда-то давно слова. — Почему бы и тебе не последовать этому совету.

— А разве он помог вашему жрецу? — С ироничной усмешкой поинтересовался Ульн, в чьих глазах блуждали тени сомнений и страха.

— Послушай, — вкрадчиво произнес Тенро, почувствовав, что начинает злиться. Раньше он не замечал за собой подобной вспыльчивости. Возможно, сказывалось напряжение, а может он просто устал. — Кто из нас жрец и пилигрим? *Твоя* вера и *твои* слова поддержки нужны людям, а ты, вместо того, чтобы исполнять свой долг, ищешь утешения для себя? Или все, что ты постиг из писаний, так это стремление жалеть себя?!

Хрипло рассмеявшийся было Ульн вдруг умолк, спрятав натянутую улыбку. Он внимательно посмотрел в глаза охотнику, и в его взгляде что-то изменилось — он стал теплее и, пусть лишь немного, но увереннее.

— Возможно, ты прав, Тенро. Что, если Альтос направил мои стопы сюда, чтобы я помог страждущим? Что если так он проверяет мою веру? Прости, я должен покинуть тебя. — С этими словами Ульн спрыгнул на землю. — Я буду с теми, кому нужен и ты должен поступить так же. Спасибо. — Поблагодарив смутившегося охотника, пилигрим поспешил назад.

Когда Тенро обернулся, то увидел, как Ульн подходит то к одному человеку, то к другому и что-то говорит им. Пилигрим осенял уставших жителей Зеленых полян знаменами Альтоса, благословляя их на дальний путь и беседуя с теми, в чью душу сомнения и страх прокрались так же, как и в его собственную.

В эти мгновения охотник позавидовал пилигриму, ведь тот мог находить спокойствие в утешении других, а сам Тенро давно позабыл, что это такое. Почти каждой ночью он просыпался в холодном поту от воплотившихся во сне воспоминаний. Постоянно ждал чего-то, словно чувствуя на себе чей-то недобрый взгляд. И не мог избавиться от ощущения, что для него война не кончилась. Она всегда была с ним, в его сердце, душе и разуме. Она впиталась в тело Тенро сквозь раны, отпечаталась в глазах, что видели ее, проникла в разум вместе с криками умирающих.

Война отравила его душу, исковеркав ее, подстроив под себя. Поэтому Тенро старался избегать людского общества и проводил много времени на охоте. Он понял это, когда вернулся домой.

Однажды, когда Тенро только пришел со службы, они вместе с отцом поехали в город. Продав шкуры, собираясь домой, они зашли в таверну, что находилась неподалеку от ворот. Был жаркий день, и отец с сыном решили выпить по кружке холодного пива, которым славился Сафрас.

Уже выходя, захмелевший Тар случайно толкнул плечом какого-то бугая, который с дружками явился в таверну за тем же, зачем и остальные. Несмотря на извинения, громила решил проучить наглеца и вот тогда Тенро среагировал мгновенно.

Охотник стрелой метнулся между отцом и замахнувшимся мужчиной, одним движением сломав тому ногу, и сразу хлестким ударом по горлу повалил на пол. Попытавшийся вступить за друга невысокий крепыш врезался в стену, хватаясь за грудь и судорожно пытаясь вдохнуть.

Заметив сверкнувший нож, Тенро перехватил занесенную для удара руку и ударил третьего противника ладонью в локоть, вывернув конечность заоравшего от боли человека в обратную сторону, после чего, поймав в воздухе нож, едва не убил его.

Отец вовремя остановил сына, когда тот готов был всадить клинок в горло извивающемуся противнику. Поддрагивающее лезвие замерло в каком-то дюйме от шеи. Как оказалось, трое мужчин оказались солдатами королевской гвардии, решившими отдохнуть в увольнении. Только то, что один из прибежавших стражников узнал Тенро и подтвердил, что тот служил в «черных стрелах», спасло охотника от серьезных проблем.

Но по-настоящему Тенро был благодарен своему отцу, ведь если бы он не остановил сына, то задиры не отделались бы травмами. Тенро, не задумываясь, сделал бы то, чем занимался последние двенадцать лет своей жизни — он убил бы своих врагов. Убил бы прежде, чем успел подумать о последствиях и одно лишь осознание этого, повергло охотника в шок.

Он наивно полагал, что с возвращением домой, оставил прошлое позади. Но тогда он вдруг разом ощутил, насколько стал чужд миру, в который вернулся.

С тех пор Тенро старался жить тихо, постоянно надеясь забыть прошлое, словно страшный сон и больше никогда не почувствовать пугающего удовлетворения от победы над противником. Но заменив врагов зверьми, он не изменил собственной природы. Прав был и капитан, когда говорил, что не бывает бывших «черных стрел». Однажды став одним из «стириат леар», ты оставался им на всю жизнь.

Два года Тенро отчаянно цеплялся за новую жизнь и за то место, что считал домом и теперь все его старания оказались тщетны. Злость леденящей волной поднималась из глубины души, подстраивая под себя мысли охотника и разжигая в нем жажду мести, которую он с трудом смог подавить. Сейчас он должен быть рядом с отцом и теми, кому он нужен.

Ульн был прав.

— ... сын! Тенро!

Охотник даже не заметил, как его отец снова забрался в медленнодвигающуюся телегу.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Тар. — Я уже идти устал, а ты все сидишь, как вкопанный, не отвечаешь.

— Просто задумался, — после некоторой паузы ответил охотник, передав вожжи отцу. — Лучше пойду пешком.

Перегнувшись через борт, Тенро зачерпнул из мешка горсть сухарей, сунув их в карман, и соскочил на землю. Догонять скучающую в седле Киру у него желания не возникло, поэтому мужчина пошел вровень с телегой, меланхолично хрустя сухарями и изредка запивая их водой из фляги, то и дело, поглядывая по сторонам.

Быстро утолив голод, охотник взял в руки лук и положил на тетиву одну из стрел. Едва коснувшись приготовленного к бою оружия, Тенро испытал духовный подъем, словно вновь обрел себя после нескольких лет слепых скитаний. Вновь стал самим собой.

Тар некоторое время обеспокоенно наблюдал за сыном и никак не мог понять, что же поменялось в нем. Вроде рядом шел все тот же Тенро, только более мрачный и задумчивый, нежели обычно, но оно и не мудрено, после таких-то событий.

Мелькнувшая на губах сына улыбка и вовсе сбила старика с толку. Он потряс головой, для уверенности потеряв глаза единственной рукой и, снова взглянув на сына, вдруг разглядел то, чего не замечал: Тенро двигался, будто был на охоте — только к бесшумной

походке и внимательному взгляду прибавилась какая-то животная стремительность, граничащая с нетерпением.

Лишь однажды Тар видел своего сына таким, когда тот едва вернувшись с войны, чуть не убил трех гвардейцев в таверне. Только сейчас старик узнал этот взгляд и, почему-то, в глубине души, обрадовался. Каков бы не был Тенро, он был его сыном.

Как отец Тар радовался, что его единственный отпрыск, наконец, избавился от терзавших его страхов и сомнений, но какая-то частичка старика содрогнулась от мысли, кем может стать его сын, если пойдет по склизкой от крови дорожке прошлого.

— Ничего, Халина, — прошептал Тар, взглянув на низкое небо, по которому, легко обгоняя людей, плыли пунцовые тучи. — Наш мальчик уже взрослый, а я всегда поддержку его. Можешь не волноваться.

* * *

Когда время перевалило далеко за полдень и дождь немного стих, отряд сделал короткую остановку, чтобы хоть немного отдохнуть и накормить лошадей. Люди устали и, когда Митр велел всем снова собираться в путь, начали недовольно роптать — никому не хотелось опять маршировать по грязи и лужам.

Но ищущему достаточно было лишь напомнить всем о пережитой ночи, чтобы страх подстегнул даже самых упрямых.

Тенро, молча, наблюдал за недовольными земляками, поглаживая большим пальцем рукоять лука, который всегда держал наготове. Беспокойство охотника нарастало с каждым ударом сердца. Дурное предчувствие не отпускало молодого человека, вынуждая всегда быть настороже. Он каждой частичкой тела ощущал приближающуюся опасность и проклинал медлящих и препирающихся с ищущим людей. По его мнению Митр был недостаточно убедителен и жёсток.

Когда все были готовы тронуться в путь, мимо Тенро проехал Лаэrrэ и охотник заметил тень беспокойства в золотистых глазах. Наэрцы как никто из людей близки с природой и, если в лесу происходило что-то неладное, то Лаэrrэ это чувствовал.

Ударив пятками по бокам своего коня, наэрец ускакал в хвост колонны и принялся что-то втолковывать Митру и Кире, постоянно указывая рукой в сторону оставшейся далеко позади деревни.

Ищущие выслушал спутника не перебивая и Митр что-то коротко сказал ему, после чего дал знак выдвигаться. Лошадь Киры заняла место во главе колонны и, повинаясь воле хозяйки, первой начала движение, задавая темп всем остальным. В этот раз она шла быстрее, то и дело, кося в сторону леса настороженным взглядом, да и сама ищущая выглядела более собранной, чем до привала.

— В чем дело? — спросил Тенро, поравнявшись с лошадью девушки и потрепав животное по намокшей гриве.

Ищущая поначалу не ответила. Она некоторое время смотрела на охотника, явно решая, стоит ли говорить ему правду или нет. Наконец, свесившись с седла, она наклонилась к нему и тихо произнесла:

— Лаэrrэ, прежде чем мы покинули деревню, оставил там метку. Знаешь что это?

— Магия наэрцев, — кивнул охотник, знакомый с волшебством детей Леса не понаслышке.

В армии «метками» называли символы, нанесенные на землю, камень или даже кору деревьев. Сочетание этих символов складывалось в фигуру, которая позволяла наэрцам

«чувствовать» происходящее вокруг метки. Очень часто отряды людей попадали в ловушки именно благодаря подобным фокусам детей Леса.

Все-таки Лаэртэ умел не только язвить и махать клинком.

— Теперь он говорит, что чувствует беспокойство в деревне, — продолжила девушка. — Возможно, это звери пришли на запах крови.

— Мы оба знаем, что это не так, — Тенро скрипнул зубами. — Это обжитые места и зверье не сунулось бы туда так скоро. К тому же все вокруг деревни забрал туман, а те, до кого он не добрался, убрались прочь, подобру-поздорову. Жаль, что у моих земляков не хватило ума сразу поступить также. Наэрец не сказал, сколько у нас времени?

— У нас большое преимущество, но, если измененные будут нас преследовать, то могут быстро нагнать...

— Надо задержать их. — С готовностью заявил Тенро, понимая, что это единственный выход спастись хотя бы кому-то.

— Брат сказал то же, — безрадостно заметила Кира, которой явно не нравилась подобная затея, пусть она и осознала, что другого выбора нет. — Но пока мы будем двигаться вперед столько, сколько сможем. Лаэртэ оставил еще одну метку на месте нашего привала, так что дальнейшие наши действия будут зависеть от того, что и когда он почувствует. А до этого, — Кира указала глазами на отца охотника. — Никому ни слова. Незачем пугать всех раньше времени, ведь если начнется паника, то все могут броситься врассыпную и нас перебьют поодиночке. Этого никак нельзя допустить.

— Повторяешь слова брата? Тогда прибавь шагу. Впереди, где эта дорога пересечется с трактом, будет небольшая крепость. Там крепкие стены и подготовленные солдаты. До заката мы должны успеть добраться до нее.

— Но успеем ли? — В голосе ищущей слышалось сомнение, которое охотник полностью разделял. Если они будут и дальше придерживаться такого темпа, то доберутся до стен лишь к полуночи.

— Кто-то может поскакать вперед и предупредить солдат, — предложил Тенро.

— Обычного деревенского жителя они не послушают, ровно так же, как и не станут покидать крепость на ночь глядя, — покачала головой Кира и, угадав мысль охотника, добавила:

— Ни я с братом, ни Лаэртэ, не оставим людей. Если измененные нагонят нас раньше чем мы рассчитываем, то каждый клинок будет на счету. Покинь мы вас и прибывшая на помощь стража найдет лишь трупы. Зная нерасторопность комендантов, то неизвестно, сколько пройдет времени, прежде чем он примет нас и соберет своих людей. Ищущих не слишком-то жалуют в армии.

Кира говорила абсолютную правду — простые воины всегда с опаской и непониманием относились к таким как она или ее брат. Многие и вовсе воспринимали появление ищущих, как дурную примету и, зачастую, так оно и было.

Может в городах или больших крепостях все обстояло бы иначе, но в такой глуши, как здесь, рассчитывать на понимание не приходилось.

— Комендант Утесной крепости, вроде бы, сын какого-то вельможи из Сафраса, — поморщился Тенро, представляя каким характером может обладать тот, кто всю жизнь провел в достатке, а, поступив на военную службу занял непыльную должность. — Отец говорил, что он не отличается особым рвением и усердием. Такой будет выискивать любую причину, только бы не рисковать ради горстки каких-то деревенщин. Готов поспорить, явись

мы без ищущих хоть под самые ворота, да еще и с толпой измененных на хвосте, он не пустил бы нас внутрь.

Тенро умолчал о том, что его отец — староста деревни, как-то повздорил с этим самым комендантом и его папашей. Назвал обоих дармоедами и отказался принимать местного сборщика податей.

С тех пор Тар лично возил налоги королевскому сборщику в Сафрас, в обход лишних карманов. Стоит ли говорить, что комендант Утесной крепости даже слушать не станет никого из Зеленых полян, а соврать не получится — дорога от деревни к крепости всего одна и других поселений в этом направлении нет.

— Вот видишь, — Кира выпрямилась в седле, разочарованно вздохнув. — Я тоже предлагала брату послать кого-то вперед и дать ему что-то принадлежащее нам — бумаги с печатью жрецов или что-то еще. Но Митр сказал, что солдаты, скорее всего, решат, будто какой-то бродяга наткнулся на трупы ищущих или просто украл наши вещи и даже не станут разбираться, что к чему.

— Скорее всего, повесят и даже слушать не станут, — порядки скорых на расправу солдат, Тенро знал.

Вояки скучали в отдаленной крепости — Королевский кряж надежно защищал эти земли от тумана, а бандиты так далеко забирались очень редко, так что казнь воришки без роду и племени, определенно позабавит солдат. А вот если бы они меньше пили и чаще патрулировали бы вверенные им земли то, возможно, поняли бы, что горы перестали быть преградой для Застывшего леса.

Но что толку рассуждать об этом? Охотник послал молчаливое проклятье на головы стражей королевства и вслух сказал:

— Тогда нам ничего не остается, кроме как спешить, — подвел итог невеселому разговору Тенро и, первым последовав своему совету, ускорил шаг.

Когда возглавляющая колонну лошадь ищущей ускорила, то Тар недовольно сдвинул брови и, подозвав сына, шепотом спросил:

— Все плохо?

— Пока нет, — честно ответил охотник. Ему не хотелось пересказывать отцу их с Кирой разговор, но, если бы тот спросил, Тенро не стал бы лгать.

— Твари могут преследовать нас? — Тар хорошо знал своего сына и по одному его взгляду понял, что прав. Староста задумался, почесав культей отросшую седую бороду. — Никому лучше об этом не знать. Лишняя паника не нужна — это тебе девка сказала?

— Да.

— А ее, небось, брат надоумил, — легко догадался старик, недовольно глянув за спину. — Не нравится он мне. Ладно, пусть будет, как они решили. Но, — он серьезно посмотрел сыну в глаза. — Коли все бедой обернется, ты никого не жди, сынок. Спасайся сам. Не спорь со мной! Если по наши души тварей понабежит слишком много, то один ты уйдешь, а иначе никому не поможешь, да еще и сам сгинешь.

— Ты же староста, как ты можешь... — слова Тара удивили охотника.

— Перво-наперво, я — твой отец, а уже потом староста. Ночью я замешкался и ты ушел за пилигримом один. Я подвел тебя, как отец и больше так не поступлю. Как с людьми быть — сам решу, но и сыну помереть не дам. Только ты у меня остался и покуда ты жив, значит и мы с Халиной не зря свою жизнь прожили. Помни об этом.

Не зная, что ответить, Тенро промолчал. Что бы не говорил ему отец, если придется

сражаться, то он будет драться и не оставит его одного. Но спорить со стариком было бесполезно, если уж он что-то вбил себе в голову, то не отступит никогда и ни за что. Только жена, пока была жива, могла уговорить Тара, но теперь ее нет, а никого другого он и слушать не станет. Даже собственного сына.

Здравый смысл говорил молодому человеку, что его отец прав — сам охотник, скорее всего, сможет уйти лесами. С холодной расчетливостью Тенро подумал, что даже один попутчик существенно замедлит его продвижение и уменьшит шансы выжить.

Охотник встряхнул головой, отгоняя неприятные мысли — как он вообще мог подумать о том, чтобы бросить остальных? Да тот же Гур, каков бы он ни был, знал Тенро с пеленок и заботился о нем как о своем сыне.

Но, несмотря на старания охотника, темные мысли не покидали его сознания. Все те, кто сейчас оставил свои дома, показались ему обузой, жалкими дураками, которые никогда не поймут через что он прошел на войне.

В висках заломило, к горлу подкатил скользкий ком, а глаза заслезились. Чувство было такое, как будто Тенро снова оказался в проклятом тумане. Несколько раз глубоко вдохнув, мужчине удалось отогнать наваждение и забарабанившие в лицо капли усилившегося дождя, смыли неприятные мысли. Мир вокруг перестал быть серым и дышать свежим, хоть и сырым воздухом стало значительно легче.

Отыскав взглядом Киру, Тенро всерьез задумался, не рассказать ли ей о том, что он почувствовал. Но эта идея покинула его разум так же быстро, как и появилась — несмотря на привлекательность и ее отношение к людям, Кира оставалась ищущей. Ничто не мешало ей выпустить в Тенро стрелу, заподозрив его в связи с измененными.

Невольно охотник вспомнил Кирана и его налитые злобой глаза — что если с искалеченным парнем происходило тоже, что и с ним? За два года войны с измененными бывший разведчик «черных стрел» несколько раз оказывался в тумане, но никогда не чувствовал того, что пережил сейчас. Может он просто слишком устал и перенервничал.

— Скорее всего, так и есть, — пробормотал Тенро, встряхнувшись и поморщившись, когда дождевая вода с волос попала ему за шиворот. Он специально не надевал капюшона, чтобы не ограничивать видимость, так что пришлось смириться с вызванными этим неудобствами.

«В конце концов — лучше промокнуть, замерзнуть и захворать, чем умереть, ведь в земле еще хуже» — в прошлом часто повторял своим подчиненным капитан разведчиков и Тенро всегда с ним соглашался.

Дождь то прекращался, то начинался вновь, словно испытывая людей на прочность, а ветер, и вовсе, стремился продуть их насквозь. Ближе к вечеру недовольство людей начало расти. Они то и дело бросали недовольные взгляды в сторону невозмутимого Митра.

Сам ищущий не обращал на это никакого внимания. Точно так же, как и не вспоминал об обещанном вечернем привале, чем разозлил всех еще больше.

От гнева деревенских мужиков, Митра спасал их суеверный страх перед ним и ехавшем рядом Лаэртэ. И пусть ищущий заботился лишь о сохранности человеческих жизней, в глазах незнающих правды людей он был бесчувственным тираном, которому плевать на остальных.

Тенро готов был поспорить, что общественное мнение заботит темноволосого ищущего в самую последнюю очередь, но от подобной несправедливости ему все равно стало не по себе.

Сам охотник каждое мгновение ждал, что Лаэртэ даст знать об оставленной им метке,

но наэрец просто ехал следом за всеми, глядя по сторонам. Он выглядел спокойным и уверенным, а золотистые глаза, как всегда, смеялись.

Один раз, оглянувшись, Тенро увидел, что Митр едет один, но тут его догнал отставший было Лаэrrэ, снова поехав рядом.

Лишь когда на крошечных открытых участках неба, среди неторопливо скользящих темных туч, начали зажигаться первые звезды, Митр и Лаэrrэ, пустили лошадей в галоп и быстро поскакали во главу колонны, сопровождаемые недоуменными взглядами.

Выехав вперед, они натянули поводья.

— Они близко. — Едва его конь успел замедлить шаг, сказал Митр. — До крепости еще далеко, так что выбор у нас невелик.

— Попробуем сдержатъ их, пока остальные будут уходить? — Предложила Кира, с опаской взглянув на темневший за спинами людей лес.

— Да, — решительно кивнул ищущий. — Будем надеяться, что и она покажется нам. Иначе у нас не будет шанса.

— Она? — Тенро вскинул бровь.

— Та, что ведет измененных, — коротко пояснил Митр. — Ее следует уничтожить, иначе нас не выпустят. Расправимся с ней — возможно выживем.

— А если бросим все и побежим? Успеем добраться до крепости? — телега Тара следовала сразу за лошадью Киры, так что не жалующийся на слух староста слышал каждое слово.

— Не успеем. Их много и они быстры. Единственный способ — сразиться с ними и попытаться удержать, уничтожив как можно больше. Если свяжем измененных боем, отвлечем запахом крови, то все они кинутся на нас и даже ее воля не сможет направлять их. Тогда и сама хозяйка этой своры псов покажется, чтобы лично расправиться с препятствием, вставшем на пути ее мести. — Озвучил свои мысли Митр и Тар, выслушав его, согласно кивнул.

— Но мы втроем не справимся, — вклинился Лаэrrэ, по лицу которого было ясно, что просить помощи у людей ниже его достоинства, но обстоятельства неуклонно этого требовали.

— Вы и не будете втроем, — Гордо выпрямившись, Тар потряс арбалетом. — Я соберу всех, кто сможет сражаться. Остальные продолжают путь.

— Скот придется оставить, — лицо Митра оставалось бесстрастным. — Нам потребуется много крови, чтобы все измененные атаковали нас, и никто не проскочил мимо. Ранее мне не удалось убедить твоих людей, староста. Может сейчас это получится у тебя.

— Я сделаю это. — Решительно кивнул Тар.

Тенро хотел сказать, что кровь животных едва ли привлечет тварей тумана сильнее, чем биение живых сердце, но Митр явно знал, что говорил.

Решив промолчать, охотник не отрываясь смотрел на бледное лицо ищущего и на азартный блеск в его голубых глазах. Внутреннее чутье подсказывало Тенро, что то, что произойдет с людьми — не заботит Митра. Будь на то воля ищущего, он бы не только скот забил ради крови, а пожертвовал бы еще и теми, от кого нет толку в бою.

Митр хотел заманить мертвую наэрку в ловушку, расставленную им, будто пауком. Оглядевшись, охотник отметил, что местность идеально подходит для боя — справа большой открытый участок с редким леском, а слева высокий холм, на который не забраться ниоткуда, кроме как с одной стороны. На высокие отвесные склоны не каждый измененный

запрыгнет. Можно назвать настоящим чудом то, что они решили дать бой преследователям там, где у людей будет больше шансов на победу.

— Чудо... — фыркнул Тенро. Он еще раз взглянул на Митра и заметил на его тонких губах легкую самодовольную ухмылку, точно такую же, как и у Лаэrrэ.

— Мы займем вон тот холм, — произнес ищущий, и на его лице появилось выражение довольного собой охотника, загнавшего крупную дичь.

Только сейчас Тенро понял, что Митр специально вел их именно сюда. Он вполне мог заметить это место, когда вместе с сестрой и наэрцем ехал в деревню, а теперь вспомнил про него. Но ведь он мог сразу сказать правду и тогда они постарались бы добраться до сюда быстрее, а уже тут отдохнуть и подготовиться к бою. Но Митр не спешил, даже дал всем время на привал, будто ждал чего-то.

— Мы займем оборону на высоте и будем ждать ее.

После этих слов Митра, Тенро открылась полностью вся картина — ищущий не стремился спасти всех, его задача состояла в том, чтобы выманить кровожадный дух, которым стала мертвая наэрка.

Поэтому он никого особо не торопил и не сильно настаивал на быстром темпе! Хотел, чтобы она не потеряла след, дразнил ее! Выманивал, словно дичь, из своей норы в пещерах Королевского кряжа, чтобы та не смогла отступить и спрятаться.

Теперь же, заняв оборону, он вынудит оставшихся с ним мужчин сражаться до последнего, так как от этого будут зависеть жизни их близких, для которых они выиграют бесценное сейчас время. А на деле — просто отвлекут на себя измененных, пока ищущие займутся их хозяйкой.

Именно поэтому Митр не хотел разделять силы, отправляя сестру или Лаэrrэ в крепость за подмогой — твари не полезут на стены, если люди укроются за ними, точно так же пришедшие на подмогу солдаты могли вспугнуть духа.

Ради своей цели, ищущий готов был рискнуть всем.

— Проклятый ублюдок, — пораженно прошептал Тенро, сжав кулаки.

Он готов был броситься на ищущего и Митр, словно почувствовав его настрой, взглянул на охотника с чувством собственного превосходства. Черноволосый мужчина понял, что Тенро раскрыл его план. Но он так же знал, что теперь у охотника, как и у остальных, нет выбора — они либо будут сражаться вместе, либо погибнут и обрекут на смерть остальных.

— Проклятый, хитрый ублюдок, — прорычал бывший разведчик «черных стрел», понимая, что у него, действительно, теперь нет выбора.

Кровь и вода

Тару удалось, казалось бы, невозможное, а именно — переупрямить всех деревенских мужиков, включая Гура в весьма короткие сроки. Особо упертых, старый пехотинец вразумлял подзатыльниками, остальным же хватило только его слов о том, что они могут спасти свои семьи.

— Шут с тобой! — Сплюнул Гур себе под ноги. — Недаром ты у нас староста, даже измененного уболтаешь! Чего встали-то, как вкопанные? — сурово прикрикнул он на толпящихся рядом мужчин. — Живо стаскивайте весь свой хлам на холм. Женщин и стариков в повозки, оставшиеся телеги и скотину, тоже сюда тащите. Не до пожитков теперь! Быстрее!

Мужчины отправились к своим семьям. Времени на прощанье оставалось удручающе мало, поэтому оно вышло смятым, спешным, неправильным и от того еще более горьким. Дети и женщины плакали и даже старики не стеснялись своих слез.

Кто-то не хотел уходить, но им все же пришлось. Не желая наблюдать сцены расставаний, Тенро отошел в сторону и увидел Атара. Парень решительно шел рядом с высоким худым мужчиной, на ходу смахивая слезу с бледного, но хранящего решительное выражение юношеского лица. Тот, что шел рядом пытался что-то втолковать парню, но Атар не слушал, упрямо направляясь на холм.

— Атар! — позвал Тенро. — Ты почему не в повозке?!

— Я буду сражаться, — уверенно ответил юноша, сясь унять дрожь в коленях. — Я защищу Лику!

— Тебе лучше отправиться с ней, — В очередной раз повторил Ксан, отец Лики. — Ты хороший парень, Атар. И я даю тебе и своей дочери отцовское благословение. Отправляйся с ней в крепость и пригляди там за моей дочерью!

— Я останусь с вами! Я докажу, что я мужчина!

— Атар, — как можно мягче сказал Тенро, положив руки на плечи молодого человека. — Здесь мы справимся сами, а ты должен охранять остальных, на пути к крепости. У твоей матери никого больше нет. Ты подумал о ней? Что если с тобой что-то случится. Каково будет ей и Лике?

— Я... — неуверенно промямлил Атар, уставившись в землю. — Я же должен...

— Ты должен слушаться старосту деревни, — хрипло произнес подошедший Тар. — А я велю тебе охранять повозки!

— Но!..

— Иди. — Тенро подтолкнул парня в сторону телег, куда спешно забирались те, кто не мог сражаться. — Мы скоро вас нагоним.

Атар вытер покрасневшие глаза и, обведя собравшихся вокруг него мужчин взглядом, кивнул:

— Я провожу их до крепости и сразу вернусь к вам.

— Хорошо, — похлопал его по плечу Ксан. — Это слова достойные мужчины. А теперь — беги.

Они втроем, молча, проводили удаляющуюся фигуру Атара взглядом. Тот забрался на первую телегу, которой правила его мать и взял в руки лук. Женщина погладила сына по голове, с благодарностью кивнув стоящим у подножья холма мужчинам.

Ульн, которого Тар едва ли не силой заставил уезжать вместе с остальными, осенил тех, кто оставался знаменем Альтоса и, прочитав короткую молитву, забрался в одну из телег. Только оказавшись среди испуганных женщин, детей и стариков, пилигрим понял, как они нуждаются в его словах утешения и поддержке.

Ульн осознал, что староста деревни был прав — его место здесь, а не среди готовящихся к бою мужчин, которым он буде только мешать. Если у них свой долг, то у пилигрима — свой. Отныне все эти люди в повозках — его паства и он в ответе за их души не только перед Альтосом, но и перед их близкими.

Скрипнули колеса и три телеги, увлекаемые лошадьми, поехали в сторону крепости.

* * *

На вершине холма пронзительно взвизгнула свинья и сразу же смолкла — Гур, орудуя своим топором, начал забой скота, чтобы свежей кровью привлечь измененных. Лесоруб снова и снова опускал топор, ругая почему свет вертящегося под ногами волка.

Ар чувствовал запах крови и то и дело норовил что-нибудь умыкнуть. Ухватив зубами за свиное ухо, зверь оттащил добычу в сторону и принялся жадно есть.

— Зараза! — пригрозив кулаком волку, Гур продолжил орудовать топором.

Остальные мужчины принялись разбирать оставшиеся телеги и сооружать из них преграды, чтобы замедлить измененных. В ход шло все, что только осталось — от теплой одежды, до домашнего скарба.

На самом вершине, за спинами мужчин стоял наблюдавший за приготовлениями Митр. Лаэррэ и Кира замерли в стороне. Они завязывали глаза своим лошадям и привязывали их к вбитым в землю кольям.

— Своих-то коней на приманку не пустили, — обиженно засопев, заметил Ксан. — Да и не отдали. Породистые же, чай быстрее бы телеги тянули, чем деревенские клячи. Глядишь, поспели бы наши до крепости, пока мы тут...

— Их кони стоят дороже, чем наша деревня, — с тоской сказал Тар, вспомнив об оставленном доме и тяжело вздохнув. — А телеги тянуть — не приучены.

— Ну и пустили бы на кровь их, — не унимался отец Лики. — Все впрок, а не просто так стоять.

— Так иди и скажи им об этом сам, — вспыхнул Тар, резанув воздух культей. — Нечего тут стоять, пошли лучше, мужикам пособим!

Тенро промолчал, хотя и догадывался, почему Митр решил оставить лошадей — они могли понадобиться ищущим для преследования цели или, если все обернется плохо, для бегства. Помянув предусмотрительного и хладнокровного Митра нелицеприятным словом, охотник поспешил за отцом и Ксаном.

Проходя мимо работающих земляков, Тенро видел, как те напряжены и нервничают. Пока их руки заняты работой, мужчины способны отвлечься, но что будет, когда начнется бой?

Взглядом отыскав Пагрида, который вбивал в землю заостренную доску, охотник подумал, сможет ли тот поднять руку на изменившегося брата, если они встретятся?

Едва ли.

После минувшей ночи жители Зеленых полян не досчитались слишком многих, чьи тела

так и не нашли, а это значит что придется убивать и тех, кого считал друзьями и близкими.

Странно, но Тенро не чувствовал страха. Нет, он не был трусом и мог найти в себе силы и мужество, чтобы вступить в боя с любым противником, но, при этом, он неизменно испытывал страх. Без страха не могло бы быть и храбрости.

Но сейчас охотник не чувствовал ничего, даже легкого волнения и это ему очень не понравилось. Прислушавшись к своим ощущениям, Тенро все-таки смог отыскать в своей душе кое-что.... Одну крохотную, едва заметную искорку, которая с каждым ударом его сердца распалась все сильнее и сильнее, грозя обернуться ревушим пламенем злобы.

Ощувив на себе чей-то пристальный взгляд, Тенро поднял голову и увидел Киру. Девушка стояла на вершине холма и неотрывно смотрела на него. Когда охотник заметил ее, та жестом позвала его к себе.

Не испытывая ни малейшего желания подходить к ищущей, Тенро, все же, пересилил себя. Он должен был сам спросить ее, знала ли она о плане своего брата с самого начала или нет.

Язвительный вопрос уже вертелся у него на языке, но, когда он приблизился, то слова сами застряли в горле. Кира сбросила свой плащ, оставшись в нагруднике и поддетой под него куртке, за воротом которой синели те самые бусы. Если ищущая, действительно такая же, как и Митр, то почему она таскает эту безделушку?

— Вижу, что ты догадался, о плане моего брата, — тихо и виновато произнесла Кира. — Это видно по твоему взгляду.

— Он использует нас, как наживку, — не юля, ответил Тенро, и в его голосе заскрежетала сталь, а искра злобы в душе всколыхнулась с новой силой.

— Ненавидишь нас?

— Пока что, только его и, пожалуй, Лаэртэ — та еще заноза в одном месте.

Ответ охотника вызвал у Киры легкую, пусть и безрадостную улыбку:

— Это твое право и не мне винить тебя. Когда мы шли по следу, то не знали с чем столкнемся. Мы даже не могли представить, что здесь зародился обезумевший от жажды мести дух. Победить его в его же владениях — невозможно. Ты был в Застывшем лесу, и ты это знаешь.

— Ты позвала меня только для того, чтобы сказать это? — Тенро злило, что он сейчас занят бессмысленным разговором вместо того, чтобы помогать землякам возводить столь необходимые укрепления.

— Я хотела извиниться перед тобой, — прошептала девушка и, кажется, в ее глазах блеснули слезы, которые подхватил ветер и, смешав с дождевыми каплями, унес прочь. — Я не стану оправдываться. Просто, прости меня.

— Я не тот, у кого стоит просить прощения и сейчас не время для этого. Разговоры потом.

— А если это потом не наступит?

— Значит, тебе не придется извиняться.

Кира сделала шаг навстречу мужчине, но тот отступил назад.

— Соберись. Скоро будет бой, и твои навыки нам пригодятся. — Жестко произнес охотник, пружинистой походкой зашагав прочь.

Объятый злостью и странным нетерпением он не желал успокаивать девушку. Это может сделать его мягче, слабее и, если он отвлечется, то погибнет. А он должен выжить. Пережить и эту ночь, чтобы как следует дать Митру по его нахальной морде.

Поискав взглядом ищущего, Тенро обнаружил его на том же месте и с трудом сдержался, чтобы не воплотить свой план в реальность прямо сейчас. Вместо этого он представил, как ломается под его кулаком острый нос Митра и это вызвало у охотника улыбку.

— Ты чего довольный такой от нее вернулся? — Тар подошел к сыну. — Я, конечно, рад невестке, но твой выбор... странный, немного.

— Отец, брось, — взмолился Тенро. — Сейчас не время.

— Думаешь, я не вижу, как она на тебя смотрит? Поверь старику, я прожил достаточно и в таких делах разбираюсь.

— Да-да, — отмахнулся охотник. — Я... — что-то потянуло Тенро в сторону и он, опустив глаза, заметил волка, который легонько прикусив его за штанину, дергал мордой.

Увидев, что хозяин обратил на него внимание, Ар выпустил ткань и тревожно взглянул в сторону леса.

— Скоро? — голос Тара дрогнул.

— Видимо, да. Зверя не обманешь. — Охотник погладил волка, после чего проверил, как выходят из ножен клинки, и поправил съехавший почти за спину охотничий нож.

— Значит, пора, — неожиданно подавшись вперед, Тар обнял сына, прижав его к себе. — Ты уж береги себя, сынок.

— И ты себя, отец, — Тенро похлопал своего старика по плечу.

— Всем приготовиться! — Непривычно громкий голос Митра заставил всех обернуться. — Наш враг рядом, — продолжил ищущий, указывая рукой в сторону леса.

Уже стало довольно темно, но белый, слегка светящийся туман, струящийся между деревьев, заметить не оставляло труда.

— Те, у кого есть луки и арбалеты идут на вершину холма, остальные — удерживают укрепления. Как только у кого-то кончатся стрелы — не стойте, вступайте в ближний бой. Если мы не победим, то, хотя бы, дадим шанс близким вам людям добраться до крепости, где они будут в безопасности. Помните, сейчас вы сражаетесь за самое дорогое, что есть в вашей жизни! Нам некуда отступать! — Закончил свою речь Митр и обвел собравшихся взглядом.

Жители Зеленых полян не спешили поддерживать слова ищущего радостным ревом и воинственно потрясать оружием. Люди были подавлены и напуганы, но выражение мрачной обреченности в их глазах, давало понять, что каждый из них будет сражаться до конца, а большего Митр и не желал.

— Отец, — увидев, как Тар направляется к укреплениям, обходя разлитую по земле кровь и мертвые туши скота, Тенро окликнул его. — Где твой арбалет?

— Отдал тому, у кого две руки, — в ответ хмыкнул старик, перешагивая через отрубленную баранью голову. — Почти все луки пропали вместе с нашими охотниками, а я пехотинец, сынок. Мое дело — меч. Так мне... — он посмотрел на культу и с улыбкой закончил:

— Сподручнее, ага.

— Надеюсь, ты не разучился сражаться за годы в деревне, человек. Это тебе не лопатой махать, — с презрительной усмешкой мимо мужчин прошел Лаэртэ.

Вооруженный мечом нарец легко шагал к укреплениям, скептически разглядывая собравшееся рядом с кучами хлама разношерстное войско.

— Ты только обожди и сам увидишь, что я забыл, а что нет, — буркнул в спину Лаэртэ

Тар и наэрец, не оборачиваясь, поднял руку в знак того, что услышал его слова. — Жаль мы, в свое время, не всех вас перебили, — более тихо добавил староста Зеленых полян.

— Он столь же остер на язык, сколь искусен с клинком, — заметил Тенро, проверяя тетиву на луке. — С ним вам будет проще продержаться, — зная своего отца, охотник не собирался упрашивать того остаться на вершине холма.

— Я больше рассчитываю на твои стрелы, сын. Удачи. — Отвернувшись, Тар последним пошел к наспех собранным укреплениям, где его уже дожидался вооруженный неизменным топором Гур.

Лесоруб расположился между разбитой на две части перевернутой телегой и коровьей тушей, чья кровь стекала к подножью холма, уже собравшись в приличную лужу.

Заметив взгляд Тенро, лесоруб кивнул ему и взмахнул своим оружием, одинаково хорошо подходящим как для валки леса, так и для убийств.

— Целься точнее, парень! — Прогудел Гур.

— Мой сын всегда точен, — Тар, встав рядом, повернулся к сыну и отсалютовал ему клинком.

— Удачи, — искренне пожелал им Тенро.

Он всей душой хотел сражаться бок обок с отцом, но понимал, что луком и стрелами принесет куда больше пользы. К тому же, чутье подсказывало охотнику, что и его мечи недолго задержаться в ножнах — плотный, почти непроглядный туман уже подступил вплотную к холму, заключив его в леденящие душу объятия. Все вокруг стихло и стало слышно прерывистое дыхание готовящихся к бою людей.

Среди деревенских оказалось удручающе мало тех, кто может стрелять из лука. Почти все охотники погибли, и рассчитывать Тенро приходилось только на стоявшую рядом Киру и ее брата.

Отделанный серебром арбалет Митра производил впечатление и Тенро надеялся, что стреляет ищущий не хуже, чем плетет интриги.

По левую руку от охотника переминался с ноги на ногу Ксан, отец Лики. В руках он сжимал арбалет Тара. Тенро легко узнал оружие своего отца, но не подал вида. Ксан держал оружие вполне уверенно, так что за него можно не приходилось волноваться, чего нельзя было сказать о Пагриде. Непривычно трезвый мужчина сжимал в дрожащих руках короткий лук и никак не мог наложить стрелу на тетиву.

Что-то холодное всколыхнулось в душе Тенро и он поменялся местами с Ксаном, встав ближе к Пагриду. Стрел в колчане деревенского пьяницы было немало и они могли бы пригодиться охотнику, если ему выпадет возможность расстрелять свои прежде, чем придется вступить в рукопашную.

Покосившаяся на Тенро ищущая расценила его действия иначе и обиженно поджала губы, казавшееся еще алее на побледневшем лице. Девушка едва заметно коснулась бус на шее, спрятав их под воротник и сделав вид, что сейчас ее интересуют лишь арбалеты.

— Женщины... — нервно фыркнул Пагрид, которому, наконец-то, удалось справиться с собственными руками.

Оказывается, он успевал не только пытаться одержать верх над своим телом и оружием, но еще и обращать внимание на то, что происходит по сторонам.

— Они всегда остаются женщинами.

— Было бы удивительно, если бы происходило иначе, — ответил Тенро на очевидное заявление земляка, сдвинув тому ладони на рукояти оружия так, чтобы удобнее было

стрелять. — Смотри не убей никого из наших.

— А?! Да, — судорожно кивнул Пагрид, пробуя натянуть тетиву. — Постараюсь, — он снова взглянул на Киру. — Красивая-то какая, зараза...

— Не туда смотришь, — сердито произнес Тенро и Ар, не отходивший от охотника ни на миг, тревожно зарычал, словно вторя своему хозяину.

В этот же миг Митр крикнул:

— Готовьтесь! Они уже близко!

Тенро глубоко вдохнул пропитанный кровью скота ночной воздух и, подставив лицо освежающим каплям дождя, закрыл глаза. Он помнил то, чему научился в «черных стрелах» — холодный рассудок лучший союзник для стрелка.

Тенро задержал дыхание, услышав биение собственного сердца и, когда оно ударилось в груди третий раз, медленно открыл глаза, одновременно вскидывая лук, натягивая тетиву и выдыхая.

Время вокруг будто остановилось для охотника и он, задержав дыхание на выдохе, разжал пальцы.

Сорвавшаяся с лука стрела, тонко просвистев над головами защитников холма, врезалась в голову беззвучно выскочившему из тумана измененному, отбросив тварь обратно.

— М-мать моя... — пораженно пробормотал Пагрид, который даже не успел поднять свой лук.

Щелкнули арбалеты и в туман разорвали две вспышки — болты Митра и Киры нашли свои цели. Девушка стреляла из одного арбалета, в то время как второй, взведенный, лежал у ее ног.

Митр перезарядил свое оружие быстрее, причем сделал это не пользуясь воротом. Он просто упер арбалет в землю, ловко наступив ногой на стремя, и руками натянул тетиву.

Сухой щелчок, второй и еще две вспышки осветили сгущающийся мрак. У Ксана и Пагрида дела обстояли хуже — один успел выстрелить лишь раз и его стрела впиалась в загривок измененному волку, а вот деревенский пьяница пустил одну стрелу в молоко, а другой сразил тушу той самой коровы, рядом с которой стоял Гур.

Но Тенро не обращал на это внимания. Стрелы срывались с его лука одна за другой. Грозное оружие приятно подрагивало в руках каждый раз, когда с тетивы с шелестом слетала мерцающая сталью смерть.

Охотник успел сразить еще пятерых тварей, прежде чем остальные добрались до укреплений. Измененные выскакивали из тумана и, казалось, им не было конца.

Зазвенела сталь и к небу взметнулись крики людей.

Измененные двигались скачками, атакая на людей сверху. Некоторые забирались на холм слева и справа, в тех местах, где было не так высоко, чтобы атаковать с флангов. Однако в действиях порождений тумана лишь глупец сумел бы увидеть тактику или стратегию. Обезумев от жажды крови, они попросту рвались вперед самыми короткими путями, тесня людей к вершине.

Пусть защитники холма и сражались стойко, но портив превосходящих их в количестве измененных они устоять не могли. Обычные деревенские жители не обучались искусству боя, но отсутствие навыков компенсировалось желанием защитить свои семьи. К тому же, основной удар принимал на себя сражавшийся на самом острие Лаэртэ.

Вокруг сына Леса все было залито черной кровью. Она покрывала воина почти с головы

до ног, но его меч продолжал петь песнь смерти, вздымаясь вверх с легкостью бабочки и обрушиваясь вниз с сокрушительной силой горной лавины.

Зачарованное оружие рассекало плоть измененных, выжигая своей чистотой их искаженное естество и испепеляя брэнную оболочку. Наэрэц превосходно владел искусством боя своего народа — он замирал всего на один миг, чтобы потом обратиться настоящим вихрем стремительных ударов и выпадов. По силе и скорости воин лишь немногим уступал измененным, в одиночку сразив множество противников.

Когда под его ударами один за другим падали мертвые тела, Лаэррэ смеялся в их серые лица, упиваясь собственным превосходством.

Остальным участникам безумной резни, в отличие от наэрца, было не до веселья. Деревенские жители, несмотря на упорство и мужество гибли один за другим, чтобы, спустя несколько мгновений, измениться под воздействием тумана, уже доходившего людям до щиколоток.

Горячка боя и решимость обреченных надежно защищали мысли людей, но они таяли после смерти и туман забирал бездушные тела себе.

* * *

— Прут и прут! — Гур сплюнул кровь из разбитой губы и затряс головой, пытаясь смахнуть с глаз стекающую со лба кровь.

Кто-то из измененных оставил ему на память три глубоких шрама через верхнюю часть головы и лесоруб только чудом не лишился глаз. Взмахнув топором, он развалил надвое измененного кабана, будто перед ним была не жуткая тварь, а обычное полено для растопки печи.

Пытаясь выдернуть оружие, после удара засевшее в какой-то доске, Гур едва не стал жертвой клыков подчиненного туманом волка. Он уже почти впился в шею лесоруба, но в его поджарый бок с хлюпающим звуком вошла стрела, сбив тварь со спины мужчины.

— Меньше болтай, — тщетно пытаясь восстановить дыхание, выпалил Тар, отмахивающийся мечом от нападающей на него Сигды.

Спасаясь с вырубков женщина не пережила жуткую ночь в Зеленых полянах, пав от клыков и когтей измененных и теперь сама стала одной из них. Скаля длинные заострившиеся зубы, порождение тумана попыталась достать бывшего пехотинца когтями, но тот, неожиданно ловко отскочив назад, ударил наотмашь и отсек твари руку по локоть.

Отбив ударом культы другую руку Сигды, Тар сделал стремительный выпад вперед, погрузив лезвие в тонкое горло врагу.

Тело старика содрогнулось от ослепительной боли в спине, и он едва не застонал вслух. Годы брали свое — каждое движение давалось старосте гораздо тяжелее предыдущего, да и сердце билось в груди словно сумасшедшее, то и дело, грозя выпрыгнуть наружу.

Но отдыхать было некогда. Едва не упав, Тар ударом ноги отпихнул в сторону впившегося в чье-то тело волка, но опоздал.

«Не увидит больше Лирошка своего батьку», — пронеслось в голове у старика, когда он увидел закатившиеся глаза Дорига, который неподвижно лежал у его ног с перегрызленным горлом.

— Отходим! — Перекрикивая шум битвы, закричал перезаряжающий арбалет Митр. У

ищущего осталось немного болтов, и он готовился вступить в ближний бой.

— Все назад! — Подхватил приказ ищущего Лаэртэ, чьи доспехи почернели от крови измененных.

Пятясь, наэрец поравнялся с Таром, искоса глянул на мертвого Дорига и неуловимо быстрым движением обезглавил тело:

— Сейчас не до личной приязни, человек, — змеей прошипел сын Леса, подталкивая уставшего старика к вершине холма. Лицо наэрца исказилось от злобы. — Все ваше племя жалкие...

Туман за спиной Лаэртэ вдруг всколыхнулся и из него показался хрупкий девичий силуэт. Прежде чем воин успел договорить, тонкие руки обвили его шею и неожиданно мощным рывком утянули в туман.

— Паскуда! — Слово сорвалось с губ Тара, когда он узнал бледное лицо наэрки, которую они сожгли десять лет назад.

Только теперь у нее были бельма вместо золотистых глаз, а волосы больше напоминали спутанные седые космы. Старик, не раздумывая, бросился было следом за духом, но его удержал Гур.

— Не дури, Тар! — Лесоруб с залитым кровью лицом почти на себе потащил упирающегося старосту. — Нам с ней не сладить! Мы...

Темный комок ударил Гура в спину и тот растянулся на пропитанной кровью земле, всем своим весом придавив еще и Тара.

Лесоруб развернулся как раз вовремя, чтобы выставить древко топора, на котором тут же сомкнулись клыки измененного волка. Из последних сил, мужчина оттолкнул от себя тварь, содрогнувшись от боли, когда кто-то впился ему в ногу.

Вокруг кричали люди и дождевые капли стали теплыми от брызжущей во все стороны крови. На миг Гуру даже показалось, что кричат не только вокруг него, но и где-то в стороне. Однако от боли у мужчины так звенело в ушах, что он сам заорал.

Просвистела стрела. Вгрызавшийся в древко топора волк дернулся и завалился на бок. Стрела вошла точно между неестественно ярких глаз.

Потом прямо через голову Гура перемахнуло мохнатое тело и Ар вцепился в загривок своему измененному сородичу, который терзал ногу человека. Следующая стрела, прилетевшая со склона, вошла измененному волку в шею и Ар, разжав клыки, поспешил назад к хозяину.

— Вставай! — Тар выполз из-под тяжелой руки лесоруба и, подхватив того подмышки, потащил вверх по холму. — Давайте, ребятки уход... — только взглянув перед собой, Тар увидел, что на укреплениях больше не осталось никого, кроме его самого и пытавшегося подняться Гура.

Скалящиеся измененные, коих тоже осталось не так уж и много, все равно рвались достать людей, но их отбрасывали стрелы, летящие с вершины холма. Сыпя проклятьями, Тар помог Гуру встать, и под прикрытием стрелков им почти удалось забраться на холм, когда преследующий их туман пошел рябью и из него выскочил Лаэртэ.

— Выжил таки, сукин ты... — радостная улыбка на лице Тара сменилась выражением ужаса, когда наэрец, чьи глаза святились ярче обычного, погрузил свой меч в тело Гура.

Окровавленное лезвие вышло из груди удивленного лесоруба и рванулось вертикально вверх, рассекая грузное туловище пополам.

Тар попятился, и Лаэртэ, равнодушно переступив через мертвого Гура, шагнул за ним.

Выпрыгнувшие из тумана волки сразу же накинулись на мертвеца и принялись рвать его на части. Измененный наэрец, поигрывая сверкающим клинком, неотвратно надвигался на Тара. Он замахнулся мечом, но, вместо того чтобы рассечь человека, отразил пущенную ему точно в голову стрелу.

— Отец, назад! — Тенро выпустил еще одну стрелу, но и она не достигла цели. — Проклятье! — Выругался охотник, заводя руку за спину, но стрел больше не осталось.

— Пагрид! — Тенро повернулся к деревенскому пьянице как раз в тот момент, когда за спиной испуганного мужчины появился его собственный брат...

Одним движением Варош оторвал Пагриду голову и впился в кровоточащую рану клыками. Заорал Ксан, чье тело окутал туман, взметнувшийся над обрывом. Прямо из белоснежной дымки выпорхнула хрупкая нагая девушка с бельмами вместо глаз и голой рукой вырвала сердце отцу Лики.

Отбросив в сторону пульсирующий кровавый комок, она облизала тонкие пальцы и легко поймала сверкающий арбалетный болт, без видимых усилий сломав его пополам.

— Вот и ты! — Выхватив меч, Митр бросился на возродившуюся наэрку, позабыв обо всем на свете.

Но у Тенро не было времени даже для злости на ищущего. Охотник оказался слишком близко к Варошу, чьи яркие глаза уже впились в новую жертву.

Всего лишь один рывок и измененный достал бы охотника, а тот не успел бы даже выхватить мечи.

Щелкнул арбалет, но Варош успел закрыться обезглавленным телом брата, после чего легко швырнул его в подхватившую второй, лежавший у ее ног арбалет, ищущую. Решив спасти Тенро, вместо того, чтобы поддержать брата, Кира кувыркком ушла в сторону, но вот ее оружие хрустнуло под весом свалившегося на мертвого Пагрида.

— Ар — взять! — Предоставив заботу о вскарабкавшемся на холм Вароше ищущей и волку, Тенро отбросил свой лук и бросился к отцу.

Минуло лишь несколько ударов сердца, а ухмыляющийся наэрец успел трижды ранить постоянно отступающего Тара. Старый пехотинец едва успевал отражать непрекращающиеся атаки, но слишком быстро терял силы.

Когда отточенное сверкающее лезвие устремилось к его шее, то отчаявшийся мужчина воспользовался культей, будто щитом, приняв удар на давно искалеченную конечность.

Дикая боль пронзила все тело, но Тар выстоял. Чувствуя, как холодная сталь покидает рану на руке, он сам атаковал Лаэrrэ.

Старый меч скользнул по листовидному наплечнику наэрца, оставив на нем глубокую царапину, но не причинив при этом вреда, а вот сам измененный нанес противнику сокрушительный удар коленом в грудь.

Треснули ребра и Тар повалился на землю, забыв как дышать. На губах появился стальной привкус крови, а единственную руку с мечом прижало к земле. С трудом открыв глаза, Тар увидел, что над ним возвышается Лаэrrэ. Наэрец наступил старику на руку с мечом и заносил свой клинок для удара.

— Слишком стар, — прошептал бывший пехотинец и приготовился встретить смерть, как вдруг летящий к его груди меч наскочил на неизвестную преграду.

— Лаэrrэ! — прорычал Тенро, вторым клинком нанося удар сверху вниз.

Измененный сын Леса не ответил.

Наэрец молниеносно сместился в сторону, отразив клинком атаку охотника, и сразу же

контратаковал в ответ. Практически без замаха воин нанес удар такой силы, что тот болью отозвался в руке Тенро, когда их мечи скрестились.

Высекая искры, лезвия скользнули друг по другу и разлетелись в разные стороны. Едва охотник восстановил равновесие, как противник снова налетел на него, осыпая градом непредсказуемых ударов.

Даже два меча не могли дать человеку преимущества, перед сильным и ловким измененным.

Но Тенро не отступил. Он давно для себя решил, что никогда не сдастся и упорно продолжал бой.

Когда меч наэрца царапнул его по плечу, охотник даже не попытался защититься, а пошел в отчаянную атаку. Трижды его клинки отскакивали от листовидной брони, оставляя за собой настоящие борозды, но Лаэртэ по-прежнему был невредим, если не считать страшной рваной раны на горле, от которой и умер, чтобы почти сразу же измениться.

Усмехнувшись противнику в лицо, наэрец отступил на шаг и замер в высокой стойке, тогда как сам Тенро принял низкую, взяв один из изогнутых мечей обратным хватом.

Сверкнула молния, выхватив из сгущающегося мрака тела противников. Надменное, залитое кровью лицо Лаэртэ искажала жуткая гримаса. Стоявший напротив него человек оскалился, резким движением головы отбросив со лба намокшие от дождя волосы.

Отстав от молнии лишь на мгновение — ночь разорвал раскат грома и мужчины метнулись навстречу друг-другу. Лаэртэ проскользнул в дюйме от клинка охотника, едва не проткнув его насквозь, но Тенро, по-кошачьи изогнувшись, избежал смерти, отделавшись длинной раной на боку.

Даже уклоняясь, разведчик «черных стрел» смог нанести удар и его меч вошел в тело наэрца, пройдя в узкую щель сочленения доспехов на плече.

Надавив на рукоять, Тенро отбросил Лаэртэ от пытавшегося подняться отца и не успел уклониться от сокрушительного удара локтем в челюсть. Он устоял на ногах, но наэрец смог соскочить с его клинка и теперь вновь ринулся в атаку, будто у него не было никакой глубокой раны в плече.

Противники снова сошлись и их клинки замелькали с устрашающей скоростью, рассекая даже падающие с неба капли дождя.

Ценой невероятных усилий и двух глубоких царапин, Тенро удалось отеснить противника, но тут измененные твари, словно по чьей-то команде, прекратили рвать тела убитых и бросились на охотника.

Прежде чем Тенро успел что-то предпринять, волк с горящими глазами вцепился ему в ногу. Лаэртэ атаковал в тот же миг, когда его противник пошатнулся и едва не добился успеха — лезвие рассекло кожу на подбородке выгнувшегося дугой охотника и тот, потеряв равновесие, рухнул на залитую кровью землю.

При падении один меч выпал из руки Тенро, но другой он удержал, и именно это спасло его от обрушившегося сверху серебристого лезвия. Охотник защитился клинком, но меч Лаэртэ перебил его пополам и вошел в землю рядом с плечом растянувшегося на земле мужчины, распоров ему куртку и вонзившись в плоть.

Ударив измененного свободной ногой под колено, Тенро всадил обломок меча в глаз волку и, используя рукоять как рычаг, оттолкнул тварь подальше.

Он попытался вскочить, но прокушенная нога подогнулась, и охотник рухнул на колени. Вскинув голову, он увидел, как его отец отмахивается клинком от черного медведя, а

остальные измененные твари рвутся на вершину холма.

Видимо, ищущие все еще сражались с возродившейся. Значит, теперь Тенро не на кого рассчитывать. Сильный удар по ребрам заставил охотника рухнуть в грязь и воздух с хрипом вышел у него из груди.

Лаэrrэ взмахнул мечом...

— Сын! — воскликнул Тар и, отвернувшись от медведя, бросился к наэрцу.

Измененный хищник полоснул старика по спине ужасными когтями, тем самым толкнув его вперед, и Тар налетел на Лаэrrэ.

С ужасом Тенро смотрел, как измененный даже не дрогнув, смотрел в глаза его отцу, у которого из спины, пробив кольчугу, вышло окровавленное лезвие мягко сверкающего меча.

Наэрец попытался высвободить оружие, но Тар, по чьей седой бороде стекала кровь, струящаяся изо рта, обхватил противника культией за шею и прижал к себе.

— Я обещал показать тебе, что могу... — старик выплюнул эти слова в надменное лицо измененному Лаэrrэ вместе со сгустком крови и сильнее насадился на его клинок. — Смотри внимательно!

Вскинув единственную, все еще сжимающую меч руку с татуировкой пехотинца, Тар вонзил свое оружие в шею наэрца. Собрав оставшиеся силы в кулак, отец Тенро вырвал оружие, рассекая позвонки противника и, вновь ударил, пробив Лаэrrэ висок.

Человек и наэрец одновременно рухнули на землю.

— Отец! — поскальзываясь в грязи, Тенро бросился к отцу, отбросив от него мертвое тело измененного. За спиной охотника послышались тяжелые шаги. Развернувшись, он увидел черного медведя, поднявшегося на задние лапы.

Запоздало сообразив, что лишился мечей, Тенро потянулся к ножу.

— Меч, — прохрипел Тар, уронив руку на грудь, из которой торчала окровавленная рукоять. Застонав от боли, старик схватил руку сына и положил ее на рукоять меча, принадлежавшего Лаэrrэ.

Тенро замешкался, и это едва не стоило ему жизни. Когтистая лапа метнулась к его лицу, но врезалась во что-то, вклинившееся между измененным и человеком. Взвизгнув, Ар отлетел в сторону, разбрызгивая кровь и замер в дюжине шагов от своего хозяина, с неестественно выгнутой спиной.

— Нет! — Ярость яркой вспышкой заполнила рассудок охотника, и он резко выпрямился, взмахнув мечом, чье сверкающее лезвие, роняя алые и серебряные брызги, взметнулось вверх, легко распоров медвежью тушу от брюха до самой головы.

— Нет! — Словно очнувшись, повторил Тенро, рухнув на колени и склонившись над телом отца. Он осторожно приподнял старика за плечи и тот улыбнулся ему окровавленными губами:

— Я все еще что-то могу, — прошептал Тар, чьи быстро глаза тускнели. — Теперь мне не стыдно встретиться с твоей матерью.

— Отец...

— Мы гордимся тобой, Тенро... помни об этом... всегда. Никогда не сдавайся, сынок... — глаза старика закрылись, и жизнь покинула его изувеченное тело.

Стук копыт заставил охотника вздрогнуть и мимо него промчался черный конь. Только сейчас он заметил, что туман рассеялся, а его остатки стремительно уносятся к лесу. Именно туда и поскакал во весь опор всадник, в котором следопыт узнал Митра.

— Тенро! — Подбежав к мужчине, Кира замерла, увидев мертвого Тара. — Мне... мне

жаль.

— И мне. — Аккуратно положив голову отца на землю, Тенро поднялся.

Пошатываясь, он подошел к телу волка и, подняв его на руки, принес к отцу, положив рядом.

— И мне жаль, — окровавленной рукой, охотник погладил окровавленный мех мертвого питомца.

Рывком высвободив из головы Лаэртэ меч пехотинца, Тенро вложил его в руку отца.

Кира молчала, и ее молчание разозлило охотника, в чьей душе творилось полнейшее смятение, усиленное горем потери.

— Где?! Где была ты и твой брат, когда!.. — обратив пылающий яростью взор на потупившуюся Киру, Тенро увидел, что одежда на девушке разорвана и испачкана кровью.

Взглянув за спину ищущей, охотник стиснул зубы — на вершине холма лежало больше дюжины тел измененных, искромсанных и разорванных на куски силой зачарованного оружия. Пробитый в нескольких местах нагрудник ищущей, валялся рядом.

Поглощенный горем, Тенро совсем забыл, что твари, пробежавшие мимо него, рвались на помощь своей хозяйке. Стало быть, Кира сражалась с ними, пока ее брат был занят возродившейся наэркою.

Удаляющийся стук копыт заставил Тенро вскочить на ноги:

— Он упустил ее?!

— Она оказалась сильнее, чем мы думали, — покачала головой девушка.

— Так чего же ты не отправилась следом за братом?! — вспыхнул Тенро.

— Потому что я, в отличие от него, смотрю на вещи иначе. Если он сможет догнать возрожденную, то справится с ней сам, а если она успеет добраться до своих пещер, то Митр не сможет найти ее сам. Нам... — она с надеждой посмотрела на охотника. — Нам понадобится твоя помощь.

— Помощь?! Ты издеваешься? — Вскочив на ноги, Тенро сжал кулаки, едва сдерживаясь от нахлынувшей злости. — Из-за плана твоего брата, погибло столько людей! Нет! Хотите гоняться за этой тварью — скатертью дорога, а я вернусь к тем, кто выжил и... — Тенро представил, как посмотрит в глаза выжившим, чьи сыновья, отцы, братья и мужа погибли сегодня.

Как он скажет им о том, что произошло?

Где-то неподалеку испуганно заржала лошадь. Послышался топот копыт и взмыленное животное, чьи бока лоснились от пота, выскочило на холм. Завидев людей, лошадь встала на дыбы, забив копытами воздух, но ее задние ноги подогнулась и она рухнула в грязь.

Несколько раз дернувшись, животное затихло.

— Что?!.. — Тенро подбежал к кобыле, узнав в ней Дымку, одну из лошадей, что везла телеги к крепости. Оказавшись ближе, охотник с ужасом увидел, что на опавших боках блестит вовсе не пот, а кровь. Все тело животного было покрыто длинными шрамами.

— Неужели

— Откуда она здесь?

Тенро не ответил ищущей. Он стрелой пробежал мимо нее, лишь на мгновение остановившись рядом с телами отца и Ара, шепнув им:

— Простите, — Тенро провел рукой по лицу родича, закрывая ему чуть приоткрытые безжизненные глаза. Он ласково погладил лежащего рядом с Таром волка и резко отвернулся от тел.

Из двух клинков охотника уцелел лишь один и Тенро, подняв его из кровавой грязи, взял себе меч, ранее принадлежащий Лаэртэ. Все мечи наэртцев имели одинаковую длину и форму, так что зачарованное оружие идеально поместилось в кожаные ножны.

— Это оружие не для обычных людей. Оно собственность...

— Мне плевать! — Даже не взглянув на Киру, мужчина побежал к привязанным на вершине холма лошадям. Митр ускакал на своем коне, и теперь животных осталось двое — лошадь Киры и жеребец Лаэртэ, оставшийся без хозяина.

На ходу подобрав свой лук, Тенро присмотрелся к колчану на плече мертвого Пагрида, но тот оказался пуст. Перерубив удерживающую коня веревку и легко запрыгнув в седло, следопыт сорвал с глаз коня полоску ткани.

— Но! Быстрее! — Пятки охотника вонзились в мощные бока серого жеребца, и тот сорвался с места, помчав седока вниз по склону.

Ветер хлестал мужчину по лицу, швыряя в него крупные дождевые капли и продувая грудь холодом. Раны ныли, а по телу растекалась волна усталости, вызванная потерей крови, но сейчас не было времени заниматься собой.

Охотник, словно безумный, гнал коня вперед по ведущей к крепости дороге. Глубокая, заполненная водой колея вильнула вбок, немного огибая поросший подлеском холм и уходя дальше, погружалась в лес. Какая-то ветка больно хлестнула Тенро по лбу и, кажется, рассекла кожу.

— Быстрее! Гиратте! — Повторил тоже слово на наэртском наречии Тенро, вновь и вновь вонзая пятки в тело коня.

Первое что увидел охотник, когда выглянувшая из-за туч луна осветила своим неясным светом уходящую вправо дорогу — перевернутую телегу, придавившую мертвую лошадь.

Внутри все похолодело и сердце мужчины едва не остановилось — за повозкой лежали тела, наполовину погребенные под щепками и обломками второй повозки. Третья обнаружилась чуть в стороне, врезавшейся в одно из нависавших над дорогой деревьев. Запряженная в нее пара лошадей представляла из себя бесформенную грудку мяса и костей.

Резко остановив коня, Тенро едва не выпал из седла.

Неуклюже соскочив на землю он, на подгибающихся ногах побежал вперед и, не успев заметить, как оказался в окружении мертвых тел. Старики, женщины и дети — все они погибли от когтей и клыков.

Но мертвецов оказалось явно меньше, чем должно было. В душе охотника зародилась надежда, сразу же растаявшая, как и клочья белого тумана, торопливо уползающего прочь и прячущегося в лесу. Туман отступал, но тела, что он скрывал ранее, оставались на местах...

Кто-то слабо застонал и Тенро, вздрогнув, бросился на звук. В двух шагах от груды разорванных тел лежал Ульн. Одежда пилигрима пропиталась кровью, щека была разодрана так, что сквозь рану виднелись зубы, а через все лицо тянулись четыре уродливых шрама — следы от когтей.

Мужчина лишился обоих глаз и теперь, тихо стоная и не шевелясь, пялился пустыми глазницами в темное небо.

— Ульн! — Склонившись над пилигримом, Тенро не решился тревожить его — ряса была изодрана в десятках мест, так что любое прикосновение могло вызвать дикую боль, лишившую бы пилигрима еще теплящегося в нем сознания.

— Тенро? — булькающим и каким-то чужим шепотом выдавил пилигрим. По его разбитым губам потекла струйка крови. — Это ты? Не вижу тебя...

— Это я, — охотник положил ладонь на руку Ульна и тот слабо сжал ее. — Я здесь.

— Кто-нибудь выжил? — таким же срывающимся шепотом спросил пилигрим. — На нас напали измененные... я пытался защитить всех, но я слаб... слишком слаб. Я слышал крики боли и ужаса. Но мое тело рвали на куски, и я не мог помочь, — кровавые глазницы дернулись и слипшиися от крови ресницы затрепетали. — Вы успели? Я молил Альтоса, чтобы вы успели...

— Мы успели, — стиснув зубы, солгал Тенро, стараясь, чтобы его голос не дрожал и звучал увереннее. — Ты справился.

— Хвала... Альтосу, — губы пилигрима тронула слабая тень облегченной улыбки. Ульн затих, и его пальцы разжались, выпуская ладонь охотника.

— Проклятье! — кулак охотник ударил по грязи, разбрызгивая в стороны мутную, пахнущую кровью жижу.

Вскочив на ноги, Тенро хотел осмотреть тела, но он понимал, что живых здесь остаться не может. Измененные никогда не оставляют живых, кроме тех, что способны слиться с туманом.

Заставив усталое тело двигаться, охотник побрел между изувеченных тел, глядя на искаженные ужасом смерти лица.

Он дошел до телеги, которая двигалась первой, и едва не застонал, увидев тело Атара. За спиной парня лежали трупы его матери и Лики, а перед ним два обезглавленных волка и еще один измененный, чье изъеденное гнилью лицо охотник не узнал.

Тело Атара покрывали ужасные раны, а его пальцы все еще сжимали рукоять меча, погруженного в шею одному из противников.

— Боже...

Поглощенный горем Тенро слышал, как прискакала последовавшая за ним ищущая, но не замечал девушку до тех пор, пока та не оказалась рядом с ним. Кира стояла, опустив руки, и из ее голубых глаз катились слезы.

— Это, тоже, было частью плана твоего брата? — Безжалостно поинтересовался охотник ничем не выражающим, бесцветным голосом. — Хотел разделить тварей, чтобы одни погнались за повозками, тем самым ослабив хозяйку? Она сама ведь точно накинута бы на мужчин, что убили ее, оставив остальных для своих псов! Вы предвидели это?!

— Я, — потрясенная словами Тенро, девушка побледнела еще больше. — Я не знаю.

— Значит, я спрошу у него. — Решительным шагом, Тенро направился к коню Лаэртэ.

— Куда ты? — Кира поспешила за быстро идущим мужчиной. Поначалу она подумала, что тот собирается позаботиться о телах земляков, но охотник стремительно двигался к коню, перешагивая прямо через трупы.

— У меня ничего не осталось, — Тенро запрыгнул в седло. — Ни дома, ни семьи, ни близких. Больше нет ничего, кроме жажды мести.

— Но как же... — взгляд охотника и его голос пугали Киру. Ей показалось, что мужчина полностью, разом лишился всего человеческого, что в нем было, став кем-то другим. В таком состоянии она не знала, чего ожидать от Тенро.

— Ты отправишься за возрожденной?

— И за твоим братом, — разворачивая коня, кивнул охотник.

— А как же тело твоего отца и остальные...

— Мы недалеко от крепости. Стражники утром и вечером патрулируют дороги. Они найдут тела и придадут земле, как полагается.

— Но Тар...

— Дух моего отца теперь воссоединился с матерью, но я не допущу, чтобы он и остальные, остались неотомщенными. — С этим словами Тенро подстегнул коня и тот, сорвавшись с места, поскакал по дороге, ведущей обратно в Зеленые поляны.

Кира едва не загнала свою лошадь, следуя за охотником. Тот гнал коня без жалости ни к себе, ни к бедному животному. Вспомнив глаза Тенро, ищущая усомнилась, остались ли в этом человеке хоть какие-то чувства, кроме жажды мести.

Лошадь Киры то и дело оступалась, когда ее копыта разъезжались на скользкой от дождя земле, но девушка не могла останавливаться. Она не знала этих мест и понимала, что если потеряет охотника из виду, то может заблудиться в ночном леса. Поэтому Кира вновь и вновь подстегивала уставшую лошадь, следуя за Тенро, чей силуэт то пропадал за очередным поворотом, то появлялся вновь.

Съехав с дороги, охотник направил лошадь по полю, взяв за ориентир хорошо видимую даже в ночном свете темную громадину разваленного когда-то молнией дерева. Разделенный надвое ствол то и дело освещали участившиеся вспышки молний, в которых одинокий, скачущий впереди всадник, казался Кире лишенным покоя призраком.

И сейчас этот призраком мчался к месту, что когда-то было его домом. Поле сменилось лесом и иногда приходилось прижиматься к шее тяжело дышащей лошади, чтобы не удариться головой о просевшие от ветра и влаги ветки.

Со временем Кира прекратила поднимать голову — дорогу было почти не видно из-за темноты и льющего как из ведра дождя, точно так же, как и ветки. Только вспышки молний освещали путь и в их зловещем свете деревья выглядели уродливыми великанами, тянущими свои узловатые лапы навстречу девушке.

Слишком поздно заметив поваленное ветром дерево, Кира в последний момент успела облегчить натяжение повода, чтобы не порвать рот лошади вытянувшей во время прыжка длинную шею.

Животное приземлилось тяжело, едва не выбросив потерявшую равновесие всадницу из седла, но Кира смогла удержаться. Работая шенкелями она вынудила лошадь ускориться еще сильнее, так как новая вспышка молний не высветила силуэта умчавшегося вперед Тенро.

Огонь, который пожирал тела мертвых жителей деревни, когда оставшиеся в живых покидали свои дома, потух. Немудрено, что такой сильный ливень играючи справился с пламенем, заодно потушив и горящие на частоколе факела.

Кира увидела погруженные в ночь Зеленые поляны, застывшие в безмолвии и страхе.

Въехав в пролом ворот, ищущая остановила свою лошадь, воздух из чьей груди начал вырываться с надсадным хрипом.

Замерев в седле, Кира вслушивалась в шум дождя, стремясь разобрать хотя бы какой-то посторонний звук и ожидая, когда новая вспышка молний осветит брошенную деревяню.

Ждать пришлось недолго и, первым, что увидела ищущая, было обезглавленное тело взмыленного коня, ранее принадлежавшего Лаэртэ. Бедное животное лежало в десяти шагах от дома старосты. Голова валялась рядом и ключья кровавой пены на губах свидетельствовали о том, что Тенро все-таки загнал коня.

Видимо охотник убил животное, чтобы то не мучилось и, заодно, не превратилось после смерти в измененную тварь. Двери самого дома были распахнуты настежь, и в окнах верхнего этажа горел дрожащий свет одинокой лучины.

Кира соскочила на землю, почувствовав, как ее ноги отозвались болью. Взяв свою лошадь под уздцы, девушка завела ее в хлев, накинув поводья на торчащий из стены штырь.

Животное сразу же принялось жадно пить дождевую воду, накапавшую с крыши в деревянную бадью.

— Спасибо тебе, а теперь отдохни, — Кира погладила лошадь по мощной шее, после чего подбросила ей сена и направилась к дому.

Она наткнулась на Тенро, когда тот уже выходил на улицу.

Они столкнулись на крыльце и, бесшумно появившийся из темноты охотник едва не проткнул девушке грудь широким ножом. Остановив лезвие на волоске от груди ищущей, Тенро смерил ее леденящим душу взглядом и, бесцеремонно толкнув плечом, двинулся прочь, на ходу поправляя новый колчан под завязку набитый стрелами.

— Позволь мне пойти с тобой, — прекрасно понимая, что взывать к рассудку мужчины сейчас бесполезно, Кира догнала его и пошла следом. — Одному тебе не победить, я помогу.

В ответ Тенро лишь пожал плечами и даже не обернулся.

— Ты уже бывал в этих пещерах? — тишина, в которую была погружена деревня, давила на Киру и та говорила не столько надеясь на ответ охотника, сколько просто для того, чтобы слышать свой голос.

— В детстве играл там, — также, не поворачиваясь, произнес Тенро, выходя из ворот и резко поворачивая направо. Поначалу он двигался вдоль частокола, но понемногу начал отдаляться от него, углубляясь в лес.

— Мы сможем найти... ее? — поначалу Кира хотела сказать «его», имея в виду своего брата, но, в последний момент, решила не испытывать судьбу.

— Не знаю на счет твари, но Митр от меня не уйдет, — процедил сквозь стиснутые зубы охотник. — В отличие от нее, он всего лишь человек, а люди — всегда оставляют следы. — Остановившись, Тенро опустился на колени, проведя рукой по луже, вода в которой пузырилась из-за колотящих по ней капель.

Приглядевшись, Кира увидела отпечатки копыт, которые и заинтересовали ее спутника. Быстро осмотрев следы и что-то для себя решив, Тенро выпрямился и едва ли не бегом припустил к лесу, то и дело низко пригибаясь к земле и жадно втягивая носом влажный ночной воздух.

Ищущей не оставалось ничего, кроме как слепо идти за своим проводником.

— Что ты делаешь? — тихо просила Кира, когда Тенро, вытащив нож, оставил на стволе одного из деревьев глубокую зарубку.

— Отмечаю тебе путь на случай, если придется возвращаться одной, — сухо ответил охотник, но сейчас в его голосе проскользнули едва заметные эмоции.

— Спасибо, — не зная, что ответить, поблагодарила Кира, никак не ожидавшая подобной заботы.

— Ты не такая, как твой брат, я вижу это по твоим глазам. Тебе не обязательно погибать.

— А ему — обязательно? — Тон мужчины насторожил ищущую, так как он даже не пытался смягчить свои слова, в которых отчетливо слышался приговор для Митра.

Тенро не ответил, но его молчание показалось Кире куда красноречивее любых слов. Идущий впереди мужчина ненавидел ее брата, и с этим она не в силах ничего поделать. Разумеется, сейчас она могла бы просто застрелить его или же оглушить, но тогда останется без проводника.

Долг велел девушке идти вперед. Возродившуюся следовало уничтожить, во что бы то ни стало, а вот как быть с охотником, Кира не знала.

В любом случае, она не хотела его убивать, но, также, не представляла, как разрешить сложившуюся ситуацию без кровопролития. Если Тенро нападет на Митра, то ищущий вполне сможет одержать верх над обычным человеком. Знал ли об этом охотник?

Скорее всего — да. Но это не останавливало его.

Встряхнув головой. Кира сосредоточилась на возродившейся. Сейчас ей нельзя было думать ни о чем другом.

Во время одной из коротких остановок, когда Тенро изучал обломанную ветку, девушка зарядила единственный из оставшихся арбалетов и теперь крепко сжимала резную рукоять. Обернувшись, охотник недовольно покосился на мягко сверкающий серебристый наконечник болта, но так ничего и не сказал.

Примерно через сотню шагов, они наткнулись на мертвого черного жеребца. Ставший более густым лес не позволял Митру двигаться верхом, а его конь был уже на пределе своих сил, так что ищущий счел, что он ему больше не нужен.

Со спины коня пропал арбалет и одна из седельных сумок. Склонившись над другой, Кира быстро порылась в ней, вытащив оттуда небольшую серебряную флягу. Сорвав крышку, она осторожно понюхала горлышко, после чего, запрокинув голову сделала несколько больших глотков, поморщившись от отвращения.

— Держи, — прокашлялась девушка, протягивая остатки Тенро.

— Что это? — Охотник не спешил брать флягу в руки.

— Зелье. Оно притупит боль и остановит кровотечение. На какое-то время ты станешь бодрее и быстрее. Усилится реакция и восприятие. Правда, за это придется поплатиться ближе к рассвету. — Лицо мужчины все еще выражало недоверие, поэтому Кира с обидой добавила:

— Думаешь, я хочу тебя отравить? Я бы не стала пить сама, если бы...

— Почему твой брат оставил зелье и не взял с собой? — Не дав ищущей договорить, Тенро взял флягу и понюхал ее сам. Пахло какими-то травами и кровью.

— Ему это не нужно, — осторожно произнесла Кира, продолжая осматривать сумку.

Ничего там не обнаружив, девушка отступила назад и под ее ногой что-то отчетливо хрустнуло. Пошарив по мокрой земле руками, она подняла пузырек, из чьего треснувшего бока выливалась густая жидкость и прошептала:

— Митр, почему ты не...

— Пойдем. Расскажешь по дороге, — в два глотка опустошив флягу, охотник отбросил ее в сторону.

Несмотря на то, что зелье оказалось просто отвратительным на вкус, на лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Зато, спустя всего дюжину ударов сердца, он почувствовал, как его уставшее тело наливается силой. Походка Тенро стала увереннее, а движения более расчетливыми. Он ускорил шаг.

— Почему Митру не нужно зелье? — спустя некоторое время спросил Тенро, оставляя на мокром древесном стволе очередную зарубку.

— Он пьет другое, — после короткой заминки ответила девушка. — Мой брат... болен, а лекарство плохо взаимодействует с настоями. Послушай, — Кира хотела было положить руку на плечо мужчине, но, в последний момент, воздержалась. — Митр просто одержим возрожденными. После того, что с нами случилось в детстве, но ненавидит их. Порой рассудок покидает его и тогда он становится просто неуправляемым.

— Разве ваш дом уничтожили не наэрцы?

— Нет... не совсем, — Кира замялась. — Сейчас важно то, что когда Митр не пьет настой, то звереет.

— Ты про тот настой, что нашла в грязи? — Как оказалось, сейчас ищущий интересовал Тенро гораздо больше, чем беседы о минувших днях и это обстоятельство не слишком-то обрадовало Киру.

— Да, — девушка, все-таки, кивнула. — Печать на пробке сохранилась. Он не пил лекарства, так что прошу тебя, не связывайся с ним.

И снова Тенро промолчал. Слепившая его прежде ярость отступила и в голове немного прояснилось. Вероятно это сказался эффект зелья, что он недавно выпил.

Размышляя над дальнейшими действиями, охотник решил для себя, что вначале они должны расправиться с возрожденной, а уже потом он сведет счеты с ищущим и будь, что будет.

Почувствовавший себя бодрее, Тенро перешел на бег и, судя по шагам за спиной, Кира не отставала. Кровь коня Митра еще не успела остыть, а значит, у них есть все шансы догнать его до того, как ищущий доберется до пещер. Но нужно было спешить.

* * *

Новая вспышка молнии выхватила из ночной темноты высокие силуэты острых скал Королевского кряжа. Они возвышались над лесом нерушимой громадиной, угрожающе нависая над людьми.

Лес начал постепенно редеть, упрямо карабкаясь по поднимающейся земле и, через несколько десятков шагов, упираясь в отвесные скалы.

Остановившись, Тенро посмотрел по сторонам, потом, задрвав голову, принялся изучать высокие, кажущиеся недосыгаемыми снизу, пики. Что-то для себя решив, охотник нацарапал на камне кривой круг.

— Если что — в лес войдешь здесь, — пояснил он ищущей. — Пойдем.

Они двинулись в правую сторону, скользя вдоль холодных камней, по узкой полоске земли, между лесом и горами. Кира постоянно смотрела под ноги, то и дело, спотыкаясь об острые камни и удивляясь тому, как ее спутник так легко шагает по ним.

Кира так внимательно изучала землю, что едва не врезалась в Тенро, когда тот неожиданно замер на месте.

— Нам сюда, — охотник указал девушке на лежащее у его ног тело волка. Края раны были сильно обожжены, а срез, разделяющий голову и тело, оказался идеально ровным.

Войдя в пещеру, охотник стряхнул с одежды влагу и отжал намокшие волосы. Бросив на землю какой-то сверток, он вытащил из него небольшой факел и огниво. Несколько ударов кремня о кресало, сопровождаемых яркими брызгами искр и пламя вспыхнуло на конце ровной, обмотанной пропитанными маслом тряпками палке, веселым треском разгоняя сгустившийся мрак.

Подняв факел над головой, Тенро завел свободную руку за спину. Раздался тихий шелест и клинок наэрского меча, мягко сверкающий серебристым светом, оказался у охотника в ладони.

— Как далеко проходят пещеры? — спросила Кира, настороженно вглядываясь во мрак перед собой.

— Говорят, что некоторые тянутся под кряжем насквозь и выводят пряником к Застывшему лесу. В этих местах кряж тоньше.

— Но тогда жить здесь — безумие! — удивленно и едва ли не в полный голос воскликнула ищущая. — Измененные могут пройти...

— Не могут, — покачал головой охотник. — Пещеры проходят насквозь, но с той стороны они выводят к обрывам. Застывший лес находится в низине и от земли до ближайшего выхода из пещер там очень высоко. Даже верхушки деревьев добром не видны, из-за тумана. Ни один ищущий не допрыгнет.

— Ты проходил кряж насквозь?

— Когда вернулся со службы, а до этого, в детстве, часто играл здесь, — согласно кивнул Тенро. — Ты ведь поэтому просила меня помочь? Рассчитывала на то, что я знаю пещеры.

— Да, — не стала лгать Кира. Она, действительно попросила помощи охотника только из-за того, что ей нужен был проводник.

В отличие от брата, девушка не хотела жертвовать невинными ради выполнения мисси, но у нее не было другого выбора. Только отчаяние подвигло ее обратиться к убитому горем охотнику, склонившемуся над телом мертвого отца. Отчаяние и желание, чтобы все смерти не были напрасными, во что бы то ни стало уничтожить перерожденную.

— Знаешь, где сожги наэрку?

— Нет, отец не говорил, — высоко поднимая факел над головой, Тенро уверенно шагал вперед, то переходя на легкий бег, то замедляясь.

— И как же мы отыщем ее?

— По следам, что оставил твой брат, — пламя выхватило из темноты обезглавленное тело в грязных лохмотьях.

Черная кровь вытекала из обрубка шеи и противно переливалась в свете факела.

— Он, вероятно, двигается сразу за туманом, поэтому и спешит. Не хочет заблудиться и не упускает свой единственный ориентир. Вперед. — Перешагнув через труп, Тенро быстро побежал по каменному тоннелю, то сужающемуся, то наоборот, расширяющемуся.

* * *

Зелье делало свою работу и люди бежали поразительно долго, то и дело, перепрыгивая мертвые тела измененных. Когда их ноги уже начали ныть от усталости, тело измененного кабана преградило им дорогу.

Грозный зверь, а точнее половина его гноящегося тела лежала у развилки, а другая была небрежно отброшена в сторону. Идеальный обугленный срез красноречиво говорил об использовании зачарованного оружия, а тонкий след из капель черной крови, сорвавшихся, видимо, с лезвия меча, указывал дальнейший путь.

Быстро склонившись над телом измененного, Тенро провел кончиками пальцев по линии среза, ощутив легкий жар — значит, Митр прошел здесь не так давно.

Снова бег.

Охотник без труда находил на полу черные лужицы крови измененных, тускло мерцавших в пламени факела, и чувствовал приторный запах тлена, казалось, ввевшийся в камни этих пещер.

После третьей развилки, Тенро пришлось замедлить бег, чтобы перебраться через настоящий завал из тел измененных. Оплавленные и грубо накрошенные на обуглившиеся куски, они валялись на полу изуродованными жертвами безумного мясника.

Части людей и зверей перемешались, так что было уже не понять, кто и где лежит.

— Митр... — почти простонала следующая за охотником Кира, прикрыв рот ладонью.

Вонь на этом отрезке пещер стояла несусветная. Она обжигала легкие, мутила рассудок и щипала глаза.

Чувствуя, как его сознание начинает улетучиваться, Тенро, уже не заботясь о том, куда ступает, побежал вперед прямо по мертвым телам. Как бы он не ненавидел сейчас Митра, но проникся к тому невольным уважением — далеко не каждый бы смог столкнуться с таким количеством измененных и выйти из схватки победителем.

Впрочем, победа далась Митру не просто так. Среди капель черной крови, Тенро разглядел и алую, человеческую.

* * *

Охотник потерял счет времени.

В его рассудке бешено колотилась лишь одна мысль — бежать вперед и он упрямо переставлял ноющие ноги, прекрасно понимая, что каждое мгновение на счету. Следовало отдать должное ищущей — она не отставала от мужчины и даже сумела сохранить дыхание, продолжая двигаться практически бесшумно.

Каменный коридор резко вильнул влево, затем ушел широкой и очень длинной дугой вправо и почти мгновенно разросся до обширной пещеры.

— Странно, — Тенро огляделся, выравнивая дыхание. — Я не помню этого места. — Обернувшись, он обратил внимание на каменные глыбы, валявшиеся по сторонам от прохода. — Раньше здесь был завал.

— Может, твой отец и другие жители деревни хотели скрыть это место, — предположила Кира, тяжело опираясь руками на чуть согнутые колени и тяжело дыша.

— Если наэрку убили здесь, то должны остаться следы.

Разгоняя сгустившуюся тьму светом факела, Тенро оглядел пещеру. С виду она напоминала вполне обычную — те же камни, где-то склизкие от влаги и поросшие мхом, а где-то, наоборот, сухие, испещренные множеством трещинок.

Пламя факела освещало угрожающе нависающие над людьми каменные наросты, казалось, готовые в любое мгновение низвергнуться вниз, навсегда погребая их под собой. Они напомнили Кире огромные сосульки, но в сотни раз больше чем те, что свисают зимой с крыш домов.

Иногда откуда-то сверху срывались одинокие капли, которые или с мелодичным перезвоном разбивались о редкие лужи или же с глухим шлепком разлетались о камни.

По пути людям встречались огромные колонны, будто поддерживающие своды пещеры и не дающие им упасть.

Когда Тенро и Кира миновали половину созданного природой зала, то охотник увидел нечто, заставившее его остановиться, выше поднимая факел над головой. Всю дальнюю часть пещеры обвивали склизкие черные корни, вырывающиеся из широких трещин и тянущиеся по стенам, полу и даже потолку. Пульсирующими венами они обвивали колонны,

мерзким ковром стелились по земле и свисали с наростов, нервно подрагивая, словно под порывами назойливого ветра.

Кира за спиной охотника пробормотала проклятье, а сам Тенро крепче сжал рукоять меча Лаэррэ. Прикосновение к зачарованному оружию придало мужчине уверенности, и он тихо сказал своей спутнице:

— Стой здесь.

Осторожно шагнув вперед, Тенро не сводил глаз с корней-щупалец, но те остались неподвижны. Не среагировали они, и когда охотник аккуратно поставил ногу прямо между корнями. Следующий шаг перенес его еще глубже в пещеру, прямо под нависшие над головой маслянистые отростки.

Вопреки ожиданиям охотника, те лишь слабо отшатнулись, то ли от света факела, то ли от мягкого сияния, исходящего от обнаженного клинка. Сзади послышались осторожные шаги, и Кира догнала спутника.

— Смотри, — девушка указала рукой куда-то вперед.

Посмотрев в указанном ищущей направлении, Тенро увидел неровную, обрамленную корнями арку. Проход в стене больше напоминал одну из больших трещин, разросшуюся и расширившуюся из-за массивных корней, прорастающих из нее. Они, словно пальцы великана, вцепились в неровные края трещины, кроша их и разводя в стороны. Некоторые корни были грубо обрезаны и их оплавленные края недвусмысленно указывали направление, в котором прошел Митр.

— Видела, когда-нибудь, что-то подобное?

— Нет, — девушка едва заметно покачала головой. Прежде чем Тенро сделал еще один шаг, она вдруг положила свою руку ему на плечо:

— Ты не обязан идти туда со мной. Возвращайся... — она хотела сказать «домой», но осеклась.

— Мне некуда возвращаться, — голос охотника стал безжизненным, и от него самого повеяло могильным холодом. — Есть только один путь, и я не сверну.

Решительно шагнув вперед, Тенро наступил на один из корней и тот слабо зашевелился под его сапогом, словно раздавленный червь. Едва поборов желание пронзить склизкий отросток мечом, охотник заставил себя идти дальше.

Кира не отставала ни на шаг и вскоре они добрались до противоположной стены пещеры. Приблизившись к широкой трещине, охотник заметил на стене рядом с ней острые сколы. Опустив факел ниже, он увидел десятка два крупных камней, валяющихся около стены. На некоторых из них еще сохранились темные пятна.

— Что-то не так?

— Здесь ее убили, — острием клинка Тенро указал ищущей на стену. — Сначала забили камнями, а потом сожгли.

— Поэтому Застывший лес и рвался сюда, продираясь даже сквозь каменную твердь. Дети Леса связаны с природой крепче, чем люди. Наэрку зажали в угол. Ее чувство отчаяния, горя и пережитая боль манили Застывший лес. И он пришел...

— Чтобы создать еще одно чудовище, — мрачно закончил Тенро. — Пора положить конец этому кошмару.

Первым пройдя между скользких корней, охотник сразу же наткнулся на лежащий у его ног черный арбалет с серебряной отделкой. Оружие было полностью исправно, но разряжено. Однако Кира все равно подняла его, решив взять с собой.

Как оказалось, девушка поступила верно — пройдя дальше, они обнаружили пришибленного к стене измененного мужчину. Арбалетный болт вошел точно в глазницу, пробив голову насквозь и вонзившись в стену. Чары в наконечнике испепелили кость, череп треснул, сломался и теперь обезображенный мертвец, ничем больше не сдерживаемый, с шорохом оседал на пол, будто устал. Смертельно устал.

Убрав меч в ножны, Тенро ухватился за арбалетный болт и с усилием вытащил его из стены. Наконечник по-прежнему испускал слабое серебристое сияние, и охотник отдал его ищущей, сразу же убравшей свой арбалет и зарядившей тот, что принадлежал ее брату. Девушка не отличалась силой родича: Тенро пришлось подождать, пока она при помощи рычага взведет тетиву и аккуратно поместит смертоносный заряд в ложе.

— Готова, — Кира взяла тяжелый арбалет наизготовку. Выпрямившись, она откинула упавшую на глаза челку и немного натянуто улыбнулась охотнику. — На что смотришь?

— Не думал, что ты станешь их носить, — ровно ответил Тенро, глядя на нитку синих бус, выпавшую из-за воротника ищущей, когда та заряжала арбалет.

— У меня никогда не было ничего подобного, — девушка поспешно спрятала бусы под воротник. — Может, в детстве... я плохо помню. Так что это первый подарок, что я получила от мужчины. И хватит на меня глазеть. Смущает.

— Ладно, — не зная, что ответить буркнул охотник, которого самого порядком смутил взгляд Киры.

— Уверен, что не хочешь вернуться? Для тебя еще не поздно...

Отвернувшись, Тенро снова вытащил меч и повел спутницу дальше, все глубже уходя в пещеры Королевского кряжа.

Трещина, по которой они двигались, медленно уходила вниз, вглубь гор, становясь все шире и шире. Корни, прорастающие из стен, выглядели все толще и еще маслянистее. Они лоснились от черной слизи, слабо извиваясь в такт шагам людей.

Охотник даже не заметил, как по полу начал стелиться туман. Сначала он выглядел легкой прозрачной дымкой, но потом, поднимаясь все выше, сгустился. Ноги сразу же замерзли, и теперь холод уверенно карабкался вверх по телу, стремясь сковать льдом сердце и заморозить кровь в венах.

Изо рта Тенро начали вырываться облачка пара, а Кира теперь перехватывала арбалет то одной, то другой рукой, чтобы подышать на сведенные холодом пальцы.

В воздухе запахло паленой плотью. Туман полностью скрывал пол и охотник едва не споткнулся о что-то мягкое. Опустив факел ниже, и несколько раз взмахнув им, Тенро разогнал клочья тумана и увидел, что дальше весь пол завален телами измененных. Как и раньше, они обезображены страшными ударами широкого зачарованного лезвия, и края их смертельных ран медленно оплавившись.

Пламя факела задрожало на невесть откуда взявшемся ветру, и Тенро поспешно поднял его повыше, но новый порыв ветра погасил огонь.

Где-то вдалеке показалось небольшое пятно призрачного света. С каждым шагом оно все разрасталось, становясь больше. Резкий порыв ветра задул пламя факела и принес с собой запах дождя и сырости, вместо затхлого воздуха пещер.

Тенро уже собирался заново разжечь огонь, когда тусклый свет, струящийся откуда-то спереди, вдруг померк, и прямо перед охотником появилась тень. Сверкнула серебром сталь и лезвие высекло из камня сноп искр в том месте, где только что находилась голова Тенро.

Вовремя рухнувший на колени охотник вслепую ткнул тлеющим факелом вперед, точно

попав в кого-то, и сразу же откатился в сторону, избегая нового удара. Щелкнул арбалет и тень, пошатнувшись, скрылась в поднявшемся еще выше тумане.

Судя по звуку, Кира не попала.

— Вперед! — Ищущая, отбросив разряженное оружие, помогла Тенро встать на ноги. — Здесь мы легкая добыча.

Встав, охотник даже не стал пытаться нащупать на полу выроненный факел. Вместо этого он выхватил второй меч и бросился вперед. В мыслях мужчины пронеслась мысль — видела ли Кира серебристый свет, исходящий от клинка нападавшего?

Наверняка. Видела и все равно выстрелила, ориентируясь на этот самый свет. Зачарованное лезвие было длинным и широким, как у полутораручного меча...

Ищущая немного отстала от спутника, после чего догнала вновь. В руке у девушки что-то слабо мерцало — выпущенный ранее арбалетный болт она искать не стала и снова вооружилась своим миниатюрным оружием.

Мчась вперед, Тенро надеялся на две вещи — что он не споткнется и что не наткнется на выставленный в тумане меч. На его счастье ничего подобного не случилось ни с ним, ни с ищущей и они благополучно добрались до выхода из пещер.

Стоило Тенро выскочить под открытое небо, как вместе с ветром и каплями дождя, ему в лицо полетело и сверкающее лезвие меча. Выгнув спину, охотник едва успел вскинуть оружие.

Зазвенела сталь, спину пронзила игла боли, мужчина упал, едва не опрокинув спутницу. Успев прижать подбородок к груди, Тенро удалось избежать удара головой о камни и он, совершив кувырок, вскочил на ноги.

Грянул гром, сверкнула молния и смертельно бледный Митр, с яркими глазами и растрепанными черными волосами, бросился на Тенро, размахивая зачарованным мечом.

Плащ ищущего был изодран, а сквозь дыры в его нагруднике виднелось множество ран, по меньшей мере, три из которых были смертельными. Но это не мешало ищущему твердо держаться на ногах. Одним движением он отбил оба клинка охотника, врезавшись плечом тому в грудь и отбросив на камни.

Что-то крикнула Кира, но брат не послушал ее, вновь накинувшись на противника.

Словно безумный он атаковал Тенро с неистовой скоростью и силой, заставляя его отступать. Скользя спиной по острым камням, охотник избежал очередной атаки и едва не сверзлся вниз с края каменной платформы, на которой они оказались, выйдя из пещеры.

Высота была пугающей — земля терялась в темноте и тумане, стелящемся где-то далеко внизу.

У Тенро перехватило дыхание. Взмахнув руками и выровняв равновесие, он бросился в отчаянную атаку, стремясь уйти от пропасти.

Следопыту удалось ранить Митра в плечо, но ищущий даже не поморщился. На его бескровных губах выступила пена, за которой угадывались вытянувшиеся клыки. И теперь у Тенро не осталось сомнений — брат Киры стал измененным.

Отразив два молниеносных выпада, охотник контратаковал, вкладывая в удары всю свою силу и ловкость. Он старался достать противника зачарованным клинком, используя обычный для защиты, но Митр всегда умело уходил в стороны, парируя атаки.

Кажется, щелкнул арбалет, но слишком занятый боем охотник не обратил на это внимания. Лишь спустя несколько мучительно долгих ударов сердца и обмена молниеносными ударами, Тенро получил возможность бегло оценить ситуацию.

Они, и правда, оказались на небольшой округлой платформе с неровными краями. Скользкие от влаги камни покрывали клочья тумана, струящиеся от нагой фигуры, будто созданной из него.

Перерожденная наэрка, больше напоминающая мертвеца, стояла в центре платформы, ухмыляясь тонкими губами и не сводя глаз с Киры. Ее белоснежное тело покрывали глубокие раны и подтеки черной крови — видимо, Митр, перед изменением все же смог несколько раз достать тварь клинком.

Кира распласталась на полу, удерживаемая склизкими корнями. Она старалась дотянуться до лежащего рядом копья. Взведенный арбалет валялся рядом, а в двух шагах от него тускло поблескивал выпавший из ложа болт.

Тенро бросился было на помощь девушке, но дорогу ему заступил Митр, бесцеремонно выдернувший серебристый болт из под ребер. Его клинок тускло сверкнул в неясном свете луны, выглянувшей из-за дождливых туч и, отскочив от меча охотника, впился мужчине в плечо.

Боль пронзила тело Тенро, и он едва не выпустил оружие, лишь в последний миг конвульсивно сжав пальцы вокруг выскальзывающей из ладони рукояти — слишком поздно. Еще один удар и наэрский меч, ранее принадлежащий Лаэррэ, вращаясь в стылom воздухе, полетел за обрыв, растаяв в ночной тьме.

Пока Митр провожал зачарованное оружие взглядом, Тенро не терял времени даром. Рывком он отшатнулся назад, чувствуя, как серебристое лезвие покидает его тело, роняя капли теплой крови в радостно забурливший туман.

Содрогнувшись от боли, охотник инстинктивно зажал рану левой рукой, выронив меч. Неизвестно, как зачарованное оружие действовало на плоть людей, но и без магического воздействия, боль от раны была просто ослепительной. В глазах Тенро заплясали звездочки и он, пятясь, остервенело затряс головой.

Отступив, Митр поднес окровавленный клинок к лицу и медленно слизал кровь своим почерневшим склизким языком, зажмурившись от удовольствия. Серебристые искорки тревожно заколыхались, обжигая плоть измененного, но тот, кажется, получал от боли какое-то удовольствие.

— Мерзкое создание, — прорычал Тенро.

Он попробовал пошевелить левой рукой, но та слушалась плохо. Если не закончить бой, то все может обернуться очень скверно. Кровь, а вместе с ней и силы, стремительно покидали тело мужчины. Какое-то время он еще продержится за счет зелья ищущих, но долго ли?

Если об отведенном ему времени охотник мог лишь догадываться, то срок, отпущенный небом на жизнь Киры неумолимо подходил к концу — возродившаяся наэрка, обнажив острые клыки, медленно приближалась к силящейся пошевелиться ищущей.

— Я еще не проиграл, — морщась от боли, Тенро выхватил из поясных ножен охотничий клинок и, подбросив его на ладони, перехватил за лезвие.

Короткий замах и нож с глухим ударом вошел возрожденной наэрке в плечо. Та резко повернула голову к мужчине и в бельмах, заменяющих ей глаза, заколыхалась тьма. Выхватив из-за голенища сапога второй нож, охотник метнул и его, попав в высокую грудь твари.

Теперь уже наэрка полностью повернулась к Тенро и щупальца-корни, выпустив Киру, бросились к нему.

Охотнику потребовалась вся его выдержка, чтобы выстоять на месте столько, сколько требовалось. В самый последний миг он кувырком ушел вперед, зашипев от боли в плече и подняв с земли свой меч.

Корни прошелестели где-то за его спиной и, судя по грохоту камней, сорвались с платформы, скользя все ниже и ниже. Но, миновав одну смертельную опасность, Тенро на три шага приблизился к другой — мелко затрясший головой Митр бросился на него.

Удар.

Сталь заскрежетала о сталь.

Второй удар — плечо онемело.

Третий удар — Тенро рухнул на колени.

Занесший над его головой меч Митр, вдруг замер. Охотник быстро понял, в чем дело, когда возрожденная наэрка оказалась у него за спиной. Тихонько зашипев, она положила свои ледяные руки на плечи мужчины, пробежав по ним когтистыми пальцами. Бритвенно-острые когти коснулись шеи, рассекая кожу, и заскользили вниз по груди, вспарывая одежду и стремясь к сердцу.

О том, что произойдет, Тенро узнал немногим раньше, чем возрожденная, так как в гробовой тишине отчетливо услышал, как щелкнул взведенный арбалета, и болт легко скользнул по ложу.

Гром и молния одновременно взорвали ночное небо и растворили в себе сухой щелчок выстрела. Как только тело наэрки вздрогнуло, Тенро подался вперед, чувствуя, как его кожу рассекают когти. Оказавшись прямо перед Митром, охотник вонзил ему в живот свой меч, сразу же почувствовав, как и сам измененный нанес свой удар.

Лезвие полутораручного меча пробило бок Тенро, проскрежетав по кости и выйдя из спины. Пронзенный клинком, мужчина почти не мог шевелиться и, понимающий это Митр победно оскалился, плотоядно уставившись на горло жертвы.

Поразительно, но, несмотря на страшную боль, Тенро сохранил способность двигаться и мыслить. Возможно, в этом была заслуга зелья ищущих или же его самого, но охотник не мешкал.

Стиснув зубы, он вытащил свое оружие из тела тянущегося к нему оскаленными клыками измененного и перерубил лезвие его меча у самой рукояти. Опирающийся на клинок Митр на мгновение потерял равновесие, подавшись вперед и Тенро встретил его ударом локтя. Когда противник отшатнулся, то охотник, с криком боли и ярости одним ударом снес измененному голову.

Тело Митра безвольно рухнуло в туман, и охотник упал следом за ним, полностью погрузившись в бурлящий белоснежный саван.

* * *

Тенро почувствовал, как теряет контроль над собственным телом. Он силился встать, но не мог. Кто-то звал его по имени. Знакомый женский голос. Он хотел ответить, но язык не поворачивался, а для крика в груди не хватало воздуха. Попробовав вдохнуть, охотник осознал, что не может этого сделать.

«Неужели, это конец?» — тоскливо подумал Тенро, чувствуя, как его веки тяжелеют и глаза закрываются помимо воли.

Все звуки стих, а белый туман, такой холодный и, в то же время горячий, накрыл его с головой.

— Нужно сражаться, — пальцы стиснули рукоять потяжелевшего меча, и Тенро провалился в беспамятство.

Сначала в тумане не было ничего. Он обволакивал угасающее сознание человека, заменяя его и растворяя в себе Тенро.

Охотник ничего не мог сделать — у него не было сил сопротивляться, но он, все равно, упрямо продолжал бороться. Когда по телу пробежала дрожь, охотник с ужасом понял, что не чувствует его. Будто кто-то другой оттеснил личность охотника на самый край сознания, полностью подчинив себе оболочку.

Кто-то кровожадный, темный и безжалостный.

Тенро мог видеть происходящее, но не мог ничего изменить. Тело двигалось само, подчиняясь низменным инстинктам и чьей-то чужой воле, которая вскоре вытеснила Тенро, и он перестал существовать.

Туман перед глазами задергался, рассыпался клочьями и охотник понял, что смог встать. По телу растеклась небывалая легкость и сила и, в то же время, необъяснимое чувство голода.

Боли больше не было и все казалось каким-то безразличным.

А потом охотника кто-то позвал. Нет, не голосом и не по имени. Странно, но своего имени он вообще не помнил, да и было ли оно у него? Кто-то позвал снова и он, словно верный пес, поспешил на зов.

Вокруг все казалось замедленным, он мог разглядеть даже падающие капли дождя и отчетливо слышал, как те разбиваются о камни под его ногами. Кто-то встал за спиной и легко подтолкнул вперед, к скорчившемуся на полу человеку.

Рядом валялась какая-то светящаяся палка, она неприятно жгла глаза, а человек отчаянно пытался до нее дотянуться. Охотник вдруг понял, что этого допустить нельзя. Нужно убить человека!

Его кровь и плоть послужат пищей, а жизнь станет даром для хозяйки. Хозяйка будет рада, а он сыт и большего даже желать нельзя.

Он оттолкнулся от земли и взмыл вверх, навстречу каплям дождя, чтобы вместе с ними упасть на закричавшего человека. Он придавил жертву к земле, всем телом навалившись на нее, и ощутил, как бьется сердце в чужой груди и как по венам струится теплая кровь.

Замахнувшись, охотник понял, что ему что-то мешает. В руке он сжимал какой-то предмет. Удобный, тяжелый и, кажется, острый. Им удобно резать плоть.

Взглянув на отполированное лезвие, он увидел мужчину с серым лицом, острыми, оскаленными клыками и горящими зелеными глазами. Сдавлив шею жертвы левой рукой, он ощутил, как его когти рассекают тонкую кожу. Пальцы охотника обагрила кровь, и он затрепетал от восторга.

Перехватив человека за короткие черные волосы, охотник оттянул его голову назад, чтобы ударить по шее. Он уже облизывался в предвкушении, когда его взгляд вдруг наткнулся на какой-то предмет — круглые синие шарики на нити не давали отвести взора. Они приковывали его, заставляли смотреть на них и охотник вдруг ощутил какое-то жжение.

Что-то жгло его бок и это оказалось мучительно больно. Станный огонь выжигал его, уничтожал, а он не мог сделать ничего иного, кроме как дальше смотреть на синие бусы. Откуда-то с границы сознания начали приходить странные чувства.

Охотник о чем-то сожалел, злился, чего-то жаждал. Жжение с живота поднялось до груди.

— Не сдаваться! — Резко вдохнув, Тенро будто очнулся ото сна.

Боль, ярость, злость и отчаяние нахлынули на него волной, и он широко открыл глаза. Прокусив себе губу, охотник несколько раз быстро моргнул и обнаружил, что сидит верхом на Кире. Ищущая смотрела на него со странной смесью страха, отвращения и удивления, а он держал ее за волосы, заноса правую руку с мечом для удара.

— Тенро, — сдавленно прохрипела Кира.

Он хотел ответить, но не смог. Он не мог даже выпустить девушку — чья-то воля вновь сковала тело. Бесплотные руки обняли сзади за шею, а нежный голос начал шептать на ухо ужасные вещи.

— Нет! Не слушай ее! — Человек под охотником забился, сбросил его руку со своей головы и куда-то потянулся.

Качнулась нить синих бус, и охотник с превеликим трудом удержал свою, готовую нанести удар руку.

Он помедлил всего лишь миг и раскаленный прут света, проскользив по его плечу, пронзил что-то за спиной.

Копье ищущей обожгло плечо бесплотным огнем. Сознание затопила вспышка боли и охотник, не в силах сдержать крика, вскочил на ноги. Мысли и желания в его сознании угасали и вспыхивали вновь, заменяя друг друга и сводя человека с ума. Чувства вспыхивали яркими нитями, но чернели и провисали в бурлящую бездну, стоило его угасающему сознанию ухватиться за них.

Не в силах удержаться в собственном рассудке, он хватался за нити желаний, доброты, стремлений, злобы, ненависти, любви, голода, но они лопались в его руках, а он падал все ниже и ниже. Почти потеряв надежду, он вдруг увидел еще одну нить. Нить, которую не замечал раньше, а ведь она всегда была на этом месте. Не черная и не белая, как остальные, а ярко-алая. Нить мести пульсировала в такт ударам его сердца, которое он вдруг начал заново ощущать.

— Никогда не сдамся! — Отбросив все, охотник повис на этой нити обеими руками, неистово потащив себя наверх и чувствуя, как его сознание вырывается из омута чужой воли.

Кто-то снова зашептал ему на ухо, но теперь охотник не слушал. Зарывав, он резко развернулся и вонзил меч во что-то холодное и податливое. В глазах прояснилось, и он увидел бледное лицо. Его можно было бы назвать красивым, если бы не бельмо вместо одного глаза и черная бездна вместо другого.

Наэрка приоткрыла бескровные губы, из-под которых блеснули острые клыки. Она хотела что-то сказать, но он не дал ей этого сделать.

Свободной рукой, охотник надавил на торчащий из груди возрожденной арбалетный болт, плоть вокруг которого обугливалась и распадалась. Изогнувшись всем телом, наэрка оттолкнула его, и он сделал несколько шагов назад, выпустив рукоять меча, так и оставшегося в животе возрожденной.

Вокруг порождения тумана забились черные щупальца. словно лапы обезумевшего паука, они крушили все вокруг, стремясь добраться до врагов своей госпожи.

— Не... не подходи... — прорычал охотник Кире, вставшей рядом с ним и сжимающей в руках копьё, чей свет жег следопыту глаза. — Она... убьет тебя.

Жжение усилилось, и мужчина понял, что это вовсе не копьё причиняет ему боль. Что-

то в животе пульсировало, сжигало его изнутри. Опустив взгляд, охотник увидел обломок меча, чье серебристое лезвие торчало из его живота, мерцая мягким серебристым светом.

Женщина рядом с ним что-то прокричала, но он не разобрал слов. Их унес ветер.

Стиснув зубы, охотник ухватился руками за лезвие и, что было сил, потянул его на себя. Боль затопила все сознание, но пульсирующая алая нить не дала ему потухнуть окончательно.

Чувствуя, что вот-вот лишится сил, охотник вырвал из себя обломок меча, сжав лезвие ладонями. Рассеченная кожа горела, обугливаясь прямо на глазах, но ему было все равно. Собрав оставшиеся силы, он рванулся навстречу шипящей возрожденной.

Корни-щупальца бросились навстречу охотнику.

Одно он отбил клинком, другое перепрыгнул, увернулся еще од двух, но оставшиеся все же достигли цели. Ему казалось, что нельзя испытать боль большую, чем уже терзает его тело, но он ошибался.

Алая нить мести в сознании неистово забилась, заставляя тело двигаться и преодолевать боль.

Никогда не сдаваться!

Серебристое лезвие взлетело и опустилось трижды, рассекая вонзившиеся в тело корни-щупальца. Еще три шага и он оказался напротив своей цели, но не остановился. Врезавшись в хрупкое нагое тело, охотник пронзил его клинком и, приподняв над землей, потащил вперед. Даже когда его ноги прекратили чувствовать опору, он не выпускал из своего сознания алую нить, дающую ему силы. Ухватившись рукой за тонкую шею возрожденной, он вырвал из ее тела клинок и двумя ударами обезглавил создание тумана.

— Тенро! — Донесся до него какой-то знакомый голос, звучащий, кажется, с самих небес.

— Тенро... — беззвучно повторил он, подставив лицо бьющему навстречу ветру.

Стремительно приближающиеся кромки деревьев казались крошечными и незначительными, а вот холод, пронизывающий тело — пугал. Сверху снова донесся все тот же голос, и охотник вновь повторил за ним:

— Тенро...

«А кто это»? — подумал падающий вниз охотник.

Алая нить, наконец, лопнула, и его сознание провалилось во тьму прежде, чем тело рухнуло на землю со страшной высоты.

Деревня Заречье находилась близ реки Лориан, откуда и получила свое название. Зажатая с двух сторон, между сверкающими водами Лориана и Вороньими скалами, деревенька не пользовалась большой популярностью, а единственная дорога, что вела через нее, тянулась из Вортина и уходила на юг, в ближайшую к Застывшему лесу крепость, преграждающую единственный проход между Вороньими скалами и Королевским кряжем.

Солдаты редко заезжали в расположенный в Заречье трактир, а если и бывали здесь, то исключительно для того, чтобы напиться и устроить драку с местными мужиками. Народ в деревне жил грубый, вспыльчивый, но дружный. Близость Застывшего леса научила многих всегда носить при себе оружие, а уж пользоваться им почитай все здесь умели.

— Привет Триг, — едва успев проскользнуть в приоткрывшуюся дверь трактира, произнес худощавый мужчина и улыбнулся, привычным движением поправив перевязь с коротким мечом. — И тебе не хворать, Тул! Тихо тут у вас, хорошо.

В тесном зале трактира сидели двое мужчин. Один крепкий и широкоплечий, в просторной рубахе с закатанными рукавами и татуировкой пехотинца на правой руке носил имя Тул. Его открытое лицо уже начали бороздить морщины, а волос коснулась седина, но в карих глазах бурлила жизнь.

Местный вышибала приподнял свою кружку, приветствуя гостя, и широко улыбнулся щербатым ртом.

Второй же, старый, с объемистым пузом и хитрыми глазами был не кем иным, как хозяином трактира «Полосатый кот» и именно к нему обратился припозднившийся посетитель.

— Лучше уж так, чем опять эти паршивцы из крепости припрутся, — безрадостно буркнул Триг, встопорщив бороду.

— И то, правда, — согласился гость. — Нальешь?

— Снова в долг, Йор? — хозяин трактира недоверчиво прищурился и худощавый Йор виновато развел руками, подарив хмурым мужчинам еще одну обезоруживающую улыбку. — Ладно уж, садись, — смягчившись, Триг кивнул посетителю на свободный стул напротив стойки, за которой он стоял.

— Вот спасибо! — Обрадовался Йор, проворно юркнув вперед и быстро вскарабкавшись на высокий стул. Глядя, как справный трактирщик наливает ему кружку пенного напитка, мужчина заулыбался еще шире, в предвкушении потирая озябшие руки.

— Погода дрянь? — Осведомился сидевший рядом Тул.

— Ага, — с готовностью закивал Йор. — Слыхали гром-то? Вот-вот начнет...

Вспышка и новый раскат грома заглушил слова мужчины. Разнесшийся под самыми небесами грохот заставил мутные стекла трактира трусливо задрожать.

Едва все успокоилось, как в окна ударил дождь, безумно заколотив тяжелыми каплями по неровным подоконникам.

— Теперь-то точно никто не придет, — тяжело вздохнул Триг, поставив на стойку полную кружку. — Снова ты мне должен, приятель.

— Сочтемся, — беззаботно улыбнулся Йор, отсалютовав собеседникам кружкой и с явным наслаждением припав к ней губами.

Не успел мужчина оторваться от напитка, как дверь распахнулась, и на пороге

появилось двое солдат. Точнее солдатами они лишь хотели казаться: поношенная, явно с чужого плеча броня, сорванные знаки отличия и бегающий взгляд с головой выдавал дезертиров или мародеров, которых в этих краях всегда хватало.

Вошедшие мужчины замерли на пороге, быстро обшарив глазами всю залу.

— Пива? — Вместо приветствия поинтересовался Триг. Старому трактирщику был безразличен маскарад этой парочки. Он готов был налить хоть измененному, если бы у того имелись деньги и он не принес с собой ворох проблем.

— Нет, — резко мотнул головой один из вошедших и, отбросив в сторону плащ, направил на трактирщика взведенный арбалет. — Лучше денег.

Открывший было рот Йор так и замер, едва успев оторвать кружку от губ.

— Да нет денег, служивый, — развел руками Триг, выразительно взглянув на потянувшегося за мечом Тула.

Вышибала намек трактирщика понял и нехотя убрал руку от оружия.

— Авось мы сами поищем? — у второго незваного гостя, так же, оказался арбалет, правда, с треснувшей рукоятью.

— Ищите, — пожал плечами Триг. — Мне не жалко.

Пусть трактирщик и выглядел спокойным, в голове он лихорадочно искал возможные пути решения конфликта, особенно те из них, что не ударили бы по его кошельку. Таковых не находилось, а рисковать жизнью на ночь глядя, Тригу хотелось еще меньше, чем расставаться с деньгами.

Заявившиеся головорезы, судя по тому, как держали оружие, свое дело знали. Арбалета-то у них два, а значит, кто-то один умрет точно и, скорее всего, это будет старина Тул, а у него жена, да двое детишек.

Триг поморщился, но, все же, переступил через жадность и уже готов был потянуться за кошельком, когда дверь трактира открылась уже третий раз за вечер.

Едва внутрь шагнул широкоплечий мужчина в черных рваных одеждах, как ему в грудь сразу же уперся арбалет...

А дальше все произошло настолько быстро, что Триг едва успел разглядеть: когда целящийся в незнакомца бандит спустил крючок, его арбалет щелкнул, но в ложе болта не оказалось. Тип в плаще был не так прост и, едва сорвалась тетива, вогнал оказавшийся у него между пальцев арбалетный болт неудавшемуся убийце точно под нижнюю челюсть, толкнув оседающее тело на второго громилу.

Живой разбойник от неожиданности выпустил стрелу и та глубоко засела в стойке между выронившим кружку Йором и отпрянувшим Тулом.

Незнакомец выхватил меч с черным лезвием и одним неуловимым движением раскроил верзиле горло от уха до уха, убрав клинок прежде, чем тот успел зажать смертельную рану дрожащими руками.

— Ну ты даешь, — выдохнул Йор, изумленно глядя на выпрямившегося мужчину черном плаще. Тот, как ни в чем не бывало, переступил через растянувшихся на полу мертвецов и бесшумно прошел к стойке.

— Ты откуда такой? — Осторожно поинтересовался Триг вместо приветствия или слов благодарности.

Трактирщик за свою жизнь повидал много людей и уяснил, что от того, кто так споро отправляет собратьев на тот свет, ожидать можно всего, чего угодно. А уж от этого незнакомца так и веяло угрозой.

Путник не ответил, лишь скупой кивнул головой за спину трактирщика.

— Из крепости, чтоль? — Нисколько не удивился Триг. — С границы с лесом?

Вновь кивок.

— А куда путь держишь? — Трактирщик прищурился и подался вперед, пытаясь разглядеть лицо гостя, но это ему не удалось — глубокий капюшон скрывал почти все до заросшего темной бородой подбородка. — Домой?

На этот раз капюшон дернулся немного влево, и тихий голос неопределенно повторил за трактирщиком:

— Домой.

— Никатр? — предположил Йор, отхлебнув из кружки. Он назвал первый ближайший город в указанном незнакомцем направлении и досадливо цокнул языком, когда капюшон качнулся из стороны в сторону.

— Да какой Никатр, — отмахнулся Тул, с интересом разглядывающий оружие незнакомца.

А посмотреть было на что: два наэрсских клинка в простых ножнах с гравировкой листвы, янтарь на рукояти одного выглядел поразительно чистым, а вот другой будто налился тенью. Да еще и чудной лук из какого-то черного дерева, явно не людской работы, угрожающе торчал из-за плеча мужчины.

— Дальше небось, да?

Кивок.

Тут мужчины не выдержали и начали наперебой перебирать все города и деревни, лежащие к востоку от Заречья, по течению реки Лориан. Но незнакомец лишь качал головой.

— Измененные с тобой, парень! — Хлопнул по стойке Триг. — Да там уже даже кряж кончается, а за ним только наэрцы да Застывший лес!

— Еще Зеленые поляны! — Брякнул Йор и испуганно хлопнул глазами, когда стоявший рядом с ним незнакомец вздрогнул. — С полян что ли?! Да ладно!

Неуверенный кивок.

— Так ты не знаешь ничего? — в голосе Ула промелькнуло сострадание. — Воевал, поди, последние несколько лет?

— Воевал, — отрешенно повторил незнакомец.

— Плохие новости для тебя, брат, — старый пехотинец покачал головой, а Триг молча, поставил перед гостем кружку пива:

— За мой счет, — произнес трактирщик.

— Нету больше Зеленых полян, приятель, — медленно начал Тул. — Уже год, как измененные там всех перебили. Говорят, люди пытались прорваться, да никого твари проклятые не выпустили. Все полегли. Эй, постой!

Не притронувшийся к пиву незнакомец явно собирался уйти, но остановился. Темный провал капюшона повернулся к Тулу и тот почувствовал, как у него по спине пробежал неприятный холодок.

— Одному до туда сложно добраться, — начал старый пехотинец. — А у тебя, судя по запачканной грязью обуви, даже коня нет. Места суровые, да и времена нынче беспокойные. А ты, вроде, парень бойкий, — поджав губы, Тул оценивающе посмотрел на мужчину. — Меч держать умеешь. Где служил?

— Не помню, — тихо произнес незнакомец, покачав головой.

— Покажи руку, — попросил Тул, продемонстрировав свою татуировку пехотинца. — У

тебя есть такой знак?

Затаив дыхание, трое мужчин смотрели, как пополз вверх драный рукав изношенной куртки и едва сдержали удивленные возгласы, когда увидели татуировку черной стрелы, пробивающей лист в виде сердца.

— Твою-то... — потрясенно выдохнул Йор, разом допив свое пиво. — Черная стрела!

— Парень, — сухо сказал Триг, обменявшись с Тулом многозначительным взглядом. — У меня к тебе есть предложение. Сможешь заработать денег, да и до места нужного доберешься без проблем. Интересует?

Капюшон замер, после чего медленно качнулся вниз и вверх.

— Отлично! — Сразу обрадовался Триг. — Звать-то тебя как, парень?

Незнакомец некоторое время молчал, кажется, даже не дыша, а после тихо произнес имя, которое часто слышал в своих редких снах, хоть и не знал, кому оно принадлежит:

— Тенро, — назвал его.

— Что ж, — Триг протянул руку и когда назвавшийся мужчина пожал ее, невольно отметил, как крепка и холодна его хватка. Будто сама смерть только что подержала трактирщика за руку.

Подержала и отпустила, пока.

Сглотнув, Триг выдавил из себя улыбку — ему все же удалось заглянуть под край капюшона и, всего лишь на миг, ему показалось, будто зеленые глаза странного гостя были неестественно яркими.

Триг моргнул и наваждение пропало. Переведя дух, трактирщик, наконец, договорил:

— Рад встрече, Тенро. Но, прежде чем мы тебя окончательно примем, придется пройти испытание. Согласен? А то бросишь нас на полпути, сдашься...

Я... — незнакомец помолчал, после чего договорил уже более уверенно, а в его зеленых глазах всколыхнулось пламя холодной решимости. — Никогда. Не сдамся.

Больше книг на сайте — Knigolub.net